

Оглавление

Четвериков С. И. «О том, что сохранила память»	2
Тютрина С. И. «Её фронт».....	4
Машкин А. В. «Война и дети»	7
Малькова К. Д. «Мы изучали устройство винтовки»	9
Смирнова Н. И. «Отца мы больше не видели, он погиб...».....	10
Хохлова Л. Ф. «Нас, младших, растили сестра Полина и брат Геннадий»	13
Кропачева Р. Г. «Война давно закончилась, но не забыта»	14
Педаяс Г. Э. «Тучи над городом встали»	14
Машкин Г. Е. «Парень из деревни».....	16
Протасова А. С. «Пусть память о героях будет вечной!».....	18
Парахина В. С. «Я в каждом военном видела своего папу...»	19
Слабинская С. А. «Вот и вся моя жизнь, ребенка войны»	21
Якименко Н. А. «Жизнь в тылу была очень тяжёлой»	24
Березина Т. С. «У нас в тылу был свой фронт».....	28
Мошкина М. П. «Спасибо тебе за то, что сберегла всех...»	30
Уварова А. В. «Дай Бог, чтоб больше не было войны!»	31
Лобастова Л. И. «Вспоминаю то время и самое большое мое желание - чтоб оно не повторилось никогда!».....	34
Чикишева В. Г. «Оричи - святое место для нашей семьи».....	35
Суворов Г. Г. «Детство, опалённое войной»	38
Суворов В. Г. «Ты мне сохрани детей».....	41
Чикишева Т. Г. (Суворова) «Что я помню о войне».....	42
Суворова З. К. «Письмо из 1945»	45
Суворова З. К. «Это милое слово Родина»	46
Перевалова С. Л. «Ах, война!Что ты сделала подлая...»	51
Гагаринова Н. Н. «Домой ходили с факелами, которые несли мальчишки»	54
Баталова С. В. Загляните в семейный альбом	55
Тележкина Л. Ф. «Трудились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!»	57
Зверев И. Г. «Хорошая учёба детей солдат – это помощь Красной армии в битвах за победу»	59
Ростовцев А. И. «Мы жили очень плохо».....	61
Ростовцев А. И. «Как я шпиона поймал».....	63
Вохмянин А. С. «Его подвиг был тихим, внешне незаметным»	64
Зыкова В. М. «Расти большая, моя крошечка».....	66
Лучинина А. А. (Жданова) «Бегаем босиком по проталинкам...».....	67
Мартьянова Н. М. «Только поезд отъехал от станции, ее разбомбили немцы»	69
Юрьев Ф. И. Из воспоминаний о Великой Отечественной войне 1941-45 гг.	71
Кислицына А. Д. «Детства, можно сказать, мы не видели».....	73
Жидков А. И. «Работали все, старый и малый»	75
Жаворонков И. С. «Остались очень тяжелые воспоминания о страшных лишениях...»	77
Зубарева (Головина) И. «Гордимся тем, что мы - их частичка».....	78
Хохлов Н. «Великая Отечественная война в памяти моей семьи».....	79
Широнина А. М. «Женщины работали на износ».....	81
Мошкина Р. В. «9 мая 1945года шел дождь. Это был плач небес».....	83
Смирнова Н. Н. «Отец так и не вернулся домой, погиб...»	84
Татарина З. Н. «Подошва обуви была привязана веревками»	85
Ковалёва Н. Я. «Воспоминания из далекого прошлого».....	86
Мачин В. Е. «Возил немцев на машине ЗИС-5».....	87
Даровских С. К. «У кормушки уснём вместе с коровой».....	88

Анисимова Т. А. «Ничто не изгладит из памяти близких и родных этот ужас войны».....	88
Коротких С. Н. «Шли треугольнички, в которых коротко: «Жив, здоров»	89
Фуфачева А. В. «...Увязла в грязи на этом поле так, что меня еле нашли».....	90
Ведрова А. В. «Молитесь Богу! Война закончилась!»	90
Столбова Е. Г. «Не было усталости, хотя работали не покладая рук».....	92
Киверин Г. Н. «Любимым занятием у нас была ловля раков».....	93

Четвериков С. И. «О том, что сохранила память»

Когда началась война, мне не исполнилось и трёх лет, поэтому события военного времени помнятся плохо, случайными эпизодами. Жили мы тогда в деревне Гурины, Верхошижемского района. Деревня, по местным меркам, большая. До революции была центром Смирновской волости Орловского уезда, в советское время – центром Дымковского сельсовета. Имела свою начальную школу, избу-читальню (библиотеку), клуб, магазин, ветлечебницу, маслозавод, позже преобразованный в сепараторное отделение. Жители деревни состояли в колхозе «Красное знамя», который считался передовым в сельсовете и по району, это не раз подтверждала районная газета «Колхозная правда». Таковым он оставался в годы войны и после её, пока не началась кампания укрупнений.

Как пришло в деревню известие о начале войны (радиовещание ещё отсутствовало), я не запомнил. В памяти остался более поздний по времени эпизод с «похоронкой». Одной из женщин, которых в деревне относили к разряду молодух, почтальон прямо на улице вручил извещение на официальном бланке. Прочитав, что муж её «пропал без вести», женщина была поражена, убита горем и, не переставая рыдать, раз за разом обращалась к окружающим: «Как это пропал? Почему пропал?» и стоящие рядом люди, её понимали. Дело в том, что в деревнях понятие «пропал» издавна соотносили с падежом животных. В обиходе нередко можно было слышать, что у кого-то пропала собака или ещё хуже – поросёнок, овца, корова. Выражаться, таким образом о человеке, считалось неуместным, оскорбительным.

К сожалению, термин «пропал без вести» не учитывал особенности лексики русской деревни и прочно закрепился в официальных документах, присутствует даже в Книге Памяти. Попытка заменить его на более уместное «пал безвестно», остаётся безуспешной.

«Похоронок» в нашу деревню почтальон принёс более 30. В некоторые семьи он заходил по два и даже по три раза. Какая ёмкость была способна вместить слёзы тех, кто оплакивал тогда своих родных и близких!

В числе наиболее пострадавших от войны оказалась семья Фёдора Панкратьевича Папырина, у которого погибли все три сына: Сергей – лётчик, Геннадий – танкист и Виктор – пехотинец. Сам глава семьи вернулся с протезом вместо ноги и серьёзным ранением в голову. При тяжелейших ранах души и тела до конца своих дней он оставался деятельным, активным, расположенным к людям, человеком. Был приветлив и доброжелателен к нам, маленьким тогда ребяташкам. Под стать ему прожила свой век и жена Анна Семёновна, которую деревенские почему-то все называли не Анной, а Ниной.

Григорий Павлович Папырин, по причине преклонного возраста, не был на фронте, но семья его потеряла всех четверых сыновей. Один погиб ещё на гражданской, трое – на фронтах Великой Отечественной войны.

В семье Никиты Фомича Мухачева не было сыновей. Воевал один хозяин, был обычным минером. При разминировании ночью ничейной полосы, прямо в руках его взорвалась мина. Солдат чудом выжил. Но к жене вернулся без обеих рук и с ожогами лица. Жена, Елизавета Михайловна, добросовестно опекала мужа до конца жизни.

Окончилась война, и уцелевшие фронтовики стали возвращаться в родные дома. Многие пришли инвалидами. Двое или трое избежали ран и контузий. На большинстве война оставила зримые отметины.

И здоровые, и не очень, сразу же выходили на колхозную работу. После всего пережитого на фронте, она представлялась творческой, приносила радость и удовлетворение. Поэтому, почти каждый, что называется, выкладывался без остатка, проявлял себя не только в труде, но и в общественной жизни.

Участник войны, тракторист Иван Гаврилович Вшивцев предстал вдруг большим мастером игры на баяне, гармошке и струнных инструментах, декламатором поэтических произведений. На одном из концертов художественной самодеятельности в клубе читал он однажды широко известное тогда стихотворение Михаила Исаковского «Русской женщине». Слегка «подогретый» накануне (была у человека такая слабость), читал выразительно, с чувством, проникновенно о том, какую тяжкую ношу несла на себе русская баба в годы войны. Читал так, что каждой женщине в зале казалось - это написано о ней, о её тяжелейшей доле, о её великом вкладе в Победу.

Когда закончил, аплодисментов не последовало: деревня ещё не понимала смысла и назначения их. Зал, словно околдованный, долго молчал. В абсолютной, лишённой малейшего шороха, тишине, реакцию слушателей выразила солдатская вдова Анна Емельяновна Куклина всего тремя словами: «Всю правду рассказал!»

Нельзя не отметить, что среди женщин тогда преобладали вдовы. Некоторые обрели этот статус ещё в ходе Первой мировой и Гражданской войн. В довольно многочисленной поросли рождения предвоенных лет добрая половина осталась и выросла безотцовщиной. Ущерб, который нанесла деревне война, был громаден. Он, без преувеличения, и стал первопричиной её последующего увядания.

Отгремевшая, казалось бы, война продолжала напоминать о себе. Почти все вчерашние фронтовики и на работе, и дома из-за отсутствия другой, не расставались с армейской одеждой и обувью. Многие носили гимнастёрки и форменные шаровары – галифе, а на ногах – солдатские сапоги и даже с длиннющими обмотками ботинки. Случалось, разматается вдруг обмотка и увертливой змейкой побежит по земле. Загогочут свидетели солдатского конфуза, а тот чертыхнётся и постарается побыстрее упеленать обнажившуюся конечность.

Приходилось в те годы видеть незнакомые для деревенского человека предметы солдатского обихода. В их числе бензиновые зажигалки из винтовочных патронов, портсигары из авиационного плексигласа, кремневое кресало с ватой для прикуривания и другие окопные самоделки.

Встречались у фронтовиков и вещи трофейного происхождения: никелированные офицерские зажигалки, губные гармошки, в плотном суконном чехле походные армейские фляжки, пластмассовые с винтовой крышкой баночки для хранения пайкового масла, с четырьмя накладными карманами немецкие полевые френчи и поясные, к мундиру, ремни.

Один из таких ремней с непонятным рисунком и выпирающей надписью на увесистой, словно бы оловянной, бляхе мы однажды долго рассматривали у

соседского мальчишки. Кто-то из старших перевёл: «С нами бог!» - сообщила бляха. Мы посоветовались и решили, что если напильником содрать рисунок и буквы на бляхе, то ремень носить можно. Так и поступили.

Первые послевоенные годы деревня жила бедно. Бедность проявляла себя в скудном и малокалорийном питании, в ветхой, зачастую без учёта пола и возраста человека, одежде и обуви, в острой нехватке соли, спичек, мыла, керосина, лампового и оконного стекла, посуды и многих других товаров повседневного спроса. Помогала выжить природа. В питании сельского жителя широко использовались грибы и лесные ягоды, рыбалка из ближайшей речки Красной и её притоков, различные травы.

Настоящим благом для учеников Гуринской начальной школы, в которой мне довелось начать учение в 1946 году, стали горячие завтраки. В большой русской печи здесь ежедневно варили четыре (по числу классов) вместительных корчаги каши или гороховицы. Каждый ученик на большой перемене получал поварешку названного варева и, конечно же, был доволен. Довольны были и родители заботой колхоза и сельсовета об их чадах.

Куда с меньшим энтузиазмом воспринимали эти чада процедуру обязательного причащения рыбьим жиром, который время от времени большими бутылками привозили незнакомые тётеньки из района. Не всем нравилось глотать непривычное лекарство по столовой ложке сразу, но тётеньки были неумолимы, угрожая непокорным каким-то рахитом. Под их напором самые строптивые мальчишки смирялись и, преодолев отвращение, проглатывали содержимое увесистой ложки. Сейчас понимаешь, что возможно и поэтому никто из нас тогда серьёзно не болел, никто не умер, никто не стал инвалидом.

Гуринской начальной школе мы обязаны и тем, что неброские внешне учителя многим привили любовь к книге, желание читать, познавать новое.

Через много лет, в июне 2016 года, в давно пустующей деревне Гурины собрались около 40 бывших учеников, и был открыт памятник школе на том самом месте, где она стояла. На памятнике фотография школы и к ней пояснение: «На этом месте стояла Гуринская начальная школа, которая щедро излучала свет знаний и культуры многим поколениям жителей окрестных деревень».

Благодарная память о школе, как главном символе нашей малой родины, остаётся в душе каждого»

27. 01. 2020, Четвериков С.И., 1938 г.р., пгт. Оричи

Тютрина С. И. «Её фронт»

Телевизор она не очень любит. Разве что полюбившийся сериал какой-нибудь смотрит, ну и новости обязательно. Над сюжетом, где Президент В.В. Путин вручал ветеранам юбилейные медали «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» даже всплакнула. Далекие годы вспомнились, по ушедшей молодости взгрустнулось.

А на следующий день в дверь позвонили. На пороге стояли незнакомые люди.

- Здравствуйте, я глава поселка Оричи, - представился молодой человек, а со мной председатели ветеранских организаций поселка и района.

- Ой, и зачем это такая уважаемая делегация пожаловала? - удивилась она.

- Сусанна Иннокентьевна, - торжественно начал молодой человек, - Указом Президента Российской Федерации вы награждены юбилейной медалью «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов».

- Такой же, что вчера в Кремле вручали?

- Да. Позвольте вам вручить ее.

- Так ведь я на фронте не была.

- Ваш фронт для победы был не менее важен, - заметил председатель районной ветеранской организации.

Гости еще посидели, поздравили и распрощались. А она будто унеслась в далекие годы, где жила ее юность.

Шел 1942 год. В их колхозе «Трактор», что объединял две деревни Матренинская и Сварусская Лузского района, мужиков осталось совсем мало. Ей, пятнадцатилетней девчонке, окончившей всего лишь трехмесячные курсы бригадиров, приходилось командовать людьми значительно старше себя. Но, видать, хорошо командовала, правильно, потому что слушались, не обижались, не отмахивались от юного бригадира. Да и председатель частенько похваливал.

Повестка из военкомата для их чисто женской семьи (мама, да две дочки) явилась полной неожиданностью. Но, тем не менее, ей предписывалось явиться в военкомат с вещами, чтобы отправиться в Свердловскую область на военное предприятие.

Так хмурым октябрьским утром сбежала она с крылечка своей избы с заплечным мешком на спине, и отправилась за десяток километров в город Лузу. Она впервые покидала родной дом. Было, конечно, тоскливо, но где-то в глубине души жило любопытство перед новой жизнью.

Молодые парни и девчата заполнили весь лузский перрон. Район сформировал целый эшелон будущих рабочих – 220 человек. Поезд повез их в небольшой городок Новая Ляля для фабрично-заводского обучения, как было написано в сопроводительном документе. Их поезд больше стоял, чем шел – пропускали воинские эшелоны. От Кирова до Свердловска ехали 10 дней.

Завод, который выпускал патроны, им показали первым. И хотя полгода они считались учащимися ФЗО, к станкам поставили практически сразу. Ей достался один из самых трудных участков – съемка картона с конвейера пап-машины. Как справлялась с тяжеленными листами сырого картона, сейчас удивительно. До сих пор помнит эту тяжесть в руках. А сама-то росточком «от горшка два вершка». А вот выстояла все четыре года. Нередко и шестнадцать часов подряд. Сыро, холодно, голодно... Согревало одно - их работа – помощь фронту.

Чего только не бывало. Вспомнилось отчаяние, когда она обнаружила пропажу кошелька с талонами на питание. «Все, не выжить!» - подумала. Уже приготовилась к самому худшему, когда из дома неожиданно пришла посылка с сухарями. Мама, словно чувствуя дочкину беду, правдами - неправдами отправила эту посылку: их не брали из-за перегруженности почты. Так 10 дней на воде и сухарях, при тяжелой работе. Выстояла, выдюжила. Еще и песни с девчатами пела. Ох, какие голосистые были девчата, особенно смоленские.

Голод донимал все сильнее. Хорошо хоть была небольшая зарплата деньгами. Иной раз бегали на местный рынок, что-то покупали. Однажды подружка прибежала радостная: холодца купила. Стали все пробовать и наткнулись на человеческие ногти. Больше на рынке не покупали ничего мясного.

Весть о победе оглушила людей тишиной: машины, все военные годы, работавшие непрерывно, были остановлены. На заводе прошел митинг. Помнится эта радость и неверие, что все позади.

Спустя два часа цеха заработали снова. Скоро стали давать выходные. Четыре года их не было ни у кого. А в августе 1945 года – первый отпуск. Домой поехала радостная – отрезала свои толстые косы и сделала перманент. Городская.

Дома в разгаре уборочная страда. Не до отдыха. Взяла серп и целый месяц жала рожь. Месяц пролетел незаметно. Пора возвращаться. Ой, уговаривали: не езд. Особенно мама ее довоенного кавалера, мол, скоро Алеша вернется. С Алешей увидеться хотелось, но законы военного времени никто не отменял еще. Не вернись на работу вовремя, могли под суд отдать. Да... Алеша ее не дождался. Вернулся и женился на местной учительнице. Ну, да Бог с ним. Судьба ее тоже не обидела. Встретила она своего суженого. Почти шестьдесят лет вместе прожили.

Еще год проработала она у своей пап-машины. Но домой собиралась. Даже чемодан сколотила. Сама. Девчонки из соседнего цеха приносили обрезки картона. Вот из них и получился чемоданчик, да еще материалом обтянула. Загляденье! Заводским женщинам после войны стали давать талоны на приобретение вещей. Так у нее и туфельки, и платья появились.

Дорога домой. Как вспомнишь... Дали три килограмма хлеба. Казалось, хватит. Но как сесть на поезд? Составы переполнены. Возвращались с войны солдаты. Прошло трое суток. Хлеб съеден. Голодная, усталая, отчаявшаяся, при очередной посадке пролезла под вагоном на противоположную сторону и села с другой стороны тамбура (он был закрыт) на подножку, ухватившись руками за поручни. Мысленно похвалила себя за то, что к чемодану предусмотрительно ляжку пришила. Теперь он висел у нее на руке. Как проехала от Свердловска до Перми 380 километров 12 часов, сама сейчас удивляется. В Перми во время остановки дверь тамбура вдруг стала открываться. Она перепугалась: столкнут. Но высокий военный, взглянув, все понял и протянул руку – влезай. Хотела было руку-то подать, а пальцы разжать не может - затекли от холода и напряжения.

В вагон ее все-таки втянули, даже посадили, хотя казалось, яблоку некуда было упасть. И накормили. Так что еще пол-суток до Кирова ехала, считай, с комфортом. А в Кирове уже душа пела, только есть хотелось. До Лузы надо было еще пол-суток добираться. Пошла на рынок и выменяла на костюм 800 граммов хлеба.

В 1945 году группа рабочих военного завода в Новой Ляле была награждена медалями. Здесь на прилагаемой фотографии Тютрина С.И. в среднем ряду крайняя справа.

Ее военная биография закончилась. Потом еще много чего будет. И нелегкая работа, и счастливое замужество, и строительство дома, и дети. Почти всю свою жизнь проживет в Лузском районе. Уже в преклонном возрасте переедет в поселок Оричи, к сыну...

А пока она молода и счастлива, садится в поезд на Лузу и мечтает о родной избе, запахе свежего сена и кружке парного молока.

Такая вот история жизни моей прабабушки Сусанны Иннокентьевны Тютриной.

***Справка:** Тютрина Сусанна Иннокентьевна, родилась 9 августа 1926 года, проживает в посёлке Оричи с сыном Тютриным В.Н.*

Варвара Солодовникова, правнучка, г. Киров

Машкин А. В. «Война и дети»

«Этим разнесчастным бабёнкам и детишкам не слаще нашего в тылу приходилось. Вся держава на них опёрлась!» - так говорил один из героев художественного фильма «Судьба человека».

Война – это смерть, боль, грязь, холод, голод, унижения. Война машин, война взрослых. А каково во всём этом быть маленьким детям? Зачем это им всё? Зачем терпеть голод и холод, лишаться родителей и близких родственников. Понять этого, в настоящее время пожилые уже, бывшие дети той войны, не могут до сих пор. Слезы тех военных лет не высыхают на их глазах и поныне. Воспоминания естественно тяжёлые, да и что можно хорошего вспомнить.

Моему отцу Владимиру, оставшемуся за старшего в семье, шёл всего восьмой год, когда пришла повестка на фронт его отцу - Фёдору (моему деду). Шли первые дни с начала Отечественной войны, а дома была прекрасная летняя пора для крестьян, однако, надо было идти защищать Родину. Пришлось оставить всё колхозное и домашнее хозяйство на жену и малолетних детей, которых к тому времени было уже четверо – мал мала меньше, сыновья – Володя, Коля, Саша и дочка Люба.

До войны Фёдор работал в колхозной кузнице, был работающим, на хорошем счету, уважаемым человеком. Так о нём всегда отзывались сельчане. В деревне Колосово, что в четырёх километрах от села Коршик, построил свой дом, правда доделать его из-за войны так и не успел. На день рождения старшего сына Володи подарил ему новую гармонь. Хоть тот и был малолетним, но у него было большое желание освоить этот инструмент, что ему с успехом удалось, чему радовались все.

В день проводов Фёдора на войну 18 июля 1941 года Володя играл на этой гармонии, о чём потом с печалью вспоминал всю свою жизнь. Проводили. Отец уехал. Формирование и обучение новобранцев проходило в г. Кирове, в казармах, где раньше находилась духовная семинария (в наше время на этом месте располагалось КВАТУ). Жена его Дуня пару раз ездила к нему в город, но малолетним детям ничего об этом не рассказывала. Вскоре в составе 689-го

стрелкового полка его отправили на передовую. Где они были, где находились, на каком фронте воевали, не знал никто. Писем не было.

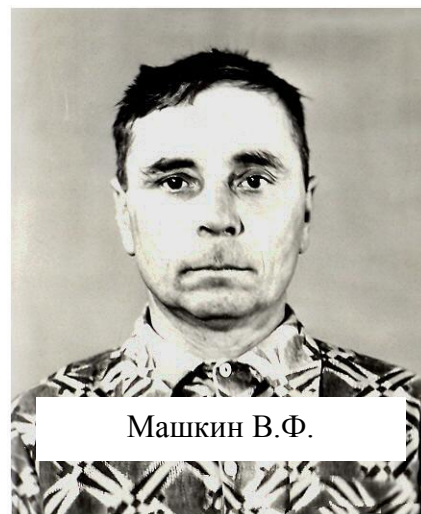
В 1942 году пришло извещение, в нём было написано: «Ваш муж Фёдор Алексеевич Машкин пропал без вести» и всё, хоть стой, хоть падай. Куда идти, к кому с этим горем, не к кому, так как у всех таких переживаний было предостаточно.

В деревне жизнь без хозяина пошла следующим образом. Евдокия Алексеевна, целыми днями работала в колхозе не покладая рук, фактически от темна, до темна. Если в былые годы красавицу и певунью Дуняшу было слышно далеко на покосе, то сейчас было не до песен, только душили слёзы. Малые дети оставались дома, на попечении старенькой бабушки. Да ещё бывало, посылали её в г. Советск за провизией, считалось, что там люди жили сытнее, с хлебом. Ездил на лошади с телегой, соседки собирали разную утварь и что-либо из немудрёной одежды для обмена, и она уезжала. Несколько дней в одну сторону, потом обратно, всего получалась неделя отсутствия, а всё это время её дома с нетерпением ждали дети. Не могла она отказаться от таких поездок, а соседки видимо были похитрее, отказывались по разным причинам, и так получалось, что в очередную поездку вновь ехала она. Более того, так как муж до войны работал в кузнице и любил работать с металлом, то дома было много различных инструментов, а куда без них в деревне, хозяйственный был мужик. Соседи, зная мягкий Дунин характер, и что она никогда не откажет в помощи, частенько шли к ней, и под разными благовидными предлогами выпрашивали хозяйскую утварь, унося инструмент к себе, зачастую «забывая» вернуть обратно. Вскоре от этого мужниного добра практически ничего не осталось. Вдобавок, когда никого не было в доме, а видимо это кто-то знал, к ним залезли и унесли-своровали всё что ещё оставалось. А самое главное – подаренную Володе гармонь.

В послевоенное время Володя, говоря о матери, часто вспоминал такой характерный для неё случай. Однажды Евдокия у кого-то на огороде в соседней деревне подработала, с ней рассчитались куриными яйцами. Радостная шла она по своей деревне домой, яйца несла перед собой в лукошке. Одна из ушлых соседок, увидев это и позавидовав, позвала её к себе в дом, со словами: «Зачем тебе Дуня яйца, их немного, разве ты накормишь ими свою ребятню. Давай поменяемся, я за них дам тебе целую котомку мякины». Простодушная Дуня отдала заработанные яйца в обмен на мякину, в общем-то за мусор (как потом оказалось), который находился в этой котомке, так с ней и пришла домой к голодной, голоштанной ребятне.

В семье царствовал голод. Питались травой, ещё какими-то подобными испечёнными лепёшками. Едва наступало летнее тепло, то дети не понимая, вернее не дожидаясь урожая на грядках в огороде, съедали всё, что там могло вырасти к осени. А потом тянулись долгие зимние месяцы и не знали, как их пережить до следующей весны.

Зимой 1944 года случилось несчастье. Под вечер, на вышедшую на улицу маленькую Любу напал волк... и унёс в лес. Мужиков в деревне не было, искать было некому, женщины в темноте боялись выйти на улицу.

Машкин В.Ф.

Закончилась война. Как они выжили, сами удивлялись.

«Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли!» - это известная фраза из художественного фильма, очень точно характеризует военные годы в тылу.

В настоящее время никого уже из тех детей войны нет в живых. Голодные годы пережитой войны подорвали их здоровье и теперь уже я, сын Володи, пишу за них эти воспоминания.

- Владимир Фёдорович (Володя) всю свою жизнь играл на гармонии ручной работы, которую он сам уже приобрёл на свои заработанные деньги. Очень любил свою гармонию и гордился ею. Его, как лучшего гармониста всей округи, приглашали на свадьбы и другие торжества. В начале 1950-х был призван в армию. Службу нёс в поверженной Германии, до которой так и не дошёл его отец. После армии женился на Клавдии Ивановне. Из троих детей, двое старших умерли младенцами. Сам Владимир Фёдорович часто болел, умер во сне в своём доме в 54 года;

- Николай Фёдорович (Коля), отслужив в армии под Москвой три года, уехал в Сибирь. Женился, семья, две дочери. Работал на Новокузнецком металлургическом заводе. Умер неожиданно и тихо в автобусе, когда ехал на очередную смену на завод, положив голову на плечо соседа-пассажира. Было ему 60 лет;

- Александр Фёдорович (Саша) вырос красивым парнем. Отслужив армию в Москве в начале 1960-х, вернулся домой. Женился, но семейная жизнь не задалась, родившаяся дочь была с отклонениями в развитии. Стал часто прикладываться к рюмке. В результате развелся с женой. Женился во второй раз, но опять неудачно. В возрасте 54 лет, он пропал без вести. До сих пор обстоятельства пропажи его и другие свидетельства не известны.

Вот так догнала и расправилась позднее с этими детьми войны - Великая Отечественная война 1941-1945 годов.

Судьба брат, судьба!

Машкин А.В., пгт. Стрижи – г. Киров

Малькова К. Д. «Мы изучали устройство винтовки»

В июне 1941 года я только что закончила 1 класс. В наше время дети начинали учиться с 8 лет. Я родилась 22 июня в небольшом городке Кировской области – Халтурин (ныне Орлов). В страшный день начала войны 22 июня 1941 года мне исполнилось ровно 9 лет. Папа ушел на фронт, и мы с мамой остались вдвоем. Мама сразу, без отрыва от работы, поступила учиться в медицинское училище и успешно его окончила. К этому времени все подходящие здания в городе были отданы под госпитали, в один из которых мама и устроилась работать медсестрой.

Мы же, дети, несмотря ни на что, продолжала учиться, а после занятий, чем могли, помогали взрослым. Учиться приходилось в наскоро приспособленных под занятия помещениях, в которых было очень холодно, т. к. их почти не отапливали, учебников на всех не хватало, тетрадей совсем не было.

Писать нам приходилось на газетах между строк, а чернила делали из сажи. На больших переменах учителя пытались нас немного подкормить, подавая в глиняных тарелках похлебку из воды и листьев капусты. Небольшой кусочек хлеба был дополнением к обеду.

Среди эвакуированных оказались и два детских дома из-под Ленинграда, и дети-ленинградцы учились вместе с нами. Мы жили голодно, но дружно, и всегда помогали друг другу. наших ленинградцев кормили немного лучше, чем нас, поэтому они несли нам в горсточке то пол-конфетки, то пол-яблочка, то половинку чернослива. Вот это было настоящее товарищество. Мы вместе ходили в госпиталь к раненым, пели им песни, читали стихи, помогали писать письма домой. Раненые откровенно радовались нашему приходу, гладили нас по голове, угощали маленькими кусочками сахара и белого хлеба, за что мы тоже были им благодарны, ведь лучшего лакомства для нас не было. В военное время мы по-настоящему узнали, что такое голод, потому что в хлебе почти не было муки, в основном только мякина и гнилая картошка. А лепешки многие пекли просто из травы. Еще запомнилась каша-завариха – в кипящую воду засыпалось немного муки и получалась жидкая похлебка, которую ели с аппетитом.

В нашем классе учились и дети из многодетных семей. Мы старались им хоть чем-то помочь. Для этого брали санки и отправлялись по домам. Кто-то клал нам морковки, кто-то свёколки, а кто-то и картошечки. Мы были рады всему, и отдавали это в семьи одноклассников.

Мой 5 класс стал последним военным учебным годом. Он запомнился тем, что наряду с арифметикой, русским языком и другими предметами мы изучали устройство винтовки.

Мне никогда не забыть день 9 мая 1945 года! С утра на наш городок обрушился сильный снегопад. Это в мае месяце! И вдруг прозвучало слово «Победа!». Все жильцы нашего дома выбежали во двор. Поздравляли друг друга, обнимались, целовались, взрослые плакали, а дети радостно скакали по лужам от растаявшего снега. Счастливее дня в жизни у меня не было! Мой отец, к счастью для нас с мамой, вернулся с войны живым, но не сразу после Победы. После освобождения Чехословакии их направили в Западную Украину на борьбу с бандеровцами.

Сейчас у нас мирное небо над головой, мы любуемся красотой природы, красотой наших городов и поселков, всем, что имеем вокруг. Все это надо беречь и хранить! Вот такой наказ старшего поколения молодым россиянам и, конечно, обязательно пожелание мирного неба над головой. Что может быть лучше мира! Кто прошел войну, тот запомнил это навсегда.

И еще! Обязательно храните добрую память о тех, кто принес нам долгожданную Победу и выстоял в эти страшные годы Великой Отечественной войны.

Малькова К. Д., 1932 г.р., п. Лёвинцы

Смирнова Н. И. «Отца мы больше не видели, он погиб...»

Я, Смирнова Нина Ивановна, родилась 21 марта 1943 года в деревне Бехтери Пустошенского сельского совета. Мама только перед войной вышла замуж. 21

июня начался сенокос, косили в лугах у деревни Заболотье. Туда приехали нарочные и забрали почти всех мужчин. Те только и успели зайти домой и собрать свои вещи. Отец мог не идти на фронт, у него была бронь. Но он сказал маме: «Меня все бабы возненавидят, если я останусь!». И в первые месяцы войны ушел воевать. Мама осталась беременной мною и с маленьким братом на руках. Отца мы больше не видели, он погиб. Родственников погибло очень много...

Приходилось очень нелегко. Весь тяжелый труд лег на плечи женщин и детей. В деревню приезжали эвакуированные из Ленинграда, но потом все уехали, никто не остался. В Оричах был госпиталь, где лечили пленных немцев и однажды летом, год я не помню, мы увидели, как по тракту на Монастырщину гонят колонну немцев. По бокам шли охранники с собаками, роста все невысокого, а немцы высоченные, все в черном. Ближе мы не подходили, а смотрели издалека.

Тяжело жилось нам и после войны. Мама должна была получать военную пенсию, но что - то было напутано с документами, так она ничего и не получила. В 1949 году по доносу, как врага народа, арестовали деда. Колхозу было дано имя Сталина, и кто-то из деревенских донес, будто он не хотел, чтобы колхоз так назывался и простому колхознику дали 5 лет. Как у врагов народа у нас хотели отобрать дом, но тетя написала письмо Калинину и уж не знаю, кто и помог, но дом нам оставили. Время было непростое. Из колхоза после школы не отпускали. Брат хотел идти учиться в город, но тогда у нас забрали бы корову, а корова была кормилицей в семье, и он остался. Да и я сама уйти из колхоза и уехать из деревни смогла только после замужества.

Сколько горя принесла война в каждую семью. Оставшись без мужского плеча, наши мамы, от домашней работы и огорода, встали за плуг, взяли за руль трактора, распахивали поля, собирали урожай, растили скот. А дома оставалась ребятня, «мал мала меньше», их надо было кормить, поить, учить. И все вынесли наши женщины, низкий поклон им за это.

Смирнова Н. И., 1943 г.р., пгт. Оричи

Хохлов А. В. «Немцы жили во многих деревенских домах»

В конце прошлого года мы побывали в гостях у супругов Анатолия Васильевича и Любовь Фёдоровны Хохловых. Очень приятно было общаться с этими уважаемыми людьми, стаж семейной жизни которых перевалил за пятьдесят лет. Необыкновенно-тёплые взаимоотношения супругов невольно передаются и нам, собеседникам, до глубины души проникаешься их добром и светом. Они – дети войны, на их долю выпало много трудностей, много чего пришлось пережить. Но нет в их повествовании сетований на украденное детство, а есть понимание, осмысление всего пережитого и готовность делиться своими воспоминаниями.

Анатолий Васильевич родился 25 сентября 1939 года в Белоруссии, в селе Высокое Оршанского района, Витебской области. Село было большое – растянуто на 2 километра возле дороги, сообщением Москва – Брест. Отсюда ясно, что малая родина нашего героя была оккупирована в самые первые дни войны. Анатолий Васильевич рассказывает по воспоминаниям мамы, Мысько Галины Антоновны, в деревне держали очень много скота и когда шли передовые фашистские части, немцы уводили со двора или резали животных прямо на месте. Один из них стал вытаскивать их поросенка, дед Антон не хотел отдавать, так его застрелили. Бабушка рассказала – когда немцы наступали, шоссе бомбили очень сильно, а небо было всё в самолётах, беженцев было очень-очень много.

Немцы жили во многих деревенских домах и у них тоже. В силу малолетства, он их не боялся, но иногда прятался. Однажды они растопили сахар и предложили сунуть пальчик. Понятно, что обжёгся, заплакал, а они хохочут.

Отец, Хохлов Василий Григорьевич, 1918 года рождения, в сороковом году служил в Красной Армии. В первые дни войны попал в окружение, потом в плен. Погиб 9 декабря 1941 года. А маленький Толя вместе с мамой в 1943 году были угнаны в Германию, везли их в товарных вагонах, не поили и не кормили. Попали в концлагерь, из которого их выкупили для сельскохозяйственных работ старики-немцы, пожалев женщину с малолетним ребёнком. Мать работала на ферме в пригороде, ездила туда каждый день через лагерь военнопленных, которые изнурительно работали на каменоломнях, жутко голодали, питаясь болтушкой из брюквы. Чтобы выжить, варили подмётки от сапог. Она познакомилась там с Ворониным Павлом Федотовичем, который оказался из Кировской области, с Котельничского района. Подкармливала его, хлеб бросала за колючую проволоку.

Освободили их американцы. Они наложили полную сумку шоколада, с которым Толя довольно быстро справился. Мать красивая была, американцы ухаживали за нею, звали в Америку. Не смогла она расстаться с Родиной, было решено уехать в глубинку – боялись преследования. Но прежде заехали домой. Бабушка, Христина Фёдоровна, картошку копала. Они подошли к дому, а Толя спрятался. Бабушка и спрашивает: «А где Толичек?» Испугалась очень, тут он и выскочил. И сейчас чувствуется, как волнует его это ласковое имя «Толичек», прозвучавшее из уст бабушки, сожалеет, что так расстроил тогда родного человека. Но ведь это детство было, а когда и побаловаться, как не в детстве! Наверняка бабушка не обиделась, а обрадовалась от встречи с подросшим мальцом. Помнит, как зерно мололи на ручных жерновах, сами пекли хлеб.

«Приехали в Котельничский район, в деревню Боровики, Соболевского сельского совета в 1947 году. Здесь жилось бедно, одеть было нечего, но еда была. Закончил 10 классов в селе Макарье. Служба в армии, город Черняховск, в артиллерийских войсках. Вычислитель, дальномерщик – кем только не был...», - рассказывает Анатолий Васильевич. И тут же Любовь Фёдоровна дополняет, чтобы понятно было, каким ответственным делом занимался в армии её родной человек: «Вычислить надо всё точно и оперативно сработать – математический расчёт в уме произвести, быстро подать сведения наводчику».

Во всём у них чувствуется единение, гармоничное дополнение друг друга. Наверное, не всегда всё так ладно и складно было за долгие годы супружества. Но сберечь, сохранить то, что смолоду притянуло, получилось. Я сижу и тихо радуюсь за этих двоих, немолодых, проросших друг в друга моих земляков, красивых особой, зрелой красотой.

А до службы в Армии работал Анатолий Васильевич 1 год в Павлодарской области, на целине, помощником комбайнёра, закончив перед этим училище

Анатолий Васильевич
стоит справа,
конец сороковых

механизаторов в Орше. Успевали сделать за один день 12 кругов, а круг один – 10 километров. Сейчас представить такое даже трудно! А тогда жалел очень молодого парнишку умудренный опытом комбайнер. Чем ещё помнится целина? Вшами. Местность там степная, сильные ветры с песком, в волосы надует, а помыться негде - колодцы неглубокие, метра 4, а надо ещё комбайны заправить, вода мутная-мутная. Паразитов можно было снимать горстями.

После Армии уже пришел он работать в милицию, закончил Пермскую высшую школу МВД, в органах отслужил 32 года, из них более 21 года работал старшим автоинспектором ГАИ, дослужился до звания «капитан». Очень благодарен начальнику РОВД, работавшему в то время, Киверину Геннадию Николаевичу. Хороший был руководитель.

Интересно было узнать, помнит ли уроженец Белоруссии, большую часть жизни живущий в России, белорусский язык, какие-то слова. Спрашиваю об этом. И, тут же, хозяева наперебой стали говорить. Мне запомнились: дядя – дзядзя, спасайте – ратаваць!

Прошлый год был юбилейным для Анатолия Васильевича, 80 лет – солидная и замечательная дата. Хочется пожелать Вам вместе с супругой счастливых моментов, крепкого здоровья и стабильного благополучия сейчас и в будущем! Обязательно сохраним в памяти и в книге Ваши воспоминания о военном детстве, будем делиться ими с подрастающим поколением.

Замятина Г.В., зав. отделом обслуживания Оричевской центральной районной библиотеки им. Л. Ишутиновой

Хохлова Л. Ф. «Нас, младших, растили сестра Полина и брат Геннадий»

В начале сороковых годов отец, Фёдор Максимович Четвериков, нёс службу на западной границе, здесь же проживала и наша семья, где было пятеро детей, я последняя. Кадровый военный, он в Красной армии с 1920 года, служил под командованием М.Н.Тухачевского. Видя, какая складывается обстановка на границе, он понимал, что вот-вот начнётся война, поэтому отправил семью на свою родину в п. Свеча.

Помню взрослые разговаривают: «Фронт, фронт...», а что это такое, детский ум не воспринимал. Отец попал в окружение, долго пробивался к своим. А когда вышел, его отправили в с. Вишкиль на переформирование, оттуда часть, сформированная из кировчан, под командованием И.С.Конева была брошена в город Клин (Тверь). Нам пришло извещение на отца «Пропал без вести» 2 января 1942 года. Мама, Четверикова (Толстоброва) Устинья Васильевна, очень сильно переживала горе и тяжело заболела, а потом умерла в 1944 году в возрасте 39 лет.

В соседнюю деревню по ранению приезжал солдат, который рассказал, как погиб отец: «Питание было очень плохое, одежда ветхая, не по погоде. А морозы стояли страшные, ниже 40 градусов столбик термометра опускался. Он заболел: простыл, да ещё язва желудка открылась. Попросил оставить его в пустом доме, отдал свой паёк сослуживцам. Через какое-то время туда прилетел снаряд...» По рассказам того фронтовика, наших погибших было столько, что в атаку пришлось идти прямо по трупам. И постоянные бои выматывали – то наступали, то опять отступали, а оружия – одна винтовка на двоих.

Люба с братом Николаем,
конец сороковых

Нас, младших, до 1948 года растили сестра Полина, 1926 года рождения, и брат Геннадий, 1932г.р., а потом отправили в детдом в 15 километрах от Свечи. Там жилось хорошо и сытно, воспитатели были эвакуированы из Ленинграда: высокообразованные, воспитанные и добрые. Запомнились концерты в клубах, куда возили организованно.

Хохлова Л.Ф., 1941 г.р., пгт. Оричи

Кропачева Р. Г. «Война давно закончилась, но не забыта»

Я родилась накануне войны 24 октября 1940 года. Детство моё прошло в деревне Караул Кумёнского района. Сейчас этой деревни давно нет на карте, а во время войны она насчитывала 40 дворов, располагалась в 60 километрах от районного центра, дорога была очень плохая.

Папа уехал на фронт на единственной в колхозе машине, в 1942 году. Воевал под Ленинградом, перевозил на машине по Ладожскому озеру людей и продукты. В декабре 1942 года мама получила похоронку. У неё было 6 детей, я самая младшая. Мама работала в колхозе, в деревне все жили одинаково тяжело. Колхоз выделял 40 соток земли, держали корову, почти всё молоко сдавали государству. Двое моих братьев умерли от голода, я долго не ходила. Пока папа был жив, он интересовался в письмах с фронта, как мы живем, бегаю ли я на ножках.

Старшие сестры и брат ходили в школу за 6 км. в село Березник, после учебы работали – дел в деревне всегда было много. Дети начинали трудиться рано, я с 5 лет помогала пасти коров. Сестры Юля и Нина боронили поле, возили траву, вязали на фронт носки и варежки. За работу платили трудодни. Вместо денег выдавали зерно, отруби, сено, муку... Реки рядом не было, но был лес, там собирали грибы и ягоды. Я помню, как драла лыко, а брат Витя плёл лапти.

Хоть детство выпало на военные годы, но мы, не смотря ни на что, оставались детьми. Из игрушек были самодельные тряпичные куклы. Времени свободного было мало, но мы всё равно играли в догонялки – бегали друг за другом с визгом. Помню, как ходили по полям и собирали колоски после уборки. Чистота и порядок были на полях.

Война давно закончилась, но не забыта. Мама вырастила своих детей хорошими людьми.

Кропачева Р.Г., 1940 г.р., пгт. Оричи

Педаяс Г. Э. «Тучи над городом встали»

Прошла целая жизнь с тех страшных дней, но я помню блокадный Ленинград так ярко, будто жил в нём не 60 лет назад, а вчера.

1 мая 1941 года, помню, стояла чудесная солнечная погода. Нарядные люди расходились с праздничной демонстрации, когда вдруг на синеву неба неожиданно

наползла огромная чёрная туча, и повалил густой мокрый снег. А вскоре над городом нависла туча пострашней. 22 июня Ленинград погрузился в зловещую тишину. Повсеместно собирались толпы людей и тихо переговаривались. У военкоматов толпились очереди. Детей вскоре начали готовить к эвакуации из города.

Задачу разгрома советских войск в Прибалтике и захвата Ленинграда немецкое командование возлагало на группу армий «Север» под командованием генерал – фельдмаршала фон Лееба. В неё входили 42 дивизии, 725 тысяч человек и много техники. С воздуха прикрывала воздушная армия. Это значительно превосходило наши силы. В труднейших условиях ленинградцы вместе с бойцами возвели оборонительные сооружения длиной в 175 километров – так называемый Лужский оборонительный рубеж. Несмотря на это, в двадцатых числах августа нашим войскам пришлось оставить Лугу, а, следовательно, и оборонительный рубеж. 8 сентября немцы полностью окружили город, не смогли только отрезать Ладожское озеро. В середине июля были введены продовольственные карточки. Бомбёжек пока не было, летали только самолёты – разведчики. Первые бомбы упали 6 сентября, притом на Петроградскую сторону, где я жил.

В первую бомбёжку в зоопарке погибла слониха Бетти, она там жила с 1911 года. 10 сентября взорвалось сразу 5 бомб около одного из флигелей нашего огромного дома, в нём остались только стены и лестничные клетки. Напротив была церковь, где размещалось общежитие ремесленного училища. Прямое попадание. Ребята в это время ужинали. 75 человек погибли на месте. В октябре было сброшено 800 фугасных и 43 тысячи зажигательных бомб. 6 ноября в канун праздника революции было сброшено 100 фугасных и несколько тысяч зажигательных бомб. Город горел в сотнях мест, было светло, как днём. Впервые стали сбрасывать бомбы замедленного действия и с отверстиями в стабилизаторах, которые производили страшный вой. Казалось, земля проваливается в преисподнюю. Когда немцы подтянули тяжёлую артиллерию, бомбёжки почти прекратились. Каждый день было несколько обстрелов. За блокаду только в наш дом и около него упало 9 снарядов.

В начале сентября впервые снизили норму выдачи хлеба, а к ноябрю норма была доведена до 125 граммов иждивенцам и 250 – рабочим. Хлеб был сырой с целлюлозной добавкой.

Многое делалось для того, чтобы спасти достопримечательности города. С Аничкова моста на Невском сняли скульптуры четырёх коней работы Клодта, перевезли в безопасное место и закопали. Памятник Петру 1, Медный всадник, обложили мешками с песком и обшили досками. Золотые шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости покрасили тёмной краской, так же, как и купола Исаакиевского собора. За блокаду было попадание бомб и снарядов в Зимний дворец, Мариинский театр, пострадали многие памятники, а вот мосты через Неву остались целы и невредимы. Выгорели все внутренности Гостиного двора, остались только остовы арок, это было зловещее зрелище.

В ноябре люди начали умирать от голода. У нас в семье первым умер мой дядя Николай. 20 декабря скончался отец. Их ещё удалось похоронить, как положено – в гробу и на кладбище. Потом мертвецов свозили в морги. Один был на месте огромного дровяного склада. Я никогда раньше не видел там столько брёвен, сколько было покойников. Справки о смерти давал управдом. Всего в декабре умерло от голода 52 880 человек. В январе, когда морозы доходили до 40 градусов,

окончательно замёрз водопровод на хлебозаводе, и даже мизерную норму хлеба не давали несколько дней. Люди становились в цепочку от Невы до хлебозавода и передавали вёдра с водой. Как только устоялись морозы, стали готовить дорогу по льду Ладожского озера и уже в конце ноября первые 320 упряжек пришли с мукой в Ленинград. За весь период действия дороги общее количество грузов составило 1615 тысяч тонн, а эвакуировано из города 1376 тысяч человек. Это дало возможность постепенно увеличивать норму выдачи хлеба, и в феврале она составила для рабочих 500 г, для иждивенцев – 300 г. Стали выдавать ещё крупу, сахар.

Между тем, наступала весна, а город был загажен нечистотами. Не было похоронено огромное количество мертвецов. Руководство обратилось к жителям, которые держались на ногах, помочь спасти город от эпидемий. Все, кто мог, вышли на очистку улиц, а с фронта был вызван батальон сапёров. Они взрывали мёрзлую землю для братских могил. Так, 10 февраля 1942 года на Пискарьевском кладбище было захоронено сразу 10 тысяч человек. К наступлению тепла город удалось привести в порядок, а 15 апреля пошли трамваи.

Но, не смотря на нормализацию с продовольствием, ослабленные люди продолжали умирать. Шли жестокие обстрелы. И только в январе 1943 года была прорвана блокада, освободилась полоса вдоль Ладоги в 10 – 12 километров. По ней в исключительно короткий срок, за 18 дней, были проведены железнодорожная и автомобильная дороги. Угроза голода миновала. В январе 1944 года блокада Ленинграда была полностью снята. Самоотверженно работая у станков, в музеях, лабораториях, больницах, ленинградцы тоже сражались за свой город и отстояли его.

Педаяс Г.Э., (1928 – 2017), пгт. Оричи, подростком пережил блокаду Ленинграда

Машкин Г. Е. «Парень из деревни»

Мне, Машкину Геннадию Евстигнеевичу, 6 октября 2019 года исполнилось 82 года.

Хорошо помню, как мы в детстве играли в «попа гоняла», лапту с мечом, чиж, волейбол, футбол и другие игры. Волейбольная сетка была сплетена из веревок от лаптей. Камеры для мечей покупали, крышку шили сами по выкройке.

Деревня была чистая. Конная дорога проходила вокруг деревни с тремя въездами в нее. Тракторов и автомобилей не было и в помине. Позднее появились полуторки и американские студебеккеры.

Помню, как отца провожали на войну 1941-1945 гг., матери одной пришлось растить нас, четверых детей. Работала она дояркой, рядовой колхозницей, на лошади возила зерно на глубинки.

Начисляли тогда за работу трудодни, на которые в конце года давали граммы зерна и картофеля. Приходилось и нам, детям, доставать пищу для себя и всей семьи. Рвали пестовник (полевой хвощ), серпом жали заячью кисленку (щавель).

Копали гнилую прошлогоднюю картошку, из этого пекли хлеб и ели с молоком. Все лето ходили по грибы и ягоды, часть из которых меняли на чистый хлеб.

Мать, уходя на работу, давала нам задание на прополку овощей, картофеля, посевов зерновых. Наш участок был 50 соток, по краям росли малина и яблони.

В начальную школу ходил я в лаптях и с портяной сумкой за 2 километра. Весной прямо по воде. В среднюю школу ходили мы за 5 км. В летние каникулы работали в колхозе, возили корма, дрова на лошадях и быках. Очень опасно было работать на быках, так как в жаркую погоду, когда было очень много овода, быки прямо в упряжке убегали в кусты и ложились. Хомуты на лошадей и быков помогали одевать нам взрослые конюхи. Любимыми лошадьми у меня были Ласточка и Роска.

После окончания средней школы ушел работать сучкорубом в леспромхоз и купил себе велосипед. В 1956 году призвали в Армию в Тюменскую область, позднее в Ленинград.

После армии сразу избрали бригадиром полеводческой бригады, где работал. Начисляя за работу колхозникам трудодни и сотки. Чтобы вызвать людей на работу, приходилось ходить по домам, стуча в окно.

В Кикнурском райкоме ВЛКСМ сказали: «Хватит тебе работать» и дали направление в Кировский пединститут учиться. При сдаче экзаменов встретил товарища, и перевелись мы учиться в Халтуринский с/х техникум. 2 зоотехнические группы перевели в Яранский с/х техникум.

Перед окончанием Яранского с/х техникума приняли меня на работу инструктором РК КПСС. Потом работал секретарем, главным зоотехником большого колхоза «Большевик», где было 25 тысяч гектаров всей земли и 15 тысяч гектаров пашни, 43 населенных пункта. Это было, когда областью руководили Обьедков И. П., Чемоданов Н. П.

А с Паузиным Н. И. я познакомился в Горьковской области, он работал председателем колхоза «Заря», затем директором этого же хозяйства. Заработал я там юбилейную медаль В. И. Ленина и Орден Трудового Красного Знамени.

Работая в Шарангском районе, я держал товарищескую связь с Яранским с/х техникумом, куда уговорили меня переехать и работать главным зоотехником, заместителем директора по производству, директором был Горбов В. Н. Ежегодно я ездил в Москву к министру сельского хозяйства Леониду Яковлевичу Флорентьеву, ранее он работал преподавателем Яранского техникума. Принимал меня хорошо, выделял из своего резерва автобусы, С-100, легковые и др. Работал я в совхозе-техникуме 6 лет, за что в трудовой книжке записаны благодарности.

С мая 1984 года я живу в Оричевском районе, уговорил меня переехать Коновалов Виктор Иванович. Работал главным зоотехником совхоза «Гарский», заместителем директора по снабжению Оричевской агрохимии, начальником Оричевского участка ПМК-1 Кировмелиорации, главным зоотехником Оричевского района.

С 20.11.1987 после излечения инфаркта миокарда по 29 ноября 2006 года работал председателем РК ДОСААФ, занимаясь патриотическим воспитанием,

пулевой стрельбой, подготовкой водителей транспортных средств, используя для этого свой автомобиль и наемный транспорт.

За работу в РК ДОСААФ я награжден тремя значками за отличную работу и юбилейной медалью 50-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Женат, имею 3-х детей. Радуюсь 4 внукам.

Более 20 лет ухаживаю за памятниками, установленными в Память погибшим воинам в ВОВ в 1941-1945 гг, периодически напоминаю руководителям области, главам администрации района о капитальной ремонте памятников, которым больше полувека.

Прожитые мною 82 года я вспоминаю и оцениваю уважительно, удовлетворительно. Я был всегда востребован на работе, основной и общественной, был секретарем комсомольской организации Халтуринского с/х техникума, депутатом райсоветов, членом Пленумов, избран председателем домкома и гаражного кооператива.

Участвовал в художественной самодеятельности в начальной, средней школе, техникуме.

Периодически пишу критические и воспитательные статьи в любимую районную газету «Искра».

Я очень благодарен медицинским врачам и сестрам, которые сделали мне 10 хирургических операций и вылечили. Поддерживают мою жизнь после инфаркта.

Я благодарен моей семье, жене, детям, снохам, внукам, друзьям, товарищам за положительное влияние на мою жизнь.

Не забываю своих ушедших из жизни родителей и родственников, посещаю их могилы.

Моя мама прожила 83 года. Желая всем активной жизни не менее 80 лет.

Машкин Г.Е., 1937г.р., пгт. Орочи

Протасова А. С. «Пусть память о героях будет вечной!»

75 лет, как окончилась война, но в памяти ничто не забывается. В нашей деревне Замятины всех мужчин забрали на фронт, оставили только двух: инвалида и пожилого, который работал кузнецом. Женщины заменили мужчин, выполняя тяжелую, порой непосильную работу.

Я расскажу о своей маме – Замятиной Ульяне Трофимовне, 1896 года рождения. Худенькая собой, с начала войны она работала молотобойцем. Я ходила в школу и, возвращаясь обратно, заглядывала в кузницу, смотрела, как мама ударяла молотом по раскаленному железу на наковальне. Летом начинался сенокос, траву косили до кровавых мозолей, не знаешь, как руки сжать – больно! Когда метали, маму всегда ставили на стог – тут сноровка должна быть и сила. Она принимала пласты сена на грабли и аккуратно укладывала. На закате солнца взрослые уходили домой кормить скот и готовить ужин. А подростки, мне тогда было около 10 лет, обчесывали стог и подтеребляли низ, чтобы стог не подгнил. На сенокос выходили в 4 часа утра. Потом поспевали зерновые. Сжинали в большинстве вручную. Мама «машинистила», обмолачивала зерно со снопов, я помогала ей – укладывала снопы на стол, а она пускала по лотку на обмолот. Относили носилками солому в

курятник. Затем убрали лен и расстилали его на полянке, чтобы он вылежался. После собирали в снопы и развозили по хозяйствам. Мама вечером раскладывала на печь сушить, а в 3 часа утра доставала и шла в ограду мять на мялке. Доводила эти снопы до кондиции кудели. Очень трудно нам подросткам было сортировать. Крутим ручку сортировочную вдвоем, силы не было. Да и откуда ей было взяться, если все время голодали. Помню, как-то ранней весной пошла мама в соседнюю деревню менять на продукты шерстяное красивое платье, платки – все вещи добротные, перед войной купленные. Она ушла, а я сижу на окошке, жду. Вернулась она с ведром картошки – кожурку срежу, потом ещё тоненько срежу, сварю болтушку. И рада, что еда есть.

Я часто думаю о маме: какую тяжелую выполняла работу! Дожила до 84 лет, вырастила троих дочерей, а сыновья, Василий и Григорий пропали без вести в первый год войны, на Ленинградском фронте. Уходя на финскую войну, старший Вася подошел и погладил меня по голове, сказал: «Седая, не плачь (у меня волосы белые были) победим и вернемся!» Не вернулся, прямо с Финской угодил на Великую Отечественную, даже домой с родными повидаться не отпустили. А в памяти конфеты, которые он всегда привозил мне из Кирова - сладостями в моем детстве не особо баловали, поэтому вкус тех конфет до сих пор помню.

Нельзя забыть и о других мужчинах нашей деревни Замятины. 47 человек ушли на войну, 24 не вернулись. А те, которые пришли, израненные и больные - в живых никого не осталось. Все занесены в Книгу Памяти Кировской области.

В память о погибших и умерших уже после войны, решили поставить в деревне памятник. Организовали это мероприятие Галина Андреевна Будина и Алевтина Викентьевна Глубокова, за что им огромная благодарность. Эти неравнодушные женщины хлопотали, обзванивали жителей деревни, которые не живут здесь постоянно, собрали деньги и заказали памятник. В 2015 году памятник установили, облагородили зеленью к Дню Победы. Многие приезжают к памятнику поклониться, вспомнить прошлое.

Пусть всегда будет чистое небо над головой. Пусть память о героях будет вечной!

*Протасова А.С., 1933 г.р.
п. Юбилейный, Оричевского р-на*

Парахина В. С. «Я в каждом военном видеела своего папу...»

Когда началась война, мы жили в деревне Долгачи, Верхошижемского района. Семья состояла из 7 человек: бабушка Колбина Парасковья Яковлевна работала в колхозе, мой папа Семён Степанович в то время служил в Советской Армии в Благовещенске, мама Евдокия Семёновна была в колхозе бригадиром. Дядя Иван Степанович тоже был призван на действительную службу в Советскую Армию в 1940 году. Тётя Антонина училась, а потом работала техничкой в той же школе (ей было 15 лет), дядя Леонид – школьник (ему было 12 лет) летом работал в колхозе и я, Валя.

Когда началась война, мне было всего 2 года, поэтому я не знаю, кто и как переживал это страшное событие, ведь в деревне у нас не было радио, даже и газет-

то не было по-моему. Собирали собрания, так и узнавали. Нас, детей об этом не информировали.

Помню, с фронта приходили письма-треугольники и похоронки. Мой отец был танкистом, младшим сержантом, механик-водитель 143 танкового полка. Погиб 20 августа 1941 года во время атаки в д. Шелепы, Калининской области. Но в то время мы получили сообщение, что пропал без вести.

Иван Степанович был неоднократно ранен, имел награды. Помню его именные часы, он ими очень дорожил и гордился.

С маминой стороны ушли на фронт её четыре брата: Бажин Александр Семёнович, Иван, Василий и Алексей. Все храбро сражались за Родину. Все вернулись домой, имеют награды.

А в тылу жизнь была очень тяжёлой. Как учились? Не хватало учебников, бумаги. Приходилось даже писать по старым книгам между строчек. Одевались плохо, жили бедно. Как рассказывал мой муж, он в школу в первый класс начинал ходить три раза, пока не выпал снег, ходил босиком. Зимой ходить было не в чём – ни обувь, ни одеть. И таких было много.

Питались, чем придётся: разными травами, мякиной, собирали головки клевера, от которых вздувало животы и некоторые умирали. Песты – это был деликатес. Жали серпом, так называемую кисленку коровью. Из её семян пекли лепёшки вместе с мякиной. Весной ходили на поля собирать гнилую картошку, если ещё повезёт найти, из неё делали крахмал. Ели даже сдохших лошадей, мягкое место вырезали, а остальное хоронили.

Землю пахали на себе. Мужиков в деревне не осталось, поэтому пахать приходилось женщинам - 3 женщины впрягались в оглобли, вместо лошади, а одна шла за плугом. Пашут и ещё песни поют. Я запомнила только: «От работы кони дохнут, ну а бабы никогда».

Молодых женщин посылали на разработку торфа на Гадово болото, в лес на заготовку леса. Когда мама уходила на Гадово болото, брала с собой какую-нибудь домашнюю утварь, чтобы обменять на хлеб или зерно.

Ходили просить милостыню (куски собирать). Кто подаст, а кто скажет: «Иди, Бог с тобой» или «Бог подаст». Я, конечно, не ходила, так как была мала, а вот муж мой ходил, побиралась вместе с сестрой. Слава Богу, что у нас не стреляли, не убивали, но горя хватило с лихвой и в тылу.

С войны в нашу деревню вернулись только четверо мужчин и 2 девушки. Из них один, Сергеев Фёдор Арсентьевич, из партизанского отряда. Он был тяжело ранен в лёгкое, его привезли санитары из госпиталя и он через год умер.

Я в каждом военном видеела своего папу. Приходит как-то к нам военный Нелюбин Афанасий, я бросилась к нему: «Папа! Папочка!» Он взял меня на руки и сказал: «Нет, Валька, я не папа, я друг твоего папы», снял с формы нашивку «танк» и говорит: «Это папа тебе послал». Я долго берегла этот маленький танк.

Мама в окошко увидела – идёт по деревне военный, в орденах. Выскочила встречать, я за ней бегу, кричу: «Папа, папочка мой!». Он взял меня на руки, говорит: «Валечка, я не папа, я дядя твой». Это был мамин брат Иван. Я долго плакала – почему папы нет? Потом вечерами лежала и мечтала, как придёт папа и скажет: «Какая большая уже стала Валька». Не пришёл, не дождалась. Погиб мой папочка, Колбин Семён Степанович, в боях за Родину.

О войне фронтовики говорить не любили, только дядя Ваня Колбин, папин брат, однажды рассказал, что при форсировании Днепра их накрыло шквальным

огнём. Погибли почти все, а дядя Ваня очнулся на берегу. Его подобрали и отправили в госпиталь. Он верил, что его спасла иконка, зашитая матерью. И ещё, толком не помню, он плакал и рассказывал, как они зашли в какое-то помещение, где все стены были исписаны прощальными словами и что людей там варили на мыло...

Парахина Валентина Семёновна, 1939 года рождения

Слабинская С. А. «Вот и вся моя жизнь, ребенка войны»

Я, Слабинская (Балезина) Светлана Анатольевна родилась 22.02.42 года в поселке Оричи, в семье служащих. Папа Анатолий Иванович работал в банке, мама Клавдия Дмитриевна работала заведующей аптекой № 56. Время сложное. Война. Трудности с продуктами, нехватка медикаментов. Мама очень ослабла после родов, даже не могла ходить. В то время в Оричах было 2 госпиталя. Один для русских солдат, другой для немецких военнопленных. Работали врачи из Москвы и Ленинграда, которые предложили маме пить по половине стакана рыбьего жира. Ухаживать за мной мама не могла, папа был на войне. Меня нянчил весь поселок, кто был свободен. Люди в то время были дружные, сплоченные, помогали все, кто мог. Когда мне исполнилось 6 месяцев, мама садилась на краешек стула, а когда мне было 9 месяцев, стала ходить.

Рядом с аптекой через забор были ясли и фотография, где меня фотографировали, и мама посылала папе на фронт мои фото. Я ходила в ясли. Помню огромную комнату, по периметру которой были полки, выкрашенные в зеленый цвет, на них лежали бумажные куклы со своими нарядами. Когда я приходила из яслей, мама спрашивала: «Что ела сегодня дочь?» - и я, как всегда, отвечала: «Горохово пюре».

В 1944 году военная часть, где воевал папа, была отправлена на восток. Проездом он заглянул домой, зашел в ясли и впервые увидел свою двухлетнюю дочь, которую узнал по фотографиям. Вернулся папа с войны в 1946 году, когда мне было уже 4 года, весь больной. После яслей, следующей ступенькой в моей жизни был детский сад. В детском саду, во время прогулок гуляли парами по поселку. Вылеченные пленные немцы ходили на работу тоже парами. Они были одеты в черные бушлаты и кепки. Мы, дети, часто видели, как они поднимаются по лестнице на второй этаж школы, которая расположена была параллельно улице Советской. Там был госпиталь. Жили они по правую сторону улицы Колхозной (где сейчас находится Райгаз), в бараках. Пленные немцы мостили улицу Колхозную деревянными чурками (круглые поленья) почти до вокзала. Они же посадили деревья в центре поселка там, где сейчас рынок. Был заложен настоящий парк, в центре которого работал фонтан, вокруг клумба из цветов, скамейки и ряд дорожек к забору. И это было в 50-х. Красота. Уже намного позже в правом углу этого парка была построена танцплощадка, где каждую среду, субботу и воскресенье играла музыка и молодежь танцевала.

Несмотря на трудную и тяжелую жизнь, в детском саду воспитатели готовили выступления к праздникам. Самым лучшим материалом для костюмов была

накрахмаленная марля. В нашей группе воспитателем была Лобастова Галина Ивановна, которая жила в деревне Братухины, и мы, ее воспитанники, после детского сада почти каждый день провожали ее домой.

Спали в детском саду на складных кроватях, сделанных из четырех брусков, скрепленных мешковиной. Перед тихим часом сами дети заносили кровати в зал, раскладывали их, стелили постельное белье и ложились отдыхать. После тихого часа убрали в шкаф свою постель, а кровати складывали и уносили в коридор. В 1949 году я пошла учиться в 1 класс Оричевской школы, которую и окончила в 1959 году. Когда я была маленькой, пекарни в Оричах не было и мама на маленьком огорожке, возле аптеки сеяла рожь или пшеницу (я точно не знаю) косила ее, вязала снопы, собирала зерна, из которых мололи муку. Из этой муки мама в русской печке пекла хлеб караваемы. Хранился он в деревянном ларе. После прогулок, проголодавшейся дочке, мама в ступку наливала немного подсолнечного масла, солила и отрезала ломтик хлеба, и это была самая вкусная для меня еда. А еще гороховый кисель с льняным маслом или вареная картошка в мундире с квашеной капустой. Когда построили пекарню на улице Советской, мама будила меня в 6 утра, давала 3 рубля, и я до школы, ходила к пекарне, где продавали 1 буханку килограммового хлеба, иногда приходилось стоять в очереди за хлебом по часу. Всем хотелось есть.

Самым главным праздником для детей был Новый год. Папа ходил в лес за елкой, которая потом стояла на сундуке до потолка. До сих пор у меня сохранились уникальные игрушки того времени. К новому году родители шили из марли новогодние костюмы. В старших классах елку проводили в Доме культуры, и мы там тоже были в костюмах.

Дорог хороших в поселке не было, но зато были тротуары из досок, по которым вечером мы с подругами Зиной Пархачёвой и Тамарой Суворовой прогуливались, предварительно купив в магазине 100 грамм ирисок «Кис- кис» или «Золотой ключик».

Возле ДК стоял столб, на нем висел репродуктор, извещающий все события, которые были важными для страны. В каждом доме висело круглое черное радио и все с большим вниманием слушали сводки от советского информбюро. Не забуду 1953 год, когда умер Сталин. Мы, ученики 4 класса, как и весь народ, переживали утрату вождя. На переменах в школе вели разговоры: «Кто же будет во главе нашего государства?» После школы, забравшись на крышу нашего дровяника, слушали печальную информацию о вожде. После смерти Сталина с продовольственными и промтоварами были проблемы. Например, штапель на платье продавали за яйца. За каждый десяток яиц отмеряли соответствующее количество метров нужного материала.

В то время телевизора не было, поэтому люди ходили в ДК на концерты, которые к разным праздникам ставила школа. Я с 5 класса посещала репетиции хора. В ДК, который находился там, где сейчас библиотека, каждый праздник школа ставила концерт в 2-х отделениях: 1 отделение - хор, на сцену ставили в 2 ряда скамейки, на которых стояли хористы, 2 отделение – это стихи, танцы, спортивные номера.

В школе работало радио, где сообщали школьные новости, включали музыку, под которую мы танцевали.

После 8 класса оричевские школьники поехали в комсомольско-молодежный лагерь на заготовку сена, недалеко от Истобенска. Жили в шалашах, построенных

из веток, варили сами еду. Жили в поле. После 9 класса месяц работали на строительстве спортзала (сейчас это магазин Химторг), носили кирпич, песок цемент

В 1958 году у директора школы Пархачева Николая Ивановича появился телевизор с малюсеньким экраном, и мы все ходили его смотреть.

В летние каникулы играли в кругу в волейбольный мяч, затем через веревочку, и наконец, через сетку. До двенадцати ночи, пока было светло, играли в волейбол, было 3-5 команд, играли на вылет. Наша волейбольная команда, участвуя в районных соревнованиях, выиграла. Затем мы поехали в Котельнич на зональные соревнования, победили и поехали на областные в Киров. Играли на площадке за кинотеатром «Октябрь». Кировчане болели за нас и криками поддерживали: «Красные давай!». Футболки сшила З.К. Суворова из бордового штапеля.

После окончания школы наша волейбольная команда, а это Нонна Дунаева – капитан команды, Тамара Суворова, я, и Галя Багаева поступали в пединститут, но не прошли по конкурсу. Приехали домой. Хрущев тогда кинул клич «Комсомольцы, молодежь на заводы». И я, как добросовестный комсомолец, еду в Киров и поступаю работать на станкостроительный завод «Металлист». Первая запись в трудовой книжке гласит «Ученик токаря». Завод и по сей день работает, находится на улице Московской между Октябрьским проспектом и улицей Маклина. Работая на заводе, простыла, заболела ангиной. Дядя решил устроить меня работать в лабораторию (мне нравилась химия), в только что открывающемся велоцехе шинного завода. Из-за плохих анализов на завод меня не приняли. Приехала домой, и терапевт от Бога Татьяна Ивановна Комарова, лечила меня. Таких внимательных, знающих свое дело, настоящих врачей я больше никогда не встречала. Лежала дома 2 месяца, не вставая даже поесть. Работы в Оричах не было, готовилась поступать в институт. Поехала в Казань в химико-технологический. Сдала все 5 экзаменов, но родители решили вернуть меня домой и я, послушный ребенок, приехала домой. Все подруги тоже вернулись домой. И наконец, мне удалось устроиться на работу в Оричевский лесхоз делопроизводителем. Навыки этой работы, печатать на машинке и вести всю документацию, мнегодились.

Итак, 1961 год, первый человек в космосе, а я поступила в Пермский фармацевтический институт и одновременно в Кировский педагогический на физико-математический факультет. Я выбрала фармацевтический, так как после окончания этого института специалистов принимали на работу в лабораторию на любой завод. В пединститут я не пошла, пример двоюродной сестры - после уроков идти домой с двумя сумками тетрадей, мне не понравился. Итак, я студентка. В этот 1961 год и мои подруги поступили учиться. Зина с Нонной в Москву, Нина, Тома и Галя в Киров. Училась я с 1961 по 1966 год. Город Пермь больше Кирова, но он как-то разбросан, не так компактен. Развлечений было много: это и оперный и драматический театры, широкоэкранный кинотеатр, художественные галереи и т.д. Учиться очень нравилось. Были интересные практики: после 3 курса совхоз Гиагинский Краснодарского края, после 4 курса 2 месяца в Челябинской области, практика по специальности в Перми. После окончания учебного заведения выпускники получали направления на конкретные предприятия. Я написала Дальний Восток или Киров. Самой дальней точкой была Тюмень, а там болота, и я выбрала Киров. Получила направление в аптеку №85, район Филейки, работала

химиком-аналитиком. Жила в заводском общежитии. Там я проработала 3 года. Успела побывать и преподавателем фармакологии (наука о действии лекарств на организм человека). Было у меня 2 группы в пединституте, 1 группа в медучилище и 1 группа в больнице XX партсъезда.

Затем мне предложили работу завотделом информации при Кировском аптечном управлении. Села я за пустой стол, никакой информации, и пришлось мне вариться в собственном соку, потихоньку трудилась. Главное в моей работе было: донести до главврачей всей области информацию о наличии медикаментов на аптечном складе, рассказать о новых препаратах, напомнить о забытых. Это выпуск информационных бюллетеней, организация спецвыставок на различных профильных совещаниях врачей, командировки с врачами, с работниками аптечного управления по районам области, освещение медикаментозного снабжения. Работать с врачами было очень интересно.

В 1971 году вышла замуж. В 1973 родился старший сын, через 3,5 года младший. Когда старший сын учился в 1 классе, пришлось сменить работу из-за командировок, и меня перевели в аптеку №118, сначала заместителем заведующей отдела запаса, а через год заведующей и одновременно заместителем заведующей аптекой. Наша 118 аптека была одной из крупнейших в области и единственной, которая работала круглосуточно. Коллектив был 54 человека. Это была фабрика здоровья, где готовили все, от пилюль до стерильных растворов. Ответственность у меня была очень большая, ведь как я сделаю заявку на медикаменты, так и сработает аптека в целом. В аптеке я проработала 20 лет. В 1987 году мне присвоено звание «Ветеран труда».

В 2003 году я прекратила работать в аптеке и с мужем переехали в Оричи. Здравствуйтесь, мои родные Оричи, мой родной дом, рядом огород, парк и стадион. Население в поселке обновилось почти полностью, я никого не знала. Пришлось знакомиться потихоньку с людьми. В 2006 году неожиданно, в возрасте 63 года, от сердечной недостаточности, умер муж. Было очень тяжело сидеть дома одной. По совету Зыковой В. М. я пришла в ДК, в хор ветеранов. И вот уже 12 лет я участница хора «Оричанка».

Я бабушка, у меня два сына и 3 внучки: старшей Кате -23 года, Лизе – 20 лет, она учится на 3 курсе Пермского фармацевтического института, Олесе 10 лет-ученица в 4 класса.

Вот и вся моя жизнь, ребенка войны.

Слабинская Светлана Анатольевна, 1942 г.р., пгт. Оричи

Якименко Н. А. «Жизнь в тылу была очень тяжёлой»

Мы жили в деревне Ключи Пустошенского сельсовета, Оричевского района, Кировской области. В семье были отец, Бакулин Афанасий Иванович (31 января 1910 года рождения); мать, Бакулина Александра Григорьевна (14 ноября 1910г.р.); бабушка, Бакулина Мария Александровна (год рождения не знаю). И мы, двое детей: я, Бакулина Нина Афанасьевна (14 января 1934 г.р.) и брат, Бакулин Иван Афанасьевич (14 января 1943 г.р.) Родители работали в колхозе «Спартак», бабушка была уже в престарелом возрасте. Мой отец был девятым ребёнком. Всего бабушка родила 11 детей, дед к моменту женитьбы моего отца уже умер, его звали Бакулин Иван Терентьевич.

Мой отец и Эсаулов Сергей Степанович были на работе, они работали в колхозной кузнице, а мы с его дочерью Таисьей играли около кузницы. Кто-то пришёл и сказал: «Германия напала на нашу страну». В деревне начался переполох, все поняли, что скоро мужчин заберут. И действительно, все взрослые парни и женатые мужчины буквально в последующие дни были вызваны в военкомат и отправлены на фронт. Большинство из них погибли.

Мой отец был болен – туберкулёз лёгких. Он ежемесячно ездил в тубдиспансер на продувание лёгких, в больницу не клали при этой процедуре. В последний раз он уехал в Киров в сопровождении снохи Бакулиной Марины, от тубдиспансера до вокзала они шли пешком, немного до вокзала не дошли, она его оставила у столба. Так как он не мог быстро идти, а она поспешила из-за билета, надо было успеть купить. Приходит за ним, а его, где оставила, уже нет. Он стоял и упал, а тогда ездил машина, подбирала умерших, его подобрали, как покойника (он вслух говорить не мог), так что его шёпотом, может, не услышали или слушать не хотели. Бросили в морге на кучу трупов. Как на поленницу и сверху накидали ещё больше. Когда моя мать с родственниками его нашли, пришли в ужас – он живой был туда брошен и, похоже, когда понял, что находится в куче покойников, его вырвало. А он замёрз, ведь тогда были 40-градусные морозы, не то, что теперешние зимы. Такова кончина моего отца.

А он был очень добрым и отзывчивым человеком, хотя порой и очень плохо себя чувствовал. Как мог, помогал людям: точил косы, мастерил и исправлял грабли, черенки к вилам. А потом, когда ходил уже плохо – вписывал в книжки работу дома, ему сведения приносили бригадиры, он по тем временам был грамотным – закончил 3 класса церковно-приходской школы в Камешнице.

Из нашей родни многие погибли на войне. Брат отца, Бакулин Александр Иванович – только что женился, уходил на войну, оставив 3-месячного сына, который вырос хорошим человеком, школу закончил с медалью. А потом Куйбышевский авиационный институт. Второй брат отца, Бакулин Иван Иванович с сыном Дмитрием Ивановичем. У сестры отца, Марии, сын Шиндориков Василий Матвеевич был подбит и сгорел вместе с самолётом. Эсаулов Василий Павлович погиб в Польше в самом конце войны. Нам приходила от него открытка – поздравление с 1 маем и всё... почему-то он не внесён в Книгу Памяти. Погиб Бакулин Николай Александрович, мой троюродный брат.

На фронт провожали обычно всей деревней, ведь неясно было, придётся ли увидеться вновь. Плакали конечно, если бы вы представили, какое это было невыносимое горе! Мы хотя и маленькие были, мне всего 6 лет, понимали, какая беда была.

Помню, что мои дяди были в пехоте, потому что про Александра говорили, что он погиб от осколка гранаты или бомбы.

Жизнь в тылу была очень тяжёлой. Носить было нечего, не говоря об еде, денег не хватало. У нас отец умер дома, не на фронте, поэтому мать вынуждена была платить налоги полностью, вплоть до 1953 года, пока не умер Сталин. А учёба была платной после 7 класса. 450 рублей заплачено за учёбу в 8 – 10 классах. В школе была бухгалтерия. В начале учебного года и после зимних каникул в класс не пустят, пока не предъявишь справку, что 75 рублей уплачено. Я набирала ягод и продавала в Оричах на базаре, по 150 рублей накапливала, чтобы расплатиться. У мамы денег не было. Её душили налоги: держишь, не держишь кур, 76 яиц отдай – сдай государству. Овец мать тоже не держала, ведь их кормить надо... Коровы

были худюшие, выпускают их весной, а они увидят зелень на ключике (вода била из-под земли) бегут туда, увязнут, их вытаскивали всей деревней. Это был страшный труд – люди-то были немощные! Ведь ели что придётся: собирали весной на поле оставшуюся картошку, шкурки уберут, а белое – на крахмал.

В 8 класс пошла в 1949 году, за 10 км. домой на выходной приходила, как и другие. Мама даст 3 буханки деревенские, небольшие и трехлитровый бидончик молока на неделю. Ещё посылала картошки, кто поедет на лошади, и другие овощи с огорода. Хлеб был по карточкам, поэтому кроме тех маминых караваев нигде ничего не возьмёшь. Да и денег-то не было.

Турнепс. Его садили много, так как в Ключах был скотный двор со множеством коров и молодняка. Мы, дети, начинали работать в 8 лет, трудились до завтрака (с 5 часов утра до восьми). Привязывали со старушками семенники турнепса к колышкам, а после завтрака уходили все метать сено в стога. Мы, маленькие, по два человека, загребали за волокушами; женщины, кто на гребях, кто на стогу. Ребятишки - парни подвозили на лошадях, запряжённых в волокуши сено к стогам. А ещё, пока сенокос не начнётся, мы тоже работали: женщины из частных домов в телегу складывали навоз, а дети, в основном мальчики, возили его на поля, а мы, девчонки маленькими вилами разгребали кучки по полю. Очень рано нас косить научили, я хорошо запомнила, мне исполнилось 13 лет, я уже была в Васёвке на лугах, косила вместе со взрослыми женщинами. И мои сверстницы так же.

А как тяжело давался лён! Руки в занозах, болят, делянки же всё равно надо вырывать. Особенно тяжело было лён колотить, то есть зерно освободить от стеблей. Помашки-ка вальком! Валёк ещё применялся в домашнем хозяйстве – им при полоскании колотили бельё, чтобы в нём не остался щёлок (заваренная кипятком зола). Мыла-то не было, а на базаре с мылом обманывали. У нас с мамой произошел такой случай – она купила печатку, отдала по тем временам большие деньги, стала мылить, а это оказался воск. Как она миленькая ревела, что не распознала подделку, ведь деньги-то трудно было получить – пока 250 литров молока государству не сдашь (налог) и продать-то не смеешь, могли описать имущество, а из имущества ценности – только корова. Ею и жили. Налог был и на плодовые деревья. Отец до войны посадил где-то около 10 яблонь, а когда ввели налог, маме пришлось все их вырубить – где взять такие деньги?

От выбивания льна болели руки и в плечах, и в кистях. Работали целое лето, даже 31 августа до потёмков колотишь, а вечером с лампушкой собираешься в школу. И так всё лето. Бригадир весной нас, школьников, ждёт. Спрашивает: «Ну что, завтра после обеда придёте на работу?» А тогда весной мы использовались на посадке картофеля, садили под плуг, лошади использовались для запахивания картошки. И так всё лето: не та, так другая работа...

Об учёбе чего и говорить! Мы, младшие, учились в Пустошах в бывшем поповском доме. Церковь была разрушена в 1937 году, служителей выгнали, а дом использовали под школу, дрова пилили сами, так как уборщица бы не обеспечила. Пока не натопится, руки замерзали, сидели сначала в верхней одежде. С 5 класса перешли в настоящую школу, электричества не было, у учителя на столе стояла лампа со стеклом, а мы писали со свечками. Тогда в магазинах продавались свечки маленькие, разных цветов, как карандаши. Одна свечка сгорит, поджигаешь другую.

Об учёбе в Оричах я выше написала. Чем я виновата была, что отец мой был больной, а учиться надо было за деньги. Он во время войны и умер, а наши права детей, не воевавших родителей, ущемлялись. За что? Одежды хорошей не было, голодали, работали сызмальства, поэтому здоровье потеряно.

Я из очень бедной семьи, поэтому, когда училась в Кировском сельхозинституте, была одета хуже всех, за 5 лет учёбы, я ни разу не была на танцах, которые там организовывались – одеть нечего было и администрация института видела всё, поэтому в колхоз не посылали. Пусть я ходила с голыми пятками, но училась хорошо. Не напрасная пословица: «По одежке встречают, по уму провожают». Я из первого выпуска инженеров-механиков, диплом делала на кафедре тракторов под руководством профессора Гуревича А.М., выпуск 1957 года. У него готовили дипломы не менее 10 человек, но выбрали нас троих: Кожевникова И.Г., его жену Горючкину Т.Ф. (после замужества Кожевникову) и меня, Бакулину Н.А. При распределении в институте, я добровольно выбрала Красноярский край, хотя были ещё 3 региона: Кировская и Пермская области, Чувашская республика. 3 года я работала в Красноярском крае. Когда пришла на работу в Кировскую зональную машино-испытательную станцию, главный инженер Заболотный И.А. раскрыл трудовую книжку и увидел, что я работала преподавателем в училище механизации сельского хозяйства, воскликнул: «О, преподаватель! А у нас трактористов не хватает! Выучишь?» Я ответила: «Конечно, выучу!» И мы с Кожевниковым И.Г. выучили, набрав группу из 12 человек, приняли у них экзамены, выдали удостоверения. Они проработали, кто до пенсии, а некоторые до неё не дожили. 11 лет я проработала в МИСе старшим инженером, а когда при МИС учредили постоянно-действующие курсы, меня перевели на их заведование, где я и проработала до выхода на пенсию.

Когда уходила на заслуженный отдых, пришлось снимать с меня 7 общественных нагрузок. Я отмечена и наградами: 2 государственные – медали, похвальные грамоты от МИС, общества «Знание», НТО. Я и работала, и детей растила, и училась. Закончила ещё Московский патентный институт. Сдавала по 3 экзамена в один день и все на «5». Высоко оценил мои знания один из профессоров в Москве. Я пришла сдавать советское право, оказались 2 кафедры в одном кабинете. Хорошо ответила по советскому праву, а второй по зарубежному. Седовласый профессор слушал, когда мне поставили «отлично» в зачётке, по зарубежному праву профессор мне говорит: Подойдите ко мне, я проверю, как вы мой предмет знаете». Когда я ему всё ответила, он спросил: «Вы откуда?» Я сказала, что из Кировской области. После чего он проговорил как будто про себя, но достаточно громко: «Да... Самородки обычно рождаются в глубинке! Здорово Вы мне отчеканили, ставлю «отлично». Я, довольнѐшенькая, пошла в секретариат и взяла направление, чтобы сдать ещё информатику. И её сдала на «отлично». Секретариат ликовал: «У нас если 2 экзамена сдадут, пусть на тройки, в институте сенсация, а чего делает-то мать четверых детей?» А когда я и диплом прекрасно защитила, руководитель дипломной работы притащила коробку конфет «Коровка» и сказала: «Молодчина!» Я получила красный диплом, хотя на защиту ездила с младенцем (5 ребёнком). В институте не знали, а когда узнали после защиты, удивились. Ведь были морозы, декабрь, а сыну всего 2 месяца исполнилось.

Когда закончилась война, помню, что все ликовали, радовались. Но мои родственники погибли, поэтому, ни о сражениях, ни о пережитом рассказывать было некому.

Березина Т. С. «У нас в тылу был свой фронт»

Родилась я в 1934 году, в деревне Берёзовка Оричевского района. Народу тогда в деревне было очень много, 40 дворов. Когда началась война, я только и помню, что все мы, дети, плакали и все-все в деревне рыдали. Много человек сразу забрали на фронт.

Моего отца, Шишкина Степана Ивановича, 1909 года рождения забрали 7 июля 1941 года. Мама осталась с четырьмя детьми, я старшая и ещё две сестры и брат. Поплакали, а жить-то надо и работать надо. Я должна была идти в школу в первый класс, а тут надо с мамой и в поле, и в лес за дровами, и дома по хозяйству. Вот так и началась моя взрослая жизнь. Не знаю, было ли у меня детство... очень горько вспоминать, никто нас не считал детьми в то время, мы работали наравне со взрослыми: драли лён, пололи овес, возили сено. Да всё и не перескажешь.

«Да разве об этом расскажешь,

В какие я годы жила.

Какая огромная тяжесть

На детские плечи легла...»

Вот вспоминаю. А сама всё плачу...

Зимой было меньше работы, я ходила в школу пешком 5 км. И так три зимы, а больше и не училась, сказали, что выросла, пусть младшие учатся.

В каждом доме было много детей. Помню, возьмём тележку и едем в поле за кисленкой, наберём полные мешки и тащим домой – хоть что-то матери испекут. Хлеба не было, только трава да мякина, весной песты, а летом грибы.

Помню, как-то копали картошку на колхозном поле, холод, сырость и решили нам, детям, матери картошки по штучке в костре испечь. Развели костерок в овраге, но пришел бригадир, всё раскидал ногами и затоптал. Все ревели – бабы от обиды и отчаяния, а мы, дети, видимо, от голода.

Отец служил в пехоте, всю войну пешком прошёл до Европы, его боевой путь окончился в Чехословакии, имел награды. Только тогда никто не говорил про фронтовиков и день Победы не праздновали – закончилась война – и, слава Богу! Он приезжал домой во время войны по ранению, не помню, в каком году, немного дома пожил и опять на фронт. А вернулся только в 1945 осенью, помню, мы уже картошку копали.

Но после войны не стало легче, было ещё тяжелее. Я всегда говорю, что война для нас была не 5 лет, а 15. Мало кто в деревне вернулся с фронта, а работы прибавилось, налоги непосильные. Техники никакой, всё на лошадке и лето, и зиму. Зерно обмолотим и везём в район сдавать государству. Сами мешки нагрузим, сами в Оричах сгружаем. Помню, в 1951 году, я пятьдесят раз за зиму с зерном ездила.

Отец не любил рассказывать про войну, только и говорил, что радуйтесь, вас здесь не бомбили и не стреляли. Я же считаю – у нас в тылу был свой фронт. А ещё нас, молодёжь, посылали в лес на заготовку древесины, на целую зиму в Верхнекамский район. Рубили деревья, пилили на брёвна, скатывали в бурты. И опять голодные. Вернёмся домой – и дома есть нечего. Так и жили. Но не жаловались, все жили одинаково.

Я вышла замуж в 1953 году за хорошего парня, Березина Ивана Серафимовича, 1932 года рождения, из деревни Ворсино. Ему жилось ещё труднее, он был старший в семье из четверых детей. Жили очень трудно, он работал за взрослого мужика и в поле, и в лесу.

А их отец с войны не вернулся, погиб в первый же военный год, 22 января 1942 года, в Калужской области, захоронен в братской могиле. Уже наши внуки ездили на могилу к прадеду, поклонились обелиску с фамилиями сотен погибших солдат.

Мы с моим мужем прожили вместе 64 года. Вырастили четверых детей достойными людьми, всем дали хорошее образование. Всю жизнь мы прожили в деревне Ворсино и работали в колхозе «Искра». Муж умер в 2016 году, только за год до смерти ему присвоили звание «Ветеран войны», он же всю войну работал за взрослого, был за отца в своей большой семье и потом в колхозе трудился. Имеет несколько правительственных наград за труд.

Дети у меня хорошие, ухаживают за мной и во всем помогают. У меня четверо детей, девять внуков и одиннадцать правнуков. Все очень нас с дедом любят, жаль, что его с нами нет. У каждого своя судьба, у меня вот такая. Да, непростая, но мало чем отличается от любого моего ровесника. У всех людей моего поколения жизнь была одинаково трудной, но мы её прожили достойно. Я всем желаю здоровья и счастья, пусть война останется только в воспоминаниях и книгах. Рассказала о себе Березина Таисия Степановна. Храни вас всех, Господь!

Березина Т.С., 1934 г.р., д. Ворсино

Кокорин В. Б. «Это самое трудное, что мне довелось пережить»

В 1941 мне было 13 лет, детей в семье было 10 человек, я пятый. В школу ходили с другими ребятами из нашей деревни Нагоряны за 7 километров, в Оричи. Учились в третью смену, домой возвращались в 12 часов ночи. Когда началась война, старшего брата сразу призвали на фронт, а в 1942 и отца. Пришёл однажды из школы, он сидит за столом, перед ним повестка, говорит: «Вот телега под окном, борона, плуг – у тына, упряжь в ограде, лошадь на конюшне...» И остался я вместо него за хозяина в доме, да ещё на конно-ручных работах в нашем колхозе. В войну из колхоза ничего не давали, всё уходило на фронт. Живи, как хочешь. Выручала усадьба в 30 соток, с неё получали кое-какое пропитание и делили на шестерых, оставшихся дома. Что только ни ели: льняной куколь, клеверные головки, от зерен шелуху просеивали. Ну а весной был рай – поспевала кисленка, горькая редька, хвощ полевой, молодые ёлочные побеги. Всё это мать измельчит, мукой обвалит и лепешечки испечёт. Они и на хлеб-то не похожи, а вкусно было. Так жили три года.

В конце 1944 года пошёл на курсы трактористов, а весной победного 1945 мне дали трактор, в 1947 году вернулся отец, жить стало легче.

Военные годы – это самое трудное, что мне довелось пережить. Многие погибли на полях сражений, да и в тылу не все выжили. Из нашей деревни призывалось 28 человек, не вернулись 17,

из пришедших с фронта трое – инвалиды. Разве забыть всё это?

Как погиб старший брат, узнал лишь в 2013 году, благодаря интернету. Оказывается, подбили его танк под Смоленском, вышло из строя башенное орудие, так он одними гусеницами задавил ещё 19 фашистов, пулемётную точку, машину с боеприпасами, после чего заживо сгорел в машине.

Кокорин В.Б., 1928 г.р., п. Юбилейный

Мошкина М. П. «Спасибо тебе за то, что сберегла всех...»

Я родилась в 1939 году. В семье нас было шестеро. В самом начале войны отца забрали на фронт. И вернулся он в только 1947 году. За все время мы получили всего лишь два письма. В одном: «Нас бомбят под Харьковом», следующее было в 1946 году. Отец был контужен, попал в плен, бежал.

Мама осталась одна с шестью детьми, старшему было всего 13 лет, а младшему год. Жили мы в Алтайском крае, в небольшом селе, кругом Алтайские горы, речка Кокса, леса. Край был богатый. Все лето дети были в лесу, собирали грибы, ягоды. В реке ловили рыбу. Помню, как по весне, рыбы было очень много, и дети ловили ее вилками, и в один прекрасный день бабушка обнаружила, что в доме нет ни одной вилки. И потом каждую весну она стала их прятать. Мама работала одна, очень много и тяжело, чтоб прокормить такую ораву детей. Ее практически не было дома и брат, которому было 13 лет, был нам и за няньку и за кухарку. Бабушка жила недалеко, но и у нее было свое хозяйство. Всю долгую зиму мы сидели на печи, теплой одежды и обуви не было, и только по весне, когда становилось теплее мы босиком, надев какую - то одежду, шитую перешитую, выбирались на улицу. Чтоб босые ноги не мерзли, забирались на заборы и сидели там.

Дети есть дети, и в такое страшное время, мы играли, шлодничали. Лазили по огородам, однажды меня поймала соседка и отлупила вицей, да еще и маме рассказала. Играли, конечно же, в войну, в немцев и русских, немцами никто быть не хотел. Однажды мы перегородили комнату, разделив ее на два фронта, и брат, игравший за немца, решил под кроватью перелезть на нашу сторону и получил по голове пестом для соли со словами: «Мы все равно победим вас, фашисты проклятые» так, что кровь полилась рекой, и все подумали, что мы его убили. Ох, и досталось нам всем тогда от бабушки!

Всю войну мама проработала в Заготзерне и говорила о том, что очень много было вредительства. Урожай в Алтайском крае были хорошие, зерно мало того что надо было убрать с поля, его нужно было еще и высушить. На токах зерно прело тоннами. Но его не давали брать людям, даже тех, кто работал с зерном, при выходе с работы проверяли, вплоть до тапочек, не дай бог, где зернышко осталось. И при этом вывозили огромные воза зерна в лес и там закапывали. Мама рассказывала такой случай. Однажды ночью она набрала целый мешок зерна, 50 килограммов с тока, и несла его домой, и ее остановил милиционер. Село было небольшое и все друг друга знали, мама поставила мешок на землю и сказала: «Иди корми моих детей, а меня можешь посадить». Но зная, что нас шестеро, милиционер не стал ее задерживать и донес мешок до дома.

День Победы... Это было незабываемо. Какая была радость, но радость со слезами на глазах. Мама, когда узнала, она так плакала, нет, не плакала, она выла

от радости, а может от того, что мы не знали что с отцом. Он вернулся только в 1947 году. Я очень хорошо помню это. Отец пришел домой поздно вечером. Мы сидим на печи, нас шестеро, и видим, что заходит какой-то мужик в комнату. Мама стоит, смотрит и ничего не может сказать, а мы, наконец, сообразив, кто это, виснем на нем со всех сторон, так что маме и подойти то некуда и она так сомкнула руки, что разжимали мы ей все вместе. И первое что сказал отец маме «Спасибо тебе за то, что сберегла всех. Только мысли о вас заставляли меня жить».

Отец пришел позднее, потому что сразу после Победы он работал на восстановлении в Донбассе, и домой он приехал за тем, чтобы увезти всю семью туда. Мы собрались, но доехали только до Алма-Аты, попросту не хватило денег.

И остановились там, у родственников. Сейчас я понимаю, что если бы отец не вернулся, мы бы не выжили, голод после войны был страшный. Ели все, помню однажды, у мамы на работе зарезали свинью, и ветеринары сказали, что есть ее нельзя, какое-то заболевание и надо вывезти в лес и закопать. Мама привезла ее домой, что уж они с бабушкой с ним творили, не знаю, но мясо мы съели.

Шло время, жизнь потихоньку налаживалась. В школу я пошла в 10 лет. Школа была за 30 км от дома. Мы с братом жили на квартире, родители приезжали очень редко.

Потом был Томский инженерно - строительный институт. Где я и познакомилась с мужем. После замужества мы уехали в Эстонию, где работали на строительстве Эстонской ГРЭС. Затем был Смоленск, строительство Смоленской АЭС. Мы с мужем работали всегда вместе, бывало и в одном кабинете. В 1987 году приехали на родину мужа, в Оричи.

Война прошла через каждую семью, через каждую человеческую судьбу. Эти страшные годы невозможно забыть. Война — это боль, это смерть, это слезы... Но самое главное в любое время надо оставаться человеком.

Мошкина Мария Петровна, 1939 года рождения, пгт. Оричи

Уварова А. В. «Дай Бог, чтоб больше не было войны!»

Я, Анна Васильевна Уварова, родилась 1 марта 1931 года в небольшой деревеньке Мотрохино Лебяжского района. Мне было 10 лет, когда отцу, деревенскому кузнецу, принесли повестку. Уже в первые месяцы войны, всех мужчин из деревни забрали на фронт. Остались старики, женщины и дети. Все с тревогой ждали весточек с поля боя. От отца письма приходили редко. В последнем из них он сообщал, что продвигаются в сторону Ленинграда. А больше писем не дождалась. В феврале 1942 года почтальон принес похоронку, где сообщалось, что наш отец пропал без вести. Пятеро детей в семье остались сиротами, старшему 12 лет, младшему 1,5 года.

Все дети, начиная с 10 лет, работали в колхозе. Малыши были предоставлены сами себе, босые в нехитрой одежке, они целыми днями занимали себя сами, присматривали за ними бабушки, которые в силу возраста уже не могли работать.

Техники никакой не было, сильных и здоровых лошадей сразу забрали на войну, остались больные и старые, большую часть работ делали вручную. Например, весной поля боронили граблями и вручную сеяли зерно. Косили наравне со взрослыми. Мама и тетя встанут на полосы, меня в серединку поставят и так и

идем, конечно, они, как могли, старались мне помочь, чтобы я выполнила норму и получила свой трудодень. Жили за счет огорода, сеяли овес, пшеницу, выращивали овощи. Много было картошки. Благодаря ей, да тому, что у нас была корова, мы и выжили. Утром, перед тем как доить корову, мама ставила в печь на сковородке несколько картошин. Картошка, кружка молока - это был наш завтрак. В колхозе работала своя мельница, зерно мололи и пекли хлеб. Конечно, муки там было чуть - чуть. Основную часть составляли клевер, крапива, лебеда. Помню, уходя, мама наказывала сестре, набрать ведро головок клевера. Сколько надо было потрудиться, что собрать это ведро, ходили далеко, потому что близко все уже было собрано. У нас была речка - ловили рыбу. Варили уху, и это сильно помогало. Самым вкусным лакомством летом для нас была дикая клубника, которая в изобилии росла на угорах, и мы ели ее сколько хотели.

Я помню 9 мая 1945 года. Был пасмурный день со снегом. Когда узнали о победе, пели, плясали, а кто-то плакал. Особенно запомнилась женщина, у которой погибли все сыновья. Уже потом сложились такие стихи:

Я помню, день Победы ненастный был,
Крупными хлопьями снег тогда валил.
У сельского совета собрался весь народ
Плакали, плясали и пели, кто как мог.
А старенькая бабушка рыдала всех сильнее,
У нее три сына погибли на войне.
Она тихо повторяла заветные слова:
Уж я ли не растила, уж я ль не берегла...
Всех моих сыночков уничтожила война.
А голос Левитана звучал на всю страну-
Мы победоносно закончили войну!
Дай Бог чтоб больше не было войны
Что б жили в мире наши внуки и сыны!

После войны маме вручили медаль, придя из клуба, она с горечью сказала, «Что толку в этой железяке, лучше бы дали хлеба!» - и отдала ее играть детям. За войну она продала всю одежду, чтобы нас прокормить. Голод и тяжелая работа - вот самые яркие воспоминания о том времени. Я очень люблю стихи, поэтому и о той военной поре получились такие строки:

Жизнь военных лет с болью вспоминаю
Слезами остались в семье пятеро детей,
Где отец похоронен, не знаю по сей день.
Что мы пережили в военные года
Тяжкий труд, голод, холод, нищета.
Мы победу как могли ковали,
Хлеб растили, фронту помогали,
Носки, варежки для солдат вязали.
Голодали, холодали, нищевали,
Но надежду на победу не теряли!
Мама продала все приданое свое
За горбушку хлеба, за муку, зерно.
Мы сумели пережить военные года
Не погибла, выжила наша многодетная семья.
Вспоминаю с гордостью маму свою

Сохранила, подняла она детвору,
Пятерых сумела нас спасти тогда,
Все преодолела, усердием брала.
С нею мы жали, пололи, землю копали,
Пололи сорняки, топором рубили верес на бугре,
Волоком домой тащили, чтобы жить в тепле.
Мы молили Бога, чтоб кончилась война,
Мы тогда решили - будем ждать домой отца,
Маме говорили: «Мама - наш отец живой!»
Но в 38 лет мама была уже вдовой.
Никогда не видела я у мамы слез,
Она всегда в работе трудилась на износ.
В 42 году похоронку почтальон принес,
Рыдала наша мама, рассказать нет сил.
Мы окружили маму, все пятеро детей
Утешить как, не знали, рыдали вместе с ней.
Вот так в наш дом пришла беда,
Семью осиротила проклятая война.
Дай то Бог, чтоб больше никогда не было войны
Чтоб спокойно жили наши внуки и сыны!

С войны в деревню вернулись всего двое мужчин, да и те все больные и израненные.

В 1949 году, окончив с отличием Елькинскую семилетнюю школу, я поступила в Советское педучилище, по окончании которого девять лет работала в Шалеговской «семилетке» учителем начальных классов, вела уроки математики. Здесь вышла замуж. А когда по семейным обстоятельствам семья переехала в Оричи, шесть лет работала в Спас-Талицкой восьмилетней школе, где пришлось заниматься и географией, и математикой, и рисованием, и пением. Все же главное для меня - работа в начальных классах. В те далекие шестидесятые работа учителя была немыслима без общественных нагрузок, так что была и пионервожатой, и руководителем хорового кружка, и агитатором в селе.

В 1968 году перевели в Оричевскую среднюю школу учителем начальных классов, где и работала до выхода на пенсию в 1993 году.

Отличник народного просвещения. Отличник просвещения СССР, старший учитель - все эти звания присвоены за то, что выучила, воспитала, направила во взрослую жизнь более 500 учеников. За добросовестный труд награждена наградами:

Медаль «За доблестный и самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны».

Памятная медаль «60 лет СССР»

Знак «Отличник народного просвещения»

Медаль «Отличник народного просвещения СССР»

Медаль «Ветеран труда»

Знак «Старший учитель»

Юбилейная медаль «50 лет Победы»

Свидетельство «Ветеран Великой Отечественной войны»

Юбилейная медаль «60 лет Победы».

А закончить повесть своей жизни я хочу словами моего стихотворения «Дай то Бог, чтоб больше никогда не было войны, чтоб спокойно жили наши внуки и сыны! Мир без горя и войны, я думаю, что нет ничего лучше!»

Уварова Анна Васильевна, 1931 г.р., пгт. Оричи

Лобастова Л. И. «Вспоминаю то время и самое большое мое желание - чтоб оно не повторилось никогда!»

Я, Лобастова Людмила Ивановна родилась 10.09.1940 года в деревне Даровские, Спас - Талицкого сельского совета. О начале войны в нашей деревне узнали на сенокосе. Приехал человек на лошади и сказал, что началась война. Мужчин из деревни забрали на фронт. Мама работала в колхозе, а папа на железной дороге. Нашей семье повезло, у отца была «бронь», и он остался дома. Родителей мы в это трудное время практически не видели. Они уходили на работу, мы еще спали, приходили мы уже спали. Старшая сестра в 13 лет стала хозяйкой в доме. Мама с отцом, уходя рано на работу, напишут записку, что надо сделать, и она командует нами, ребятней. Но даже дети работали. В колхозе были огороды, где росли овощи, и такую работу как прополка и полив выполняли дети. Помню, сидишь в борозде, солнышко печет, слабость от голода, упали, там и уснули. А поливка... Ребята постарше носили воду в ведрах, а мы, малышня, маленькими чашками поливали.

В школу ходили за три километра в Спас-Талицу. Было много волков, соберутся все ученики из деревни, зажгут факелы и идут. Учились всю войну. Многие ребята не ходили в школу, потому что нечего было надеть. Я помню что сама, года в четыре - пять, босиком по снегу, накинув детское покрывальце, перебежала в соседний дом к подружке.

Жили мы бедно. На каждую семью было задание - сдать определенное количество зерна, яиц, молока. Поэтому оставалось совсем немного. Отец, работая на железной дороге, иногда получал паек, в котором были хлеб и сахар. Это было самым большим лакомством для нас, вечно голодной ребятни. Родители старались спрятать, хоть немножко сахара, но не знаю как, мы его находили и съедали. В Истобенске жили получше, и мы ходили туда собирали, кто чего даст.

В Спас-Талице, где мы учились в школе, жили дети, вывезенные из блокадного Ленинграда. Они были очень обзлѐнные. Дрались с нами, говорили: «Вы тут живете с родителями, а мы вот оказались здесь одни». Потом моя старшая сестра подружилась с одной девочкой и пригласила ее к нам домой. Увидев, как мы живем, как нам голодно, что при живых родителях мы их не видим, наши отношения стали лучше. Детей из Ленинграда было много, поэтому в школе учились в две смены. До пятого класса в первую, остальные во вторую. Потом за кем-то приехали родственники, кого-то отправили учиться дальше. Были и те, кто остался жить здесь. Эвакуированных детей кормили лучше, им давали хлеб с маслом, мы же могли об этом только мечтать.

Есть хотели всегда. Особенно трудно жилось сразу после войны: 1946 - 1947 годы. Был неурожай. С продовольствием было совсем плохо. На колхозных полях сеяли репу, горох, зерно. Поля охраняли. После жатвы кое-где оставались колоски, но собирать их не давали. Все равно по ночам, крадучись, мы пробирались на

колхозные поля и искали их. Колхозное поле с репой было у самого леса и мы на четвереньках, ночью, из леса, пробирались на это поле, дергали репу и тут же ее ели. Потом болели животы, а репу я не могу есть до сих пор, даже ее запах вызывает отвращение.

Чтобы дойти до школы, надо было пройти три лога, а там почти всегда была вода, даже зимой. Из обуви были только валенки с галошами, так помню, дойдем до первого лога, валенки скинем, босиком всю воду перейдем, и пока идем до следующего ноги в валенки, потом опять босиком, и так по шесть раз за дорогу туда и обратно. Но что интересно, мы не болели!

Зерно молотье возили на мельницу, через лес, в Адамиху. А в лесу на границе Истобенска и Спас-Талицы на болотах поселились дезертиры, поэтому на мельницу по одному никто не ездил. Взрослые тихонько говорили, что среди дезертиров есть и местные. Милиция в лес не совалась, да и местные всегда боялись этого леса с болотами, туда даже за грибами и ягодами никто не ходил. Наверно поэтому беглые и выбрали его. Рассказывали такой случай: женщина из д. Тумановы приехала на мельницу, чтоб смолотье зерно, а были очереди, ее очередь подошла уже под вечер. Она собралась домой ехать одна, как ее все ни отговаривали, она все равно поехала. Но домой пришла только лошадь, которая, видимо, сумела убежать, а женщину потом нашли в канаве еле живую, заваленную ветками. Дезертиры забрали всю муку, надругались над нею, может быть, и хотели убить, кто его теперь знает. Со временем, они куда-то пропали.

Жизнь потихоньку налаживалась. Я закончила семь классов, из колхоза не отпускали. У нас была девушка, секретарь комсомольской организации, мы с ней подружились, и она смогла меня направить учиться в техникум животноводства в г. Киров. Я выучилась на зоотехника, но всегда хотела быть или медсестрой или врачом. Выбора же не было: или животновод или простой колхозник. Доучиться не успела, образовалась Кировская МИС и нас направили туда. Но работать зоотехником было очень трудно. Я уволилась. Устроилась работать в швейную мастерскую, когда организовали цех по пошиву массовой одежды, стала заведующей. Так и проработала в комбинате бытового обслуживания почти до пенсии. Сейчас живу в Оричах.

Вспоминаю то время и самое большое мое желание - чтоб оно не повторилось никогда! Чтоб не было больше никакой войны, чтобы все жили в мире и были дружны, и всегда приходили на помощь друг другу.

Лобастова Л.И., 1940 г.р., пгт. Оричи

Чикишева В. Г. «Оричи - святое место для нашей семьи»

Для нашей семьи Суворовых поселок Оричи стал святым местом, потому что здесь сохраняется память о нашем отце – Суворове Григории Михайловиче, погибшем в годы Великой Отечественной войны. Имя его увековечено на памятнике у Вечного огня, что открыт в поселке Оричи в 1967 году на углу улиц Колхозная и Советская.

Есть ещё одно памятное место для нас – это Спас-Талицкое кладбище, где похоронена наша няня Касьянова Анна Емельяновна, которая спасла моих братьев в первый день войны, вывезла их из-под бомбежки в городе Таураге Литовской

ССР, а потом не сдала в детский дом, пока у них в 1945 году не нашлась мама - Суворова Зоя Кузьминична.

У нашей мамы после войны была всего одна запись в трудовой книжке: «Принять учителем математики в Оричевскую среднюю школу, август 1945 года». Здесь 45 лет мама работала до выхода на пенсию. Старое здание школы, что было на улице Труда, тоже было памятным местом для нашей семьи, потому что мы - все дети Зои Кузьминичны и Григория Михайловича закончили Оричевскую среднюю школу: в 1950 г.- Альберт, в 1955 г.- Генрих, в 1957 г.- Владимир, в 1959 г.- я, Тамара.

Пусть нет старого здания школы, где мы учились, нет 16-квартирного дома на улице Свободы, где наша семья встретилась впервые в полном составе в июне 1945 года, после того, как 22 июня 1941 года в Литовском городе Таураге мы потеряли друг друга, потому что немцы захватили город к 12 часам, начав его бомбить в четыре часа утра 22 июня.

Что пришлось пережить моим братьям, которым на начало войны было два, четыре и восемь лет, и они с няней в то роковое утро находились вдали на одном конце города, рядом с военным гарнизоном и попали сразу под обстрел немецкой артиллерии. Как выбирались из горящего города, куда ехали, как оказались летом 1941 года в Оричах, как с няней, а не с мамой жили в войну - об этом я написала в 2011 году в небольшой книге, которую подарила Оричевской библиотеке. История о том, как моя мама, родившая меня 21 июня 1941 года за несколько часов до начала войны, оказалась на оккупированной немцами территории, где она в поисках своих сыновей, попала в плен, затем была угнана с грудным ребенком в Германию, тоже описано в моей книжке «О маме, о войне и о семье».

Поводом для написания истории нашей семьи послужила встреча ветеранов 125 стрелковой дивизии, которая проходила в Кирове в городском клубе ветеранов. На встречу были приглашены дети и вдовы ветеранов дивизии. Здесь мы - дети войны узнали историю дивизии кировчан, которая в числе первых приняла удар немцев 22 июня, о том, как часть дивизии вышла из окружения, сохранив знамя. После переформирования, дивизия участвовала в прорыве блокады Ленинграда, а закончила боевой путь при освобождении Праги. На одной из таких традиционных встреч ветеран дивизии Зотов Андрей Иванович рассказал историю военных бед и скитаний жены офицера дивизии, политрука 144 артиллерийского полка. Она в 1944 году попала в плен, была угнана в Германию вместе с жителями Литовского хутора, а после освобождения в марте 1945 года руководила большим обозом, состоявшим из детей, стариков, женщин, освобожденных нашими войсками на территории Германии и Польши. Этот обоз она привела на Родину. Конечным пунктом был город Таураге. В военкомате, куда пришла эта женщина узнать о судьбе своего мужа, офицера Красной Армии, ей смогли только сообщить: «Пропал без вести в боях за Родину». Женщине предложили остаться на территории Литвы, помогать устанавливать советскую власть, т.к. она хорошо знала литовский язык и пользовалась доверием у литовских властей.

Но было и другое известие для этой женщины - письмо, написанное старшим её сыном, где он просил помочь найти свою маму, которую дети потеряли в этом городе в июне 1941 года. Сын сообщал, что вместе с няней и двумя братьями они находится в поселке Оричи Кировской области.

Это был рассказ о моей маме Суворовой Зое Кузьминичне.

После этой встречи в Кирове, появился рассказ о судьбе русской учительницы, чудом спасшейся в годы войны на оккупированной немцами территории, с маленьким ребёнком на руках, а после войны нашедшей своих сыновей после четырехлетней разлуки на Вятской земле.

После передачи на Кировском радио этот очерк, написанный журналистом Феликсом Ивановичем Комаровым был опубликован в Оричевской газете «Искра».

Этот газетный очерк «Это милое слово - Родина» наша семейная реликвия, как и записная книжка, в которой мама вела записи о передвижении обоза, об остановках, где выдавались на армейских складах продукты для людей, а также корм для лошадей, которые везли на подводах детей и стариков... Судя по записям, сделанных чернильным карандашом, в обозе было более ста человек и около тридцати подвод. Весь этот обоз двигался в 1945 году по местам боев навстречу наступающим войскам Красной Армии. Через два месяца 160 человек вернулись на Родину.

Моя книжка, где рассказана эта история - это не только дань уважения моей маме, моей семье, но дань уважения всем тем взрослым людям, кто в трудное послевоенное время нас, детей войны спасал, воспитывал и поддерживал.

Пересматривая старые семейные фотоальбомы, я с благодарностью вспоминаю наших воспитателей Оричевского детского сада, которые умудрялись придумывать и изготавливать интересные костюмы из марли, бумаги, картона, чтобы мы всегда выглядели красиво, старались организовывать фотографирование нас в этих костюмах. Спасибо им за это!

В книге есть глава «Оричи нашего детства» - это воспоминания о детстве, наполненным трудом, спортом, музыкальными кружками, чтениями книг, походами и конечно, учебой в школе. Школьным учителям 40-50-х годов особый поклон и благодарность за наши прочные знания, которые позволили выпускникам школы поступать в вузы Москвы, Ленинграда, Горького, Перьми и других городов.

В поселке было много семей многодетных, где отцы погибли на войне, но не было в них детей, кто прогуливал школу. Учителя не перекладывали ответственность за учебу на плечи матерей, а старались помогать отстающим после уроков, в каникулы, да и одноклассники подтягивали их в учебе. Многие жители поселка помнят большие дружные семьи Пачковых, Шабардиных, Смирновых, Суворовых, Ленючевых, Шахматовых, Старостинных и других, чьи дети успешно закончили школу, получили дальнейшее образование, вырастили своих детей и всегда приезжали в поселок, навещали и помогали своим матерям, не забывали навестить и своих первых учителей.

Благодаря таким моим учителям - наставникам: Таисии Стахеевне Тиуновой, Клавдии Александровне Лобастовой, Наталье Аркадьевне Демшиной, Генриэтте Константиновне Савиных, Николаю Ивановичу и Елизавете Кузьминичне Пархачёвым и, конечно, моей маме - Зое Кузьминичне Суворовой. Благодаря им, я выбрала профессию педагога.

Мне, как жителю поселка Оричи, он дорог ещё тем. Что здесь в 1945 году воссоединилась наша семья Суворовых.

Здесь я встретила в школьном хоре свою первую любовь - Лёню Чикишева. Здесь в 1965 году сыграли свою свадьбу. Наши дети Алексей и Сергей с удовольствием приезжали в Оричи к своим бабушкам Зое Кузьминичне и Фаине Ивановне. Первые записи в трудовой книжке появились у меня тоже в Оричах. Сначала это была работа корректором в районной газете «Коллективное

животноводство», а затем старшей пионервожатой в Оричевской средней школе, и только потом учеба в Кировском педагогическом институте имени Ленина, где я получила специальность учителя истории, обществоведения, русского языка и литературы. Мой педагогический стаж 53 года - сюда входит работа в школе, в системе внешкольного (дополнительного) образования и в институте усовершенствования учителей.

От имени своей семьи, моих детей и внуков выражаю благодарность руководству поселка за то, что здесь увековечена память о нашем отце Суворове Григории Михайловиче. Последняя запись в его трудовой книжке гласит: «Освобожден от должности заведующего Оричевским РОНО в связи с призывом в ряды Красной Армии, июнь 1939 года».

Более 70 лет мы разыскивали место гибели нашего отца. Побывали со старшим братом в Таураге, в Ленинграде на Пулковских высотах – там, где воевала 125 стрелковая дивизия в 1944 году. Встречались с ветеранами дивизии в Кирове и Ленинграде, делали запросы в госархив в Подольске, но все было безрезультатно.

И только в год празднования 70-летия Победы моему сыну Сергею удалось с помощью интернета узнать о гибели своего деда. Это произошло после того, как немцы рассекретили свой военный архив. Из немецких архивов мы узнали, что наш отец - Суворов Григорий Михайлович был зверски расстрелян в немецком лагере в Дахау за организацию побега из плена. Запись сделана в ноябре 1941 года. Но эту страшную весть не узнали мама и старший брат Альберт. Они скончались в 90-е и похоронены в Кирове.

Посещать святыне и памятные нашему сердцу места, мы стараемся вместе - это мои братья Генрих и Володя, и наши дети и внуки. Эстафету памяти мы завещаем молодым, чтобы помнили, чттили и гордились.

Тамара Григорьевна Чикишева (Суворова) родилась 21 июня 1941 года в Литве. Детство прошло в Оричах. Закончила Оричевскую среднюю школу в 1959 году. Сейчас живёт в г. Кирове.

Сергей Чикишев с портретом деда Суворова Г.М. в Бессмертном полку, на Красной площади 2019 год

Суворов Г. Г. «Детство, опалённое войной»

Помоги, Господи, начать повествование! Это попытка вспомнить своё детство, вернуть свою память назад, в 1941 год.

Дело в том, что волею судьбы вся наша семья оказалась в Литве, в г. Таураге, где в то время проходил службу наш отец Суворов Григорий Михайлович, который служил в 125 стрелковой дивизии в 414 полку лёгкой артиллерии в звании младшего политрука. Его призвали служить в 1939 году, когда началась война с белофиннами. 125 дивизия была сформирована в Кирове в основном из вятских, и

их вместо Финляндии направили на укрепление границы с Польшей, которую уже захватил Гитлер.

Командный состав получил приказ привезти к месту службы семьи. Вот и мы: мама – Суворова Зоя Кузьминична, которая на протяжении всей своей жизни была для нас Ангелом-Хранителем, старший брат Альберт, я – Гена и младший брат Володя в ноябре 1940 года приехали в город Таурага, где стали жить в двухэтажном кирпичном доме на первом этаже с соседями Кочуровыми. Мама пошла работать в школу для детей военнослужащих, Алик – в 3 класс, а мы с Вовой были под опекой нашей няни.

За домом был фруктовый сад, где мы гуляли, и сарай, на крышу которого Алик забросил мою соску, потому что я никак не хотел расставаться с этим предметом. А к ночи устроил рёв. И Алик с отцом вынуждены были вновь её отыскать и отдать мне.

Из воспоминаний выплывает, как к папе утром приезжал вестовой на коне, а второго коня за узду приводил к дому, и затем оба уезжали на службу, так как военный городок был за городом.

Однажды нас с Аликом на подводе, запряжённой двумя лошадьми, возили в этот городок, где проходили конные состязания. Солдаты скакали на лошадях по ипподрому, по периметру которого на шестах были закреплены ветки ивы и шашками на скаку срубали эти ветки.

Но самое яркое и незабываемое – это начало войны – 22 июня, 4 часа утра. У папы кончался срок службы, и мы должны были уехать на родину в Оричи. У нас уже были упакованы все вещи. Оформлены проездные документы, мы уже вместо кроватей спали на матрацах, на полу – няня, Алик, Вова и я, мама досрочно попала в роддом. Родители думали, что успеют доехать до дома, но случилось так, что начались преждевременные роды, и мама 21 июня родила нам сестричку Тамару.

То, что война вот-вот должна была начаться, все военные городка уже знали, и когда папа уходил из дома, он сказал няне, что если начнётся война, она с нами – Аликом, Вовой и мной должна бежать к дому Красной армии, где будут стоять машины, чтобы вывезти нас из города. А о начале налёта нас предупредят солдаты из казармы, которая была рядом с нашим садом. Так оно и случилось.

Я помню, что в окне появился солдат, который стучал в стекло и кричал: «Вставайте, война!» а за окном что-то уже полыхало, и слышался страшный грохот. Мы выскочили на улицу в нижнем белье. Няня на руки взяла Вову, Алик меня за руку и свёрток с Вовкиными пелёнками, одеялом. А когда мы были на крыльце дома, во дворе разорвался то ли снаряд, то ли упала бомба, и нас сбило с ног. А когда побежали, Алик вдруг остановился и говорит няне: «А почему Вовка не кричит?» Она взглянула и увидела, что вместо Вовки она прижимает свёрток с одеялом и бельём. Мы вернулись и видим, что братик лежит на крыльце и плачет. Няня его схватила, и мы устремились к дому Красной армии, где нас погрузили на полуторки и повезли в Шауляй, а оттуда поездом, в теплушках – в Россию. Куда – никто не знал...

На дороге нас бомбили, расстреливали с самолётов; в памяти остались отрывочные картины, что лежим в чистом поле у железной дороги, сверху поливают огнём с самолёта, а мы укрываемся цветным лоскутным одеялом. Добирались около месяца до Бугуруслана, Оренбургской области. Во время одной из бомбёжек от состава оторвало 3 вагона с людьми, а перед этим у нас пропал

Алик, когда в спешке грузились в вагоны, он не сел в наш вагон, но, к счастью для нас, не в эти последние 3 вагона.

В Бугуруслане нас хотели разделить по разным детдомам, так как Алику было 9 лет, мне – 4, а Вова – 2,5. Но наша няня проявила твердость и решительность, и сказала, что она обещала по просьбе наших родителей доставить нас на родину, в Оричи, что она и сделала. Таким образом, мы благополучно добрались до Оричей, где прожили до приезда нашей мамы и сестры, о судьбе которых мы не знали всю войну, так же, как и она о нас, и папы.

Как мы приехали в Оричи, я не могу помнить, только по рассказам няни. Оказывается, что когда мы хотели остановиться жить в Марадыково у наших дедушки Кузьмы Ивановича и бабушки Анны Алексеевны (это родители мамы), то было принято решение, что лучше нам жить в Оричах, так как там есть школа и детский сад, этого в деревне не было. Люди, которые принимали участие в устройстве нас в Оричах, проявили заботу, внимание и довольно быстро нашли нам жильё. Не имея возможности перечислить их имена, фамилии, служебное положение – всем им говорим спасибо и низко кланяемся.

Жить мы стали в 16-квартирном доме по улице Свободы в комнатке 8 квадратных метров, в которой было одно окно, стояла кровать, узкий школьный стол, сундук. В доме была коридорная система – восемь комнат, общая кухня с печью, где собирались вместе, особенно дети...

Мы с Вовой ходили в детский сад, а в 1944 я пошел в школу, и когда из оккупации вернулись мама и Тамара, 24 июня 1945 года, я уже перешел во 2 класс. То, что мама и Тамара живы и едут домой, мы узнали из письма мамы, которое, к счастью, сохранилось.

Я хорошо помню тот день. Кажется, весь посёлок пришел на вокзал, так как о судьбе нашей семьи знали многие. Отец до войны был заведующим РОНО, мама – учительница, у них были друзья и масса знакомых. Я с перрона видел, что вагон остановился, все бросились к маме, а Тамара стояла в коротком коричневом пальтишке, волосы светлого цвета, пострижены были коротко, с челкой на лбу, а в руках держала бидон. Тут нам её и представили, что это наша младшая сестра, которая, как оказалось, совсем не говорила по-русски, так как всю войну, будучи в оккупации, мама не говорила, что русская, и тем более, никто не выдал её, что она ещё и жена офицера. Все мы пришли в нашу комнатку, где Тамару посадили на стол, и мы пытались с нею говорить, но только ничего не получалось. Особенно это веселило Толю Шабардина, который очень стрался разговорить Тамару.

И тут надо отдать должное поселковому руководству: они нам пдыскали пустующую контору на яично-птичьей базе на ул. Колхозной. Где мы все: мама, няня, Алик, Вова, я и Тамара, соединившись в одну семью, стали обживаться, устраивать свой быт, учась друг у друга, понимать и ближе узнавать свои привычки, характеры и т.д. Дело в том, что мы с Вовой маму совсем не помнили, для нас все эти годы няня была нашим Ангелом – Хранителем за маму, а с Аликом мы в годы войны встречались изредка на каникулах. К счастью этот процесс адаптации прошел быстро, все мы стали дружной и счастливой единой семьёй.

*Суворов Г.Г, 1938 г.р., нгт. Оричи – г. Киров
из книги Чикишевой Т. «О маме, о войне и о семье», - Киров, 2011*

Суворов В. Г. «Ты мне сохрани детей»

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 2 года и 4 месяца. По рассказам моих братьев и нашей няни, меня чуть не потеряли утром в 4 часа, когда началась война. Алик, (старший брат), за ним Гена, а потом няня вышли из дома, я был у няни на закорках. Алик оглянулся и спросил: «Где Вовка?». А мои руки расцепились у няни на спине, и я остался на крыльце. Меня подобрала и так я остался жив. По рассказам няни, когда мы ехали в железнодорожном составе, и была бомбёжка, она, чтобы мы не боялись, укрывала нас одеялом. Нас эвакуировали в Бугуруслан, где хотели распределить детей по возрасту в детдома, но папа сказал няне: «Ты мне сохрани детей» так мы оказались на нашей родине в Оричах.

Когда мы жили во время войны, няня нас летом возила в Марадыково к бабушке Анне Алексеевне и к своей маме в деревню Истеря. Мы с Геной, сидя у окна, ждали, когда няня придёт за нами, и мы поедem к ней в деревню. Помню, как мы шли туда, и нас застал дождь. Мы спрятались под ёлкой и уснули. Потом пошли дальше и проходили через село Пищалье, где до войны работали и жили наши родители. Я, как сейчас, помню этот дом и комнату на втором этаже, которую показали хозяева. Дом был рядом с церковью.

В деревне Истеря у няни жили её мама, сестра тетя Даша, а в соседнем доме брат дядя Коля, который меня учил плести лапти (что-то у меня получалось) у дяди Коли был сын Тихон, которому было ещё лет 15 – 16, и я вместе с ним пахал землю на коровах (лошади были все в армии). Он держал плуг руками сверху, а я снизу. Так что могу сказать, что я во время войны пахал землю. Ещё помню, как пилили доски из брёвен. Были высокие козлы и длинная пила. Один человек стоял вверху, другой внизу, и так вручную делали доски. Еще помню, как уходил по бороздам в грядки, и меня искали. (Где Вовка? Рвёт морковку, заплутался в борозде). Помню, как были в церкви (1943-1944 г.г.) и меня и Гену окунали в ванну (купель).

А самое главное воспоминание – это 24 июня 1945 года, когда я шёл из детсада и пускал кораблики (щепки) около дома, где жили Шабардины. Ко мне прибежали друзья и сказали: «Ты чего сидишь? У тебя мама едет!» А я сказал: «Какая мама - у меня няня!»

Нас с братом Геной одели в выходную одежду (штанишки на ляпочках) и все пошли на вокзал. Весь перрон был забит людьми (слухи распространялись быстро). Вагон остановился у водокачки, сестра Тамара, которую мы увидели впервые, была в пальтишке, с бидончиком в руке, а за ней мама, которую я тоже увидел впервые в свои 6 лет.

И ещё один случай запомнился очень хорошо. Мы жили тогда в 16 квартирном доме на втором этаже. Рядом с нами в комнате жила Розалия Ивановна Онищенко с дочкой. Розалия Ивановна была медработником в госпитале военнопленных немцев. Госпиталь занимал обе школы, детсад, ясли, и дом, в котором мы жили до войны. Вся территория была обнесена высоким забором из заострённых кольев, по верху колючая проволока под током. Розалия Ивановна водила нас на рентген. Очень неприятно было идти по территории, где были немцы. После рентгена она сказала няне, что в общем, мы здоровы, только очень худые, нужно хорошее питание, а где его было взять и на что, если мы жили на помощь, как дети военнослужащего.

А по поводу военнопленных помню, что за посёлком у дороги в сторону Помаскиных, с левой стороны (куда няня ходила получать на нас деньги в

сельсовете), было кладбище военнопленных немцев. Там стояли невысокие берёзовые кресты просто с номерами. Может быть, и есть где-то в архивах какие-то сведения и кто-то из немцев ищет родных. Хотя вряд ли есть!

И ещё о пленных: два немца устроили побег и их поймали. Их повезли в поселок, и они под охраной автоматчиков и собак сидели у пожарной вышки, и мы, пацаны, бросали в них камнями, а солдаты отворачивались от нас, как будто ничего не видели. Здоровых немцев заставляли работать. Хорошо помню, как они мостили улицу Советскую в районе Дома культуры. Завозился песок и деревянные тюльки, которые ставили «на попу», засыпались песком и утрамбовывались. Немцы работали, стоя на коленях.

Вот и всё о военных годах.

P.S. Ещё запомнившийся случай (год не помню, скорее, 1945 или позже), как мы стояли у водопроводной колонки и ждали, когда приедет за водой с бочкой дядя Вася (так звали возчика) и увезёт воду на пекарню. Это означало, что сегодня будет хлеб. А я, когда был маленьким, хотел быть пекарем. Меня спрашивали: «Почему?», а я отвечал: «Чтобы досыта хлеба поесть!»

В 1947 году, когда мы снова жили все вместе в том же доме, где до войны, ходили с Геной в магазин за хлебом. Хлеб был по карточкам и отпускался строго по норме. Лишнее отрезалось – как правило, это были уголки от буханок. Так в тот раз, когда подошла наша очередь, остались одни эти обрезки. Если не брать – останешься без хлеба. Мы сложили их в солдатскую пилотку (которая была у Гены), разогнув её во всю длину, и так принесли домой эти обрезки, не съев ни одного.

*Суворов В.Г., 1939 г.р., пгт. Оричи – г. Киров; из книги
Чикишевой Т. «О маме, о войне и о семье», - Киров, 2011*

Чикишева Т. Г. (Суворова) «Что я помню о войне»

В моей детской памяти осталось несколько ярких картин войны.

... Паром переправляется через реку. На пароме люди, подводы, кони. Обстрел и конь встаёт на дыбы – страшно до сих пор.

... Ночь, барак, обстрел и крики, но крики радости, незнакомая для меня речь (русская). Все обнимаются и плачут... от радости. Это было 8 марта 1945 года – день, когда Красная Армия освободила нас от плена.

Когда мы скрывались от немцев на хуторе в литовской семье, за нас с мамой отвечал младший сын хозяина Ионас. Когда начиналась облава, и немцы шарили везде в поисках партизан, нас всегда старались в тот момент спрятать, потому что первой подозреваемой могла стать русская женщина, жена красноармейца, тем более политрука.

Нас прятали в лесу – в землянке, в стоге соломы, за поленницей дров... Моя задача – сидеть тихо и молчать. Одна печальная память о войне мне досталась – скрываясь в соломе, я поранила глаз в самый зрачок, и эта травма осталась на всю жизнь.

И ещё одно воспоминание о войне – это вкус, вкус блинов. Их жарили на улице на огромной сковороде, которую ставили над огнём на таганку (круглая металлическая подставка). Блин был тонкий, в дырочках и удивительно вкусный.

Когда я, став взрослой. Сама научилась печь блины, то пыталась испечь такой же, как в детстве – у меня не получилось, но до сих пор помню тот вкус детства...

Очевидно, это неповторимо.

Видимо меня, как самую маленькую в той литовской семье, любили и баловали, чем могли, в то военное время. Только по прошествии более 60 лет с той военной поры я, взявшись написать книгу о нашей семье, всё больше и больше удивляюсь и преклоняюсь мужеству моей мамы, да и всех русских женщин, которые не смогли в тот роковой день, 22 июня 1941 года, выехать из Литвы, которую молниеносно захватили немцы.

К русским, тем более жёнам офицеров, в ту пору у местного населения было очень неоднозначное отношение. Не все литовцы радушно встречали приход Красной Армии ещё в 1939 году, не все были согласны и с установлением Советской власти в Литве. Поэтому с русской фамилией, без знания литовского языка, находиться на оккупированной немцами территории, было очень опасно. Да укрывательство русских людей грозило местному населению большими неприятностями – либо расстрел, либо угон на принудительные работы в Германию.

Только мужество ряда литовских семей спасло жизнь моей маме и мне. Свою благодарность нашим спасителям мы смогли высказать, побывав у них в 70-80 – е годы. Отношения между нашими семьями были добрыми. Начиная с послевоенного времени, мы переписывались, поздравляя друг друга с праздниками, помогали в трудных ситуациях. Но наступившие события в 90 – е годы не позволили нам больше общаться с нашими литовскими друзьями. Мы прекратили всякие отношения, чтобы не поставить их под удар за связь с русскими – со стороны экстремистских сил в Прибалтике. Но, не смотря на распад Советского Союза, на разрыв дипломатических отношений между когда-то братскими союзными республиками Россией и Литвой, в нашей семье сохранились самые добрые воспоминания о литовских семьях, с которыми свела нас судьба в годы войны.

Когда ушла из жизни мама, нам пришлось покинуть наше семейное гнездо в Оричах, которое она сохраняла, не покидая его, хотя часто болела. Все мы – её дети, звали каждый к себе, чтобы она жила с нами, и мы бы ухаживали за ней, но она не соглашалась уезжать. Мама говорила нам: «Если я уеду к кому-нибудь из вас, то у семьи не будет своего дома, где могут собраться все дети вместе со своими семьями».

Главной семейной традицией был мамин день рождения – 6 февраля. В этот день мы приезжали в Оричи все. Раздвигали в комнате большой стол, который накрывался белой скатертью. На 80-летие мамы нас было за столом 15 человек – Алик, Гена, Володя, я – все со своими семьями. В центре стола стоял букет тюльпанов, который нам удалось привезти из Кирова, несмотря на 30-градусный мороз. Когда заканчивался праздничный обед, и наступала пора вечернего чая со сладкими мамиными пирогами, ватрушками, на стол ставились изумительные чайные чашки. Они были разные.

Необычная история их появления в доме – это память о литовских семьях, которые весной 1945 года возвращались из немецкого плена к себе в Литву вместе с нами в составе большого обоза, которым руководила мама.

Когда мама вместе со мной уезжала из Литвы к своим детям в Кировскую область, те литовцы, кто пришел нас проводить, подарили ей в память о нашем

обозе, кто что мог – красивую чашку, вилку, ложку или просто большую булавку. Все это мама сумела сохранить в нашем доме, а когда она ушла из жизни, я решила, что частички этой памяти должны быть в каждом доме – у Гены, Володи и у меня. У наших детей.

Ещё в моём доме хранится записная книжка военных лет, в которой мама записывала все, что касалось дороги домой в 1945 году.

Населённые пункты, через которые проходил наш путь по Восточной Пруссии, Литве до города Таураге. Записи сделаны карандашом, вначале на литовском языке, потом на русском. Видимо, писать на русском стало возможно, когда можно было уже не скрывать национальность, так как прошла фильтрация (проверка) в городе Вартенбург, и путь проходил уже по территории Советского Союза.

Эта записная книжка начинается с такой записи:

8/III 45 г. *Вусеки. Освобождена.*

Затем идут города и населённые пункты Германии, через которые пришлось пройти до пограничного города Тильзит, за ним через 30 км. был литовский город Таураге, где была надежда что-то узнать о семье.

В этой записной книжке списки семей, в составе от 13 до 3 человек, список детей в возрасте от 10 месяцев до 4 лет. Среди них только моя фамилия Суворова Тамара, три года, - на русском. Все остальные на литовском языке. В первом списке 71 человек, через две страницы уже 109 человек и 23 подводы. По мере продвижения обоза по территории Германии людей становилось всё больше, последняя цифра – 197 человек и запись: *«Братья Бронюс, Чесюс, Зенюс, из Германии привёз Дамошюс»*

В книжке записана норма продуктов на 1 человека: *хлеб – 600 г., сахар – 20 г., сыр – 50 г., крупа – 80 г., мясо – 100 г., капуста – 200 г.*

Военные записи заканчиваются текстом телеграммы родителям от 9 мая 1945 года. Судя по тому, что часть текста зачёркнута, видно, что маму очень уговаривали остаться в Литве, помогать налаживать мирную жизнь.

Видимо то, как мама помогала подпольщикам, партизанам, собирая данные о перемещении немецких войск, передавала сводки совинформбюро о событиях на фронте, укрывала красноармейцев, бежавших из немецкого плена, было известно советским и партийным органам, подпольно работавшим в тылу врага. Но решение мама приняла другое.

В черновике телеграммы написано: «Поздравляю с победой Красной армии, жива, остаюсь», но затем два последних слова зачёркнуты, вместо них написано продолжение: «Здорова, нахожусь в Таураге, скоро приеду домой».

На изменение текста телеграммы повлияло сообщение, которое ждало маму в военкомате г. Таураге. Это было письмо от старшего сына Альберта, в котором он сообщал, что дети Суворовой Зои Кузьминичны находятся в п. оричи Кировской области и просил работников военкомата помочь разыскать маму.

Записной книжкой мама перестала пользоваться после того, как в ней сделана запись о педсовете в августе 1945 года, где первый вопрос гласил: «О возвращении на Родину в родную учительскую семью». Затем шли вопросы, связанные с подготовкой к новому учебному году и единым требованием к учащимся. Рассказав своим коллегам, какие испытания выпали на неё и её семью в военные годы, мама убрала эту записную книжку в сумку, где хранила документы и убрала её в дальний угол шифоньера. Она долго не доставала этот документ,

напоминавший ей о страшном времени. Только по прошествии многих лет со дня Победы, мама стала давать согласие на то, чтобы поделиться своими воспоминаниями со своими учениками.

Чикишева Т.Г. (Суворова), 1941 г.р., пгт. Оричи – г.Киров, из книги Чикишевой Т. «О маме, о войне и о семье», - Киров, 2011

Суворова З. К. «Письмо из 1945»

И ещё одна реликвия – письмо мамы своим сыновьям и няне Анюте, как её называла мама Суворова Зоя Кузьминична. Это письмо написано карандашом на маленьких листочках, вырванных всё из той же записной книжки военной поры.

Добрый день! Няня и дорогие сыны! Наконец-то я узнала, что вы живы и здоровы.

Почти 4 года сердце плакало. Ни одной минуты не было покоя... Мысли о вас и день и ночь не оставляли меня. Я не думала, что встречу вас. Из огня войны под такой зверской бомбардировкой вы сумели выехать и добраться до дому. Это чудо!

Я не знаю, как мне благодарить нашу няню, которая поступила просто героически, что выдержала все трудности с вами. Сыночки, это ваша вторая мама. Вы её должны любить, уважать и слушать, она спасла вам жизнь. Вы все перетерпели много, но мне кажется, это сотая доля того, что нам бы пришлось пережить здесь. Всё это время мне, как учительнице, пришлось скрываться от полиции и гестапо. Как я это делала, расскажу, как приеду.

В первые три месяца жизни в лагере, здоровье моё сильно упало. Не спала. Плакала и две недели подряд ходила по деревьям, искала вас. Много наших детей осталось сиротами здесь. Ничего не нашла, заболела и меня из лагеря взяла мама Паши Мейлиса.

У них жили 3 месяца. Потом уже совсем нельзя стало жить в городе, уехали в деревню, и все время жила и работала у крестьянина. Люди были хорошие и меня не выдали полицаям.

А вот осенью, 15 октября 1944 года нас из лесу забрали проклятые немцы и угнали в Германию. Всё пережила и там. И вот 8 марта 1945 года нас освободили. Какая была радость! Её нельзя описать словами!

С того дня всё понемножку стало двигаться вперёд. Сейчас нахожусь в Таураге, надо взять все документы, пропуск, и приеду домой. Дело пока стоит из-за пропуска.

Детки! О папе я, как и вы, ничего не знаю. Как только я прочла ваши письма, написанные Антониной Ивановной, я порадовалась за вас, что вы живы, но больно было за папу. Если уж вы о нём не знаете, то наверно, наш дорогой папа погиб. Как это больно, но не хочется верить...

Неужели мы такие несчастные?..

Неужели у нас не будет папы? Папе трудно было остаться живым. Ведь в начале войны было всюду предательство. В плен он не сдастся, а если и попадёт, то политруков немцы расстреливали. Разве он, попав в плен, сумеет скрыть своё звание и выдержит все издевательства плена. Будем ещё ждать и надеяться, что папа вернётся. Сделала я запрос в наркомат обороны, ответ придёт к вам.

Анюта! Если можно, то я бы просила тебя посадить картошки и огород, хотя бы лука, моркови, огурцов, свёклы, помидор. Будем жить, пригодится. Алик! У

тебя уже начинаются испытания. Прошу тебя, сынок, хорошо готовься и сдай, чтобы маме не было стыдно за тебя. Я надеюсь, что ты будешь не в последних рядах.

Геночка! Я ещё не могу поверить, что и ты ученик. Я всё думала, что ты такой же маленький, как был в Таураге. Ну, сынок, раз так, учись и перейди во второй класс.

Вову я, наверное, совсем не узнаю, да и он маму, наверное, забыл. Вовочка, хорошо веди себя в детском саду и дома, слушайся воспитательницу и няню.

*Суворова З.К., 1913 г.р., пгт. Орочи, из книги
Чикишевой Т. «О маме, о войне и о семье», - Киров, 2011*

Суворова З. К. «Это милое слово Родина»

(Из газеты «Искра», 18 августа, 1979)

В больницу она пришла с тяжёлым чувством надвигающейся неотвратимой беды. Было 21 июня 1941 года. Внешнее спокойствие, царившее в городе, не могло скрыть тревожного состояния людей. Три дня назад из штаба полка поступило распоряжение – семьям комсостава быть готовыми к эвакуации...

«Неужели война?» - задавала себе вопрос Зоя Кузьминична Суворова и тут же отбрасывала страшную мысль в сторону: «Быть не может. Ведь над нами такое чудное небо!» И потом это радостное чувство, наполнявшее грудь женщины: «Девочка родилась. Какое счастье!»

Няня Суворовых Анна Емельяновна, живущая с ними с тех пор, как старшему сыну Алику исполнилось всего полтора месяца, и давно ставшая для них родным, незаменимым членом семьи, провожая Зою Кузьминичну в больницу, повторяла: «Дочку, дочку, Зоя, рожай, а то все трое – парни». И муж, Григорий Михайлович, хотел иметь девочку. Она появилась на свет в Таурагской больнице 21 июня, за несколько часов до того страшного дня.

А ранним утром 22 июня тишину небольшого пограничного литовского городка расколол орудийный гром, раздиравший душу вой самолётов, разрывы бомб. Днём по улицам города, сразу ставшего чужим и мрачным, лязгали тяжёлыми гусеницами танки со зловещими крестами на башнях, грузовики тянули длинноствольные пушки, в кузовах машин темнели шинели солдат в глубоких касках. Взрывы, раздававшиеся повсюду, сотрясали небольшое здание больницы, лопались стёкла в окнах.

Зоя Кузьминична, прижимая к телу крохотное живое существо, попыталась подняться с кровати, как вдруг оглушительный грохот потряс всё вокруг. За окнами высоко вверх взметнулись красно – чёрные столбы пламени: рвались цистерны с горючим недалеко от больницы, где находилась автоколонна нашей воинской части. Зоя Кузьминична потеряла сознание...

Очнулась она в подвале больницы. Первая мысль была о ребёнке. Превозмогая нервную дрожь и тупую боль в голове, с трудом выбралась из подвала наверх. В одной из палат услышала плач ребенка, схватила малютку, прижала к груди. В больнице почти никого не было, только главврач – еврей то и дело выбегал из операционной, вынося блестящие банки с инструментами.

- Пройдите в детскую, там, кажется, окна целы, - на ходу бросил он. – И заставьте себя хоть часок отдохнуть!

В детской палате, выходящей окнами во двор, лежало несколько больных женщин. Зоя Кузьминична прилегла на крайнюю койку, сунула грудь плачущей девочке. В помещении стоял едкий запах гари.

Вскоре в больницу пришли немцы. Долговязый офицер, подталкивая впереди себя главврача, обходил палаты. Суворова услышала, как в коридоре фашист что-то громко говорил доктору. Позднее врач объяснил больным, что офицер приказал к вечеру очистить помещение для немецких солдат, а его пообещал расстрелять.

Щемящая боль в сердце не давала Зое Кузьминичне покоя: «Что с Аликом, Геней, Вовой? С няней? Где муж? Живы ли они?» Завернув ребёнка в пелёнку, вышла из больницы. Хозяин – литовец, у которого Суворовы снимали комнату, встретил её холодно и резко сказал:

- Мадам Суворова, возьмите вещи и больше не приходите!

«Вот как быстро меняются неустойчивые люди, подумала Зоя Кузьминична, - давно ли по имени – отчеству величал...»

Она собрала всё, что смогла взять в небольшой узелок, и вышла. Куда идти?

Над городом опускались сумерки. Женщина вернулась в больницу. К счастью, немцы туда не пожаловали. На другой день в больницу забежала соседка хозяина и сообщила радостную весть – няня с детьми успели эвакуироваться до прихода немцев.

Прошло девять дней. Главврач был жив, жила и больница. Но немцы слово сдержали – нагрянули и выдворили всех из здания. Всех русских женщин, которые не успели эвакуироваться, поместили в доме литовского ксендза, сбежавшего с приходом немцев в Восточную Пруссию (город Таураге находился в нескольких километрах от границы). Здесь Зоя Кузьминична встретила жену капитана Лисина. Она рассказала, что отправкой жён комсостава руководил политрук Суворов. Григорий Михайлович просил Лисину, если она встретит Зою Кузьминичну, сказать, что, мол, Суворов жив - здоров и будет биться с фашистами до победного конца.

По соседству с домом ксендза находился лагерь для евреев. На их одежду были нашиты жёлтые звёзды. Однажды рано утром к лагерю подошли машины. Немцы загнали в них мужчин и женщин, вывезли за город и расстреляли во рву. Русских женщин решили перевести в еврейские бараки.

В Таураге жила сестра хозяина – литовка Евгения Ивановна Мейлис. Её дети учились у Зои Кузьминичны. Это была добрая литовская семья. Узнав, что учительнице Суворовой грозит переселение в лагерь, Мейлис забрала её с новорожденной к себе в дом. В городке Суворову знали многие. Большинство литовцев сочувствовали ей и старались помочь, чем могли. Но находились и такие, которые не прочь были выдать жену советского офицера – политработника фашистам. Жизнь Зои Кузьминичны была в опасности. Мейлисы это хорошо понимали и делали всё, чтобы не вызвать подозрений у немцев и полицаев. Евгения Ивановна сходила в комендатуру и оформила Суворову домработницей. Всё свободное время Зоя Кузьминична шила, вязала. По карточке получала паёк – эрзац – хлеб. В этой славной семье она прожила с Тamarой (так назвала дочь) до декабря сорок первого. Она ничего не знала о судьбе детей и мужа.

Литовские коммунисты создали в Таураге свою подпольную организацию. Как-то ночью к Мейлисам от них пришёл человек, коротко сказал:

- Полиция ищет жену русского офицера Суворова. Остаться у вас ей рискованно. Отправьте её в деревню. Так Зоя Кузьминична поселилась на хуторе у Станевичуса. Добрый, немногословный, он ненавидел фашистов, ещё в первую империалистическую испытал горечь немецкого плена. В его семье Суворова нашла приют.

Хутор находился недалеко от города, где было много полицаев из местных националистов. Они часто заявлялись в дом Станевичуса. Хозяин достал справку о том, что Суворова – беженка, болеет ревматизмом, нуждается в стационарном лечении. Антонас Казимирович (так звали хозяина), проявляя осторожность, говорил:

- Будет лучше, если никто не увидит вас в лицо, не узнает, что вы русская. Полицаев Станевичус встречал приветливо, поил самогоном угощал салом. С первых дней, оставшись в тылу врага, Суворова поняла, что без знания литовского языка её будет трудно. Живя у Мейлисов, она по учебникам изучала местный язык, постоянно разговаривала по-литовски со Станевичусами – старшими, их детьми. Через полгода уже свободно владела литовским.

Стояла зима. В хуторе, казалось, оторванным от всего мира, никто ничего не знал о происходивших в России событиях. В доме хозяев на комодке стоял приёмник. Зоя Кузьминична давно хотела воспользоваться им. Однажды ночью она осторожно подкралась к комоду. Хозяин с женой спали в той же комнате. Включила приёмник, настроила на нужную волну. Передавали сообщение ТАСС. Вдруг сзади скрипнули половицы – перед Зоей Кузьминичной стоял Антонас Казимирович.

- Я совсем тихо, всего минутку. Умоляю вас, разрешите...

Станевичус ничего не сказал и сам стал жадно прислушиваться к голосу далёкой Москвы. С тех пор Суворова стала часто слушать по радио вести с родной земли. И эти короткие, пусть даже неутешительные сообщения круто изменили ход её жизни, удесятерили силы, вселили уверенность в торжество нашего правого дела.

- Немцам Ленинграда не взять и Москвы не видать, **УБЕЖДЁННО ГОВОРИЛА РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ЛИТОВЦУ.** Антонас Казимирович улыбался довольный. Шло лето сорок третьего. В городке пронюхали, что на хуторе скрывается русская. Догадывался об этом и староста, правда, он не очнь-то надеялся, что немецкая власть долго продержится в Литве, и старался не принимать всерьёз слухи о том, что у Станевичуса живёт жена советского офицера с дочерью. Как-то староста проезжал мимо участка Станевичуса, где Зоя Кузьминична копала картошку. Остановился, подошёл к женщине. Оба молча гладели друг на друга.

- Всё, подумала Суворова, - вернётся в город, вызовет полицию
Староста заговорил первый:

- Я вас не видел, понимаете? И прошу одно: когда вернутся русские, вы меня порекомендуйте с лучшей стороны. Учительница ничего не ответила, но эта встреча сыграла в судьбу Суворовой большую роль.

Неподалёку от хутора в имении жил немец – богатый землевладелец, член нацистской партии. Неамло честных литовцев и русских стали жертвами этого негодяя. Последние события на Восточном фронте, видимо, не на шутку его обеспокоили. Он собрался бежать в Германию, тем более, что за ним давно охотились партизаны. Однажды партизаны, воспользовавшись, отъездом немца в

Таураге, ворвались в имение, наделали переполоху среди его родственников и в качестве трофея захватили парадную форму нациста. Когда тот вернулся из города, полицаи, спасая свою шкуру, наговорили ему, что во всём виновата русская с хутора – она известила партизан об его отсутствии. Землевладелец нагрянул с солдатами к Станевичусу.

Частые полицейские проверки приучили членов семьи Антонаса Каземировича к бдительности. Калитка всегда запиралась на засов, а петля закручивалась верёвкой.

- Открывай» - гремели на улице чужие голоса.

К калитке кинулся десятилетний сынишка хозяина Ионас.

- Сейчас я открою.

Он долго возился с петлей, громко приговаривая:

- Подождите секундочку, я скоро...

Для Зои Кузьминичны это был сигнал об опасности. Она выбежала задом из дому и спряталась во ржи.

- Где русская, говори! – наседали солдаты на жену хозяина.

- Она ушла в больницу, - отвечала та.

- Бери лопату и копай яму, - приказал немец, - Не выдашь русскую – расстреляю!

Ребятишки бросились в плач. Детские вопли, словно ножом по сердцу, резанули сознание Суворовой. Рожь находилась рядом, и она отчётливо слышала, о чём говорили у калитки. «Из-за меня погибнут ни в чём невинные хорошие люди». Зоя Кузьминична уже хотела выйти, как вдруг услышала дробный стук тарантаса – староста приехал.

- Стойте, господа! Не туда обратились. Доносчики – четыре поляка-беженца, они уехали в соседнюю деревню.

Немец с солдатами укатили по указанному адресу. На другой день землевладелец под конвоем вооружённого отряда удирал из Литвы в Померанию.

Прошёл ещё год, наступил октябрь сорок четвёртого. Тамаре уже шёл четвёртый годик. Советские войска вступили в Прибалтику. Настроение людей в округе неузнаваемо изменилось. Притихли и полицаи. Зое Кузьминичне удалось установить связь с десантным партизанским отрядом, действовавшим в лесах Таурагского района. Она хотела было уйти к партизанам, но куда девать трёхлетнюю дочку? Через связных Суворова получала сведения о продвижении наших войск.

Всё чаще над хутором проносились краснозвёздные машины, издалека слышалась кононада нашей артиллерии. А вскоре заговорили «Катюши». В миг объяло пламенем близлежащий лес. Немцы драпали на запад без оглядки. Остаться на хуторе стало опасно: можно было попасть под обстрел своих же орудий. И Станевичусы с Суворовой отошли поглубже в лес, где предусмотрительный хозяин приготовил укрытие. Быть может, на этом и кончились бы мытарства русской женщины из далёкого вятского края, если бы не нелепая случайность, надолго отодвинувшая для Зои Кузьминичны встречу с Красной армией.

Вместе со Станевичусами в лесу укрывался ещё один литовец из соседнего дома. Однажды, когда стало тихо, он решил сбежать в хутор, проведать, не спёрли ли немцы сало. Как его ни уговаривали не ходить, не удержали. При выходе из лесу, он натолкнулся на немцев. Его схватили, как партизана. С перепугу литовец

проболтался, что в лесу скрывается ещё одна семья. Так Станевичусы и Суворова оказались в плену у немцев.

В ходе отступления группа пленных беженцев увеличивалась. Пересекли границу, вошли в Восточную Пруссию. За городом Бютовом всех пленных распределили на работу у бауэров – немецких крестьян. Целую зиму гнула спину русская женщина на богача.

Но каждый новый день приближал час победы, час встречи с советскими войсками. Это милое слово «Родина» для Зои Кузьминичны вобрало в себя всё самое чистое, светлое и близкое – мужа, детей и няню, о судьбе которой она не ведала, землю родную, власть нашу советскую.

И вот наступило 8 марта. Незабываемой страницей вписан этот день в жизнь З.К.Суворовой. «Для меня 8 марта сорок пятого, - рассказывает Зоя Кузьминична, - второе рождение. В ту ночь она не сомкнула глаз. По небу пробегали яркие сполохи – отблески ближних боёв. Вышла из дому, прислушалась. И вдруг совсем близко услышала родную речь:

- Давай, братцы, давай...

Не удержалась, бросилась навстречу русским голосам. Это были наши танкисты.

Из пленных русских жегщин, мужчин, детей советское командование сформировало обоз из 60 подвод, начальников его была назначена З.К. Суворова. 40 дней по просёлочным дорогам добирались они до Литвы. Наконец остановились в Таураге. Зоя Кузьминична явилась в вленкомат. Там сообщили, что её давно разыскивают. Дети живут в Кировской области.

Так закончилась мужественная одиссея нашей землячки родом из Марадыково. Позднее Зоя Кузьминична узнала, что её муж пал смертью храбрых.

В сорок первом няня Анна Емельяновна с тремя мальчишками добралась до Оричей. Местные партийные и советские органы оказали семье Суворовых всемерную помощь.

После возвращения на родину Зоя Кузьминична много лет отдала педагогической деятельности в Оричевской средней школе, вышла на пенсию. Четверых детей вырастила мужественная женщина, воспитала настоящими людьми. Старший сын – подполковник, преподаватель высшего артиллерийского училища. Геннадий и Владимир живут в Кирове, трудятся на одном заводе – один старшим технологом, другой – старшим мастером цеха. Дочь Тамара работает в областном центре методистом городского Дворца пионеров.

Суворовы держат тесную связь с семьёй Мейлисов из Литвы, а Альберт и Тамара были у них в гостях. Недавно в адрес жены политрука Суворова пришла книга военных воспоминаний под заглавием «1418 дней в боях». Автор – Арвасявичус. Это яркая летопись о славном фронтовом пути 125 стрелковой дивизии. В этих мемуарах есть строки, посвящённые мужеству и стойкости семьи Суворовых.

Ф.И. Комаров, пгт. Оричи

Перевалова С. Л. «Ах, война! Что ты сделала подлая...»

Семья моего деда Григория Степановича Крысова жила в селе Пустоши, что в 10 км от Оричей. Они жили дружно. У Григория Степановича и Парасковии Петровны было семеро детей: это Павел, Августа, Анатолий, Нина, Леонид, Полина, Арсений. Все дети помогали родителям по хозяйству.

Наступил 1941 год... 22 июня, в 12 часов, на площади все жители села услышали из репродуктора страшную весть: «Война!» Во дворах заголосили бабы. Парасковия не голосила, а только смотрела на мужа и старшего сына с тоской в глазах!..

«Ранним утром, 23 июня 1941 года, в село Пустоши стали прибывать подводы колхозников с флагами, лозунгами, портретами руководителей партии, правительства. К 5 часам утра, площадь села была переполнена. На митинге выступил секретарь райкома ВКП (б) товарищ Ведерников. Он рассказал о провокационном нападении фашистской Германии и о задачах, стоящих перед колхозниками» (газета «Коллективное животноводство», 1941 год)

В первые же дни началась демобилизация на фронт. За годы войны, 500 уроженцев Пустошенского сельского совета ушли на фронт, 347 из них не вернулись!

В 1941 году призывают на фронт Павла... Ему было очень тяжело прощаться с молодой женой Евстолией и маленьким сыном Юрочкой. Евстолия очень плакала... Парасковии Петровне тоже было тяжело, но она держалась, не показывала своих слез. Уходит добровольцем Григорий Степанович. Ему было не привыкать: все юные и зрелые годы своей жизни он защищал Родину. Григорий был матросом на крейсере «Аврора», участвовал в гражданской войне... Пришла пора снова защищать свою Родину!

Через год призывают на фронт Августу... На фронте она была связисткой. В любую погоду: снег, дождь, слякоть, в трескучие морозы она носила на плечах «катушку» с кабелем, поддерживая тем самым связь между военными расчетами, а так же связь между воинскими частями. Частенько ей, связистке, приходилось вытаскивать раненных солдат с поля боя. Всю войну Августа находилась в самом «пекле» сражений. Она мужественно переносила все тяготы военного времени! Даже мужчинам трудно на фронте, а женщинам?! Августа Григорьевна была награждена медалью «За отвагу».

В 1943 году призывают на фронт сына Анатолия. Он служил в танковых войсках, воевал на Белорусском фронте, был награжден Орденом Отечественной войны 1 степени. Дома с Пашей остаются четверо детей: Нина, Леня, Поля, Арсений. От колхоза Нину направляют в Оричи, в заготзерно грузчиком. Молодые шестнадцатилетние девочки грузили мешки с мукой на военные эшелоны, на которых непременно были прикреплены лозунги: «Все для фронта, все для победы!».

На выходной Нина приходила домой, чтобы хоть немного помочь матери по хозяйству. В понедельник рано утром она вставала и шла в Оричи на работу. Зимой, не было никакой обуви кроме лаптей. Когда она шла, «опорки» пристывали к лаптям, но Нина ни на что не жаловалась.

Григорий Степанович,
1917 год

Младшие дети помогали маме по хозяйству как могли. Моему отцу – Леониду было в ту пору 12 лет. Особенно хорошо и тщательно Леня занимался уборкой избы. Пашенька с гордостью говорила своим «товаркам» у колодца: «Если Леня прибирается, то пыль вытерта даже на полатях». Весной Леонид работал в поле. Он вставал в 4 часа утра и шел на работу. Тракторист пахал, а Леня управлял плугом. Работали с раннего утра до позднего вечера. Бывало и так, что Леня засыпал и падал прямо в свежевспаханную землю; плакать было некогда, Леонид вставал и снова садился на плуг...

Зимой он с другими мальчишками ездил на подводах в Халтурин, возили зерно на мельницу... Рано утром Леня шел на конюшню, запрягал лошадь, нагружал на телегу мешки с зерном и они отправлялись в дорогу. На ногах – лапти, под ногами - снежница. Порой в дороге было нечего поесть! Парасковия давала сыну 4 луковицы. «Хоть какие - то витамины»,- думала она. Хлеба в доме почти не было. Его пекли из ржаной муки с клевером наполовину, но и такого хлеба не всегда было вдоволь!

Парасковия
Петровна, 1967 год

Мальчишки военного времени... Они везли в мешках зерно, но никогда не допускали даже мысли, что можно поесть этого зерна!!! По дороге в Халтурин приходилось ночевать в деревнях, мимо которых они проезжали. С сорокаградусного мороза мальчишки входили в избу, хозяева поили их горячим чаем. Иногда давали по горбушке хлеба. Откусив 2-3 раза, они тут же засыпали вповалку на печках и полатях. Утром снова ранний подъем и дорога... В Халтурине, чтобы попасть на мельницу, нужно было выстоять огромную очередь, потому что подводы съезжались со всех окрестных деревень и сел. Потом обратная дорога домой.

Парасковия всю себя отдавала работе в колхозе и детям. О своем здоровье она забывала, не думала, да и некогда было... Лошадей в колхозе было немного, тракторов тоже не хватало. Бабы, да малолетки пахали на быках. На трудодни иногда выдавали зерно, а это – жизнь! На домашнюю сельскохозяйственную продукцию тоже накладывали налог. Сколько молока, яиц, шерсти нужно сдать в месяц для фронта. Выручали две коровы, стакан молока Паша могла налить каждому в семье и каждый день.

Дети во многом помогали матери и в огороде: разносили навоз, копали грядки, поливали. Полинке уже исполнилось 9 лет, она в основном полола. Арсене было 6 лет. Парасковия Петровна жалела его: «Пусть у него будет детство». Муж, сын Толя и Августа писали в письмах, что войне скоро конец... Парасковия и дети очень радовались этому. Работа да забота - так жили и трудились в тылу, не жалея ни в чем себя. Они выстояли! Каких нечеловеческих усилий стоило им это!

Победа русских войск над фашистской Германией «ковалась» не только на фронтах, но и в тылу. Без надежного тыла, нашим воинам пришлось бы очень тяжело. Паша и Евстолия ждали хоть какой - то весточки от Павла. Последнее письмо пришло от него 2 января 1942 года. Он пишет: «Добрый день! Здравствуйтесь, моя многоуважаемая жена Евстолия и сын Юра! Я покуда остаюсь жив и невредим, не смотря на то, что уже 2 месяца на переднем крае, и ни на один день не прекращаются бои. Если днем тихо, то ночью – бой. Вот так движется моя житуха, каждый час, каждую минуту ждешь смерти. Раньше смотришь военную

кинокартину, и то становится страшно. Судя по кино о прошлых войнах, думаешь: то и не войны были, а так, просто баловство. А сейчас – горы трупов. Много уже есть моих товарищей раненых и убитых. Но Санко из Бехтерей пока тоже жив. А Сергей с Мошкиной Мельницы, как я слышал, убит или ранен. Да, Евстолия, после такой войны остаться живым и невредимым – это самое высокое счастье.

Крепко жму вашу правую руку. Ваш муж Павел».

Больше писем от Павла не было. «Павел Григорьевич Крысов 1919г.р., село Пустоши Пустошенского с/с, красноармеец, в марте 1942 года пропал без вести» - так записано в книге Памяти Кировской области. Евстолия Петровна всю жизнь ждала, что он вернется...

Девятое мая 1945 года. Какое же счастье было в селе Пустоши, когда жители слышали по радио об окончании войны! Люди плакали, обнимались и ни сколько не стеснялись своих слез. Вскоре вернулся с фронта муж Григорий Степанович. Дочь Августу и сына Анатолия тоже демобилизовали.

Русские войны смотрели в лицо смерти. Они голодали и замерзали, но выстояли! Это была Великая Победа всего советского народа. Честь и слава им, низкий поклон от всех живущих. Летом 1946 года Парасковии Петровне сообщили, что на ст. Оричи стоит эшелон с ранеными солдатами. В этом эшелоне есть солдат Павел без рук и без ног! Она сама не помнит, как пробежала 10 км до Оричей. Всю дорогу плакала и молилась: «Господи Боже, пресвятая Богородица, сделай так, чтобы это был мой сыночек Павлуша!» Паша, вся в слезах, прибежала на вокзал, нашла тот эшелон, но... сердце ее оборвалось. Это был не ее Павел. «Сыночек, миленький, живи! Тебя ждут дома...» Она сбегала в буфет, накупила булочек и принесла этому солдату... Последняя надежда рухнула - Павел не вернется. Дружная семья Крысовых потеряла навсегда старшего сына Павла Григорьевича. Евстолия Петровна воспитывала Юру, замуж она так и не вышла, всю жизнь любила и ждала Павла.

Уже спустя годы, после того как умер дед Григорий Степанович, бабушка Парасковия Петровна стала жить у своего сына, моего отца – Леонида Григорьевича. Бабушка Паша очень часто вспоминала военное время, да и отец частенько рассказывал о жизни во время войны.

В ознаменовании 60-летия Победы над фашистской Германией, отцу пришло поздравление Президента РФ В.В.Путина. Мы, три его дочери, тоже поздравили его с этим великим праздником. Крысов Л.Г., майор милиции, уволенный в запас по выслуге лет, имел много наград за свой труд, но медаль «за работу в тылу» была для него всех дороже. К сожалению, мой отец не дожил до славной даты 75-летия Победы, но светлая память о нем будет навсегда в наших сердцах, в сердцах его внуков и правнуков. Так и не прервется «ниточка поколений». Спасибо им, моим родным – тем, кто воевал и тем, кто трудился в тылу, за счастье жить, которое они нам подарили.

Таким образом, «колесница» войны прокатилась по семье Крысовых, по миллионам российских семей.

Людская память вечно помнит милых:

Отцов, мужей, любимых сыновей,

Павел Григорьевич
(крайний слева)
12 мая 1940 год

Забыть она солдат войны не в силах,
Что жизнь отдали Родине своей!

Перевалова С.Л., пгт. Орочи

Гагаринова Н. Н. «Домой ходили с факелами, которые несли мальчишки»

Нина Николаевна Гагаринова родилась 24 июня 1929 года в деревне Жаворонки, что недалеко от Помаскиных. Училась в Оричевской школе. И как сама говорит, учиться всегда было легко, голова «варила» хорошо. Правда, постигать азы наук юной Ниночке довелось в отнюдь не легкое время. Сначала война, потом не менее трудные послевоенные годы. Писать было и нечем, делали чернила из сажи, и не на чем – в ход шли старые книжки – дети писали между строк.

Война для всех началась неожиданно. В прессе говорили, что будет война, но люди её не боялись. Считали, что война будет на чужой территории, наша страна сильная, и мы победим врага. Когда В.М. Молотов выступил по радио с речью о начале войны, у всех была велика вера в быструю победу. Всю войну в тылу висели лозунги: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Вскоре в наши края стали прибывать эвакуированные, которых расселяли по деревням.

– В годы войны здания оричевской школы были отданы под госпитали, – рассказывает Нина Николаевна, – помещений не хватало, мы учились в три смены. На весь кабинет одна лампа, и та на столе у учителя, на последних партах совсем темно было. Домой ходили с факелами, которые несли мальчишки. Но ребята той поры стойко терпели и голод, и холод. Потому что знали: на полях сражений их близким еще тяжелее. Большое внимание в школах уделялось спорту, все обязательно сдавали нормы ГТО и ГСО (готов к санитарной обороне). Изучали военное дело, учились стрелять.

Жили очень голодно, хлеб пекли неизвестно из чего: травяные лепёшки, жмых и так далее. Одевались тоже очень плохо. Нина Николаевна вспоминает: «У меня было сшито пальто из байкового зелёного одеяла, а на ногах носила валенки». Летом работали в колхозе (с мая по октябрь). Когда были поменьше, давали посильные работы, а когда стали чуть старше, работали наравне со взрослыми: косили, молотили, разваливали навоз, таскали копны на носилках. Каждый год ездили на работу в луга, где жили в построенных шалашах. Утром до завтрака косили, днём гребли и метали до вечера. А после работы, уставшие, шли на вечерку за 2 километра к соседям в деревню Носковы или в деревню Сергеевы. Плясали под гармонь, спали по 2-3 часа и снова шли на работу. В лугах кормили достаточно хорошо, там варили суп и каши, но хлеба по-прежнему не было. Зимой на вечерку ходили в клуб, наряд состоял из ситцевой кофты и черной юбки, которая была сшита из отцовских брюк, а на ногах валенки с галошами. Нине Николаевне было стыдно стоять в таком наряде на свету, она говорила: «Отпляшу и быстро иду в уголок». Песни там пели военные: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», «Броня крепка и танки наши быстры» и др.

Несмотря на тяжёлую жизнь, всё равно было весело и интересно, жизнь продолжалась и обещала лучшие времена.

В 1943-м на фронт ушел единственный брат Нины Николаевны – Алексей. В последних письмах писал: «Много людей гибнет, а меня даже не ранит, хоть бы

полежать в госпитале, отдохнуть». Сглазил сам себя – погиб 22 февраля 1945 года в Латвии. Нина Николаевна до сих пор бережно хранит все его фронтовые треугольники, тут же письма от командиров, благодаривших родителей за достойное воспитание сына, который всегда служит примером для товарищей. Алексей дважды был награжден медалью «За отвагу», а также Орденом Красной звезды.

Был призван на фронт и отец – Жаворонков Николай Иванович. Домой его списали по состоянию здоровья.

В 1947 году Нина Николаевна окончила десятилетку. Вопрос о том, пойти ли куда учиться, не стоял – не на что было ехать в областной центр. Благодаря личному знакомству отца с заведующей РОНО Ведерниковой Александрой Александровной вчерашнюю школьницу приняли учителем начальных классов в школу с. Камешница. Тогда там было два первых класса – один из детдомовских ребят, эвакуированных с оккупированных во время войны территорий, другой – из сельской малышни. Последний, из 28 мальчишек и девчонок, Нина Николаевна и взяла под своё крыло.

– Я же ничего не знала, с чего начинать учить, – вспоминает она – благо рядом была опытная Митькиных Анна Петровна, вместе с ней составляли планы и шли на уроки.

Вскоре Нина Николаевна и сама поступила в педучилище, диплом которого позволял преподавать русский язык и литературу в среднем звене. Но и этого показалась ей мало. Имея на руках уже троих детей, отважилась на поступление в педагогический институт, успешно окончила и его. В начале 60-х годов прошлого столетия семья Гагариновых переехала в п. Зенгино, где школа вскоре стала десятилетней.

– Страшно было идти на первые уроки в старших классах, приходилось подолгу готовиться к занятиям, – рассказывает Нина Николаевна, – ночами перечитывала произведения, чтобы перед ребятами не ударить в грязь лицом.

В общей сложности Нина Николаевна учительствовала сорок с лишним лет, ее труд по достоинству оценен государственными наградами – она «Ветеран труда», а также «Победитель социалистического соревнования 1975 года». К тому же награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

По материалам брошюры «Дети военной поры» (Гарская библиотека-филиал) и районной газеты «Искра» за 28 января 2019

Баталова С. В. Загляните в семейный альбом

Когда я рассматриваю семейные фотографии, взор всякий раз привлекает одна из них. Это портрет моей матери Афанасии Николаевны Смирновой. Фотография была сделана в Одессе более полувека назад. В то лето мать поехала к Черному морю, чтобы навестить своих родственников и старшего сына, курсанта Одесского мореходного училища. На фотографии матери едва за сорок лет. Позади трудная жизнь.

Мама родилась в 1913 году в починке Чуркины, который находился около современной деревни Кунгуровы. В

дружной и трудолюбивой семье Николая Тарасовича и Марии Семеновны Овчинниковых росло шестеро детей. Когда Афанасии было 16 лет, скоропостижно умерла ее мать. Отец не захотел привести в дом мачеху, и юная девушка приняла на себя заботу о младших братьях и сестрах. Шесть лет она готовила, стирала, убирала, шила детям платья и рубашки, хозяйничала в доме и на огороде. А во дворе лошадь, корова, теленок, овцы, куры... В начале двадцатого века всё необходимое для жизни крестьянская семья производила в своём единоличном хозяйстве. Сеяли рожь, чтобы обеспечить себя хлебом. Сеяли лён, чтобы из холста потом шить одежду. С ранней весны до поздней осени глава семьи был занят на полевых работах, а дети, как могли, помогали ему. И все дети Овчинниковых выросли достойными людьми. Судьба разбросала их по стране, но они всегда поддерживали между собой тёплые отношения и помогали друг другу в трудную минуту.

Когда братья и сестры подросли, Афанасия вышла замуж и поселилась с мужем в райцентре, в посёлке Оричи.

Мой отец Василий Васильевич Смирнов был одним из первых шофёров района. Когда в 1941 году началась война, в семье было трое детей. Отца призвали сначала на войну с белофиннами, затем на Великую Отечественную, а напоследок отправили на войну с японцами. Долгие годы мать одна растила детей. Не имея образования, работала техслужашей, прачкой, нянечкой в детском саду. Кроме того, с раннего детства привыкшая к тяжёлому сельскому труду, летом она работала в колхозе на сенокосе и жатве. Конечно, столь изнурительный труд подорвал ее здоровье. После тяжёлого гриппа, перенесённого на ногах, всю дальнейшую жизнь мама страдала сильными головными болями.

Когда отец вернулся с войны, ему представилась возможность построить свой дом. Отец настоял, чтобы мать ушла с работы и занималась домашним хозяйством. Будучи первоклассным шофёром и механиком, он считал, что сможет обеспечить семью. Однако мать своим огородом зарабатывала не меньше. У неё была предпринимательская жилка. Сначала она большую часть приусадебного участка отводила огурцам и помидорам. Их охотно раскупали пассажиры поездов дальнего следования, которые останавливались на нашей станции до появления электричек. Затем был период клубники, а в последние годы мать решила, что выгоднее всего выращивать рассаду. Рассада помидоров получалась у неё сочная да крепкая. Мать любила продавать на рынке плоды своего неустанного труда, оттуда она обычно возвращалась с информацией о новых сортах овощей. Когда отец, беспокоясь о здоровье жены, предложил уменьшить посадки, она сказала: «Огород - это радость. Когда утром я захожу в теплицу, кажется, что каждый листик и каждая веточка улыбаются мне».

Сама не получившая никакого образования, мать с уважением относилась к школе и учителям. Мои родители сделали всё, чтобы каждый из детей получил интересную для него профессию. Старший сын, Леонид, с детства мечтал о море и, получив профессию судового механика, побывал во многих странах. Второй сын, Валерий, стал успешным инженером, я связала свою жизнь с книгами.

Мать была очень разносторонним человеком. Она прекрасно готовила, шила и вязала. У меня до сих пор сохранились вышитые полотенца и скатерти, изготовленные ею ещё в девичьи годы.

Давно нет на свете моих родителей. Однако старые фотографии из семейного альбома воскрешают счастливые страницы ушедших лет.

Тележкина Л. Ф. «Трудились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!»

Я родилась в деревне Огородники Лудяно - Ясашинского сельсовета, Нолинского района, Кировской области, 12 апреля 1932года. Родилась, когда родители были уже в довольно преклонном возрасте, маме, Дарье Дементьевне –47лет, отцу, Федору Исаковичу – 50 лет. Отец был хорошим портным, уже не в первом поколении, и служил лесником. Почетное место в доме занимала немецкая швейная машина «Зингер», которую отец привез с воинской службы, где шил мундиры офицерам. Мама занималась хозяйством.

Огородников Ф.И.

Деревня Огородники состояла из 13 скромных крестьянских домов с дворовыми постройками, усадьбами в 40-50соток. На этих сотках выращивали не только овощи, но сеяли ячмень, рожь, овес, пшеницу. У каждого в хлеву была корова, овцы, куры. Жили в деревне великие труженики, кормились от своих усадеб, а за труд с утра и до поздней ночи в колхозе им ставили в бумагах палочки, за которые они ничего не получали. Убежать, куда-то уехать в поисках лучшей доли было невозможно, из колхоза не отпускали, паспортов не было, денег не было ни у кого. С 8 лет и до 12 училась я в деревне Белоусово, что в 5 километрах от нашей деревни Огородники, с 5 по 10 класс училась в средней школе города Нолинска. По зимам жила на квартире у друга отца, по летам все трудились с утра и до вечера, трудились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!»

А окружали меня люди, которые в то время каждый день и все дни в году без выходных и праздников боролись за то, чтобы не умерли с голоду дети и они сами. В войну в деревне было несколько стариков и в каждой избе женщины с кучей детей. На этом фоне наша семья и семья моей подруги Лиды выглядели не такими уж нищими. В нашем доме был мужчина, хоть и немолодой, а у него было ремесло, которое и в войну давало кусок хлеба, в семье подруги была пасека и сохранились старые запасы. Нужду и голод мы почувствовали, когда эвакуировалась из-под Выборга старшая сестра Татьяна с четырьмя детьми. Муж у нее погиб в первые дни войны, а она добиралась под бомбежками до родительского дома почти три месяца. В семью уже стариков прибавилось пятеро голодных, истощенных, оборванных. Как же тяжело приходилось родителям! А они приняли, всю войну кормили, обували - одевали, воспитывали.

Сестра, как ломовая лошадь, работала на самых тяжелых работах в колхозе. Добывать кусок хлеба приходилось и моим милым старикам. А как? Мама, согнувшись, шла к какой-то дальней родне в Нолинск, занимала пуд зерна, потом везли это зерно на мельницу и из муки, смешанной с травой, картофельными очистками пекла что-то подобие хлеба. Отдавать же с нового урожая надо было уже два пуда. Отец, кроме того, что шил на дому, служил еще и лесником, ему давали продуктовую карточку, которая отоваривалась в Нолинске. Это было очень мало, и этот мизер на стол в деревню не попадал.

Племянник отца, Александр Степанович, был бессменным бригадиром, много работал в колхозе, человек очень требовательный, даже жесткий. По окончании

уборки урожая, сдачи его подчистую государству, оставлял груды зерна в укромном месте. В деревне с нетерпением ждали, когда он разрешит женщинам прийти с ведрами и взять его домой. Сколько душ спас он от голодной смерти, но страшно подумать, что бы с ним было, узнай районное начальство об этом самовольстве.

В войну, да и в первые послевоенные годы, праздников я не помню. Помню нужду, голод, которые были в городе и в деревне. Считаю, что мне лично голода и нужды досталось чуть меньше. Отец отдавал мне свою продуктовую карточку, и хоть я с полночи сидела у магазина, чтобы получить желанный кусок хлеба (часто очереди были уже с вечера), но этот кусок хлеба, не лепешка из клевера и картофельных очисток, у меня был.

Не могу не вспомнить нашего любимого учителя русского языка и литературы Бориса Сергеевича Покровского, человека большой и светлой души. Однажды, идя на работу, он увидел меня спящей на тротуаре у магазина в ожидании своей очереди за хлебом. На следующий день ко мне подошла классная руководительница и сказала, что отоваривать карточки я могу в школьном буфете, куда привозили хлеб для учителей.

Помню, как провожали на военную службу в 1940 году старшего брата Леонида. В избе полно народу, молодые парни и девки, соседи, мужики, бабы и дети. Я стою на лавке, Леня с деревянным вишневым чемоданом посреди избы. Мама стоит у притолоки и плачет. Своих переживаний и прощания я не помню, но видела его, как оказалось, в последний раз. Еще помню, что целый день, все уроки пролежала на парте и выла, когда мы получили похоронку в 1942 году. Ему было 20 лет, когда он, как писали в этой страшной бумаге, пал смертью храбрых. Учительница меня не уговаривала, не удалила из класса. Дала задание ученикам и сидела молча. В конверт с похоронкой было вложено письмо. В нем, как я теперь понимаю, был описан и очень ярко его предсмертный подвиг. Я много раз читала это письмо, знала почти наизусть, и очень жалею, что оно не сохранилось. Речь шла о какой-то высоте, которую приказано было взять, как он первый с криком «Ура» бросился на штурм, повел за собой бойцов. Бой закончился победой, а он геройски погиб в этом бою. Написано было на двух страницах красивым почерком и очень художественно, проникновенно. Это был или хороший писарь, или этот человек действительно хорошо знал Леню. И еще там было написано, что Огородников Леонид Федорович занесен в книгу Героев Кавказа. В моем детском представлении это был сильный, веселый, добродушный парень. Таким я и теперь вижу его на фотографиях.

Слева
Огородников Л.Ф.,
1940 год

Очень хочется верить и надеяться, что ни одному поколению больше не доведется испытать тяготы военного лихолетья, пережить и выстрадать то, что довелось детям военных лет.

Тележкина Л. Ф., 1932 г.р., п. Торфяной

Зверев И. Г. «Хорошая учёба детей солдат – это помощь Красной армии в битвах за победу»

За окном темно от сырости,
Тучи спрятали луну.
Хорошо бы завтра вырасти,
Да поехать на войну.
Повстречаться бы с танкистами
И сказать бы им: «Друзья,
Вы воюете с фашистами,
Воевать хочу и я».
Сел бы я в кабину тесную
И за Родину свою
За прекрасную, чудесную
Отличился бы в бою.

Эти строчки глубоко запали в моей памяти со времён военного детства. Кто автор, не помню, но, казалось, что их сочинил наш учитель. А интернет «выдал» авторство – Елена Благинина.

Меня попросили рассказать, что я помню о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. На начало войны мне шёл шестой год, поэтому я не мог помнить тех великих событий, имея в виду, начало войны. Но мне много рассказывал о войне отец, из его рассказов я кое-что помню. Я родился в небольшой деревне Пижанского района, Кировской области 30 декабря 1935 года. Деревня входила в состав колхоза, название которого не помню, жители занимались сельским хозяйством. Сеяли зерновые культуры, лён, сажали картошку. Была ферма КРС, конный двор. Заготовку кормов для животных вели своими силами. Оплата труда производилась трудоднями, которые отоваривались зерном, картошкой...

Из самых мне близких воевал отец, Гаврил Степанович, дядя Иван Степанович был кадровым военным, служил в Красной армии ещё до войны. В начале июня 1941 года он приезжал в деревню в краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам. Вызывал его отец, Степан Николаевич. Приезд в деревню офицера Красной армии стал великим событием в деревенской жизни. Слухи о войне с Германией уже ходили. Они были разные – то война начнётся скоро, то ещё не будет долго. Для меня приезд дяди запомнился ярким событием. Я был горд, и мне завидовали пацаны, мои ровесники. Мы жили отдельно с дедом Степаном, и дядя приходил к нам поговорить с отцом. Во время бесед дядя садил меня на колени, и я становился невольным слушателем взрослых разговоров. Они обсуждали разные вопросы, но в основном говорили о войне, о ней же спрашивали и односельчане. Дядя говорил немного, в основном о том, что она будет долгой и жестокой. Говорил, что Красная армия сильная и победит Германию. Но как потом оказалось, что о начале войны он ошибся, или не хотел говорить. В отпуске он пробыл не более 3 дней, ему через военкомат пришла телеграмма из части, где он служил. В ней приказывалось срочно прервать отпуск и явиться в часть. Для меня это было великой печалью. Согласно приказу, он выехал в тот же день. А через несколько дней началась война.

В деревне у двоих жителей были радиоприёмники и о начале войны все узнали в тот же день. Эти радиоприёмники быстро забрали и в дальнейшем

новости мы слушали из репродуктора у сельсовета в соседней деревне, а так же приходили специально подготовленные люди, собирали жителей и рассказывали не только новости с фронта, но и о ходе сельхозработ.

В первые дни войны была объявлена мобилизация, к осени 41 человек из деревни ушли на фронт – почти все молодые мужчины. Но работы в колхозе не останавливались – приближался сенокос, куда требовалось много рабочих рук. Чтобы могли работать все трудоспособные, организовали ясли в частных домах, нянями были пожилые женщины. В колхозе няням начисляли трудодни, детей колхозников кормили за счёт колхоза: давали молоко с фермы, муки, а овощи приносили жители деревни. Мой отец работал бригадиром, но не освобожденным, а делал те же работы, что и все колхозники.

В летнее время в деревне требовалось больше рабочих, потому что сельхозработы должны производиться в определённые сроки, которые очень короткие, да и погодные условия в наших краях не самые лучшие. Поэтому работали старики и дети. Мои ровесники начинали работать с 6 – 7 лет. В этом же возрасте и я узнал, что такое сельский труд. Первая моя трудовая вахта была на маслозаводе – делали льняное масло из семян льна. Там работал 1 взрослый мужчина и нас человек 5-6, наша работа заключалась в подсушивании семян, размоле, пропаривании льняной муки, прессовании – выжим масла. Работа нам нравилась, за неё давали нам выбой - прессованный жмых, который использовали на корм скоту или добавляли в хлеб.

Отец мой был мобилизован в армию в конце 1941 года или в первой половине 1942-го. Но он был направлен не на войну, а занимался с молодыми призывниками, проводил с ними «Курс молодого бойца». Первичное обучение проводилось в посёлке Вишкиль Котельничского района. На фронт был отправлен в 1943 году, участвовал в боях, был тяжело ранен под Старой Руссой. Лечился долго – 6 месяцев в госпитале г. Ярославля. Здесь же и служил до демобилизации в 1945 году.

Дядя, Иван Степанович, погиб в 1943 году в Сталинграде, был тогда уже в звании майора, на должности начальника штаба дивизии.

Брат Николай служил на Дальнем Востоке, в Манчжурии, участвовал в Японской войне, был легко ранен.

Хочется рассказать об эвакуированном из Ленинграда Цветкове, к сожалению, не могу вспомнить имя. Он приехал в нашу деревню в 1943 году. Крупный мужчина, лет 40 – 45, я не знаю, почему он не был в армии в это время. Разговоры были разные – по документам был демобилизован по ранению. Он не работал в колхозе на определённой работе, но нам казалось, что он умел всё: плотник, печник, кузнец. Сначала он приехал один, а через 1 – 2 месяца приехала жена. Она была учительницей. Но учителем работала в соседней деревне не более полугода. А сам Цветков ремонтировал на конном дворе, на ферме, помогал в кузнице, но главное, он помогал жителям деревни, особенно солдаткам: ремонтировал и выкладывал вновь печи, латал строения. Плату с солдаток не брал, как бы ему ни предлагали. Работы выполнял качественно. Он предложил обучать быков ходить в плугу, чтобы пахать землю на них, так как не хватало лошадей, которые были мобилизованы в армию. Уговорив двух подростков 10 – 15 лет, начал с ними обучать быков. Сам он сделал хомут и прочую сбрую, договорился в ветлечебнице вставить в нос животных кольцо из нержавеющей стали. В деревне было три племенных быка, один ярославской породы, очень крупный. С него и начали. Мы,

пацаны, наблюдали за действием с крыши конного двора: вот Цветков на верёвке с двумя концами вывел быка, его помощники готовили сами сбрую. Уже на улице они разделили верёвку и держали быка вдвоём. Им удалось натянуть на быка хомут, седёлко, завели в оглобли, поставили дугу. Бык понял, что для него ничего хорошего не ожидается и возмутился. Короче говоря, попытка не удалась, бык освободился от хомута. И так же повторилось второй раз. На третий попытка увенчалась успехом, они запрягли его в сани и к удивлению всех присутствующих, бык спокойно пошёл по дороге. Проехали по деревне и вернулись на исходные позиции успешно. С тех пор стали обучать быков в колхозе и в других деревнях. А в некоторых обучали даже коров, на которых пахали весной огороды. У нас в деревне не пахали на них, но на перевозке грузов они хорошо помогали.

Цветков жил в деревне 2 года, когда уезжал, провожали его всей деревней, несли ему яйца, молоко. Мой дед подарил бочонок литра на 3 – 4 мёду. Долго ещё вспоминали о нём даже после войны.

Учиться я начал в 1944 году. Школы, как таковой, не было, ходили в соседнюю деревню за 1 километр. В частных домах ставили парты и получалось, как в классе. В домах продолжали жить, а под классы сдавали, видимо, в аренду по одной комнате. Первого моего учителя звали Михаил Павлович, он инвалид войны, одна нога была не своя, а протез. Он ездил на велосипеде с одной педалью, на уроках много рассказывал о войне, а воевал он только один месяц. Попала их часть под бомбежку и ему оторвало ногу. Нас он призывал хорошо учиться. По его словам: «Хорошая учёба детей солдат – это помощь Красной армии в битвах за победу». Мы, понятно, не всегда с ним соглашались. Он говорил, что если солдат получит весть, что его сын или дочь плохо учится, у него будут неприятности. Призывал помогать матерям нашим в личном хозяйстве, это, мол, тоже помощь Красной армии. Приводил примеры о хорошо работающих в колхозе подростках. В учебниках материал и художественная литература, стихи и песни были все патриотического содержания.

Писали в первом классе простым карандашом, во втором уже чернилами. Чернила делали из химического карандаша, если не было специального порошка.

Закончилась война, пришла учительница в класс и объявила. Уроки отменили, мы праздновали – в деревне зарезали быка, кто-то ревел, кто-то смеялся.

Зверев И.Г., 1935 г.р., пгт. Оричи

Ростовцев А. И. «Мы жили очень плохо»

Хочу рассказать про свою жизнь. Она была не из лёгких. Родился я 9 марта 1935 года в деревне Гладухины, Шалеговского сельского совета. В 1938 году отец купил дом в рассрочку в деревне Серёдыш, Спас-Талицкого сельсовета. Дом-то купил, а земля колхозная. Наша земля была только под окном (палисадник). С одной стороны пожарное депо, с другой – колхозная пасека. На пасеку приходил председатель колхоза «Боевик» Юферев Григорий Иванович и каждый раз просил – дайте ложку, дайте чашку, дайте нож. Я ему и сказал: «Вот вырасту большой, я тебя отметелю (побью). Зачем ты земли не даёшь? Мы сидим голодные, посадить картошку у нас нет земли»

Сзади дома землю отдали эвакуированным из Ленинграда. У нашей матери было шестеро детей. Отца, Ростовцева Ивана Романовича, с детства глухого, призвали в Армию в сентябре 1942 года. По доносу соседа. Шёл сосед по деревне подвыпивши (он работал в райвоенкомате) и поздоровался. Отец стоял задом и не видел его, и не услышал. На обратном пути тот заматерился и сказал: «Ты притворяешься, и завтра тебе будет повестка на фронт!» На завтра точно, сосед и принёс повестку. Мать отцу рассказала: «За то, что с ним не поздоровался». Отец собрал нехитрые пожитки: ложку, кружку, полотенце и пошёл райвоенкомат, с ним пошла и мать. Отец там встретил соседа, а тот уже с утра пьяный. Отец и говорит ему: «Я приду с фронта живой, то я тебя вот этими руками задушу! Ты здоровый бычина и у тебя одна дочь, а у меня их шестеро!» Кончилась война, отец с войны не вернулся. А сосед заболел туберкулёзом и умер.

Мы жили очень плохо. Брат с сестрой умерли от какой-то инфекции. Мать работала ночью – охраняла склады «Заготзерно», а днём наваливала навоз на телеги в колхозе. Пришла осень, колхоз решил рассчитаться с колхозниками. Привезли и нам зерна, одну четвёртую часть мешка – с сутолокой ячмень, овёс, рожь и всё это с землёй, прямо из-под веялки. Мать долго плакала: «Чем семью кормить буду?»

Я в колхозе работал на корове-нетели. Пошлют боронить, иду впереди коровы с пучком травы, а она жуёт и идёт за мной. Вывозить навоз – такая же история.

Подросли и стали мы разлетаться кто куда, председатель забеспокоился – нет кадров, кто будет в колхозе работать? Нас хотел удержать, а помощи никакой не оказывал. Отец при жизни писал два заявления: «Примите в колхоз, да дайте полпуда муки». Председатель проносит заявление неделю в кармане и вернёт – правление не приняло.

Нашу деревню прикрепили к деревне Помаскины, это в трёх километрах от нас. До Оричей 800 метров. Осенью в слякоть, в дождь колхозных ребят везут на телеге, а я иду пешком. Пришла зима: метель, мороз, ветер пронизывающий, а в школу идти надо. Шёл я сзади саней по следам полозьев – пройдёшь 5 – 10 шагов, падаешь. Два дня я сходил в школу в деревне Помаскины и заявил, что ходить туда больше не буду. Надо мной издевались деревенские ребята – вывалиют в снег, да ещё и побьют. Ходить приходилось в лаптях, потому что носить было нечего – не было денег, чтобы купить обувь. Мать пошла к заведующему РОНО, всё рассказала, он написал письмо директору школы и меня приняли в Оричевскую школу, где я и доучился до 7 класса.

А сначала 2 недели проходил, начался урок в кабинете физики, где стояли столы и табуретки. Входит учительница в класс – все встают, а со мной сидел рядом Аркадий Питиримов из деревни Борки (которого зарезали). Он подцепил табуретку ногой у девочки, и она упала на пол. Все захохотали. Учительница подняла Питиримова, «В чём дело?», - спрашивает его. Он отвечает: «Ничего». Разрешили всем сесть. Тогда я решил так же убрать табуретку у него, он стал садиться и сел на пол. Учащиеся засмеялись, учительница ушла из класса и до конца урока не приходила. Урок сорвали. После урока учительница пригласила меня к директору. Вошёл в кабинет к завучу, директора не было на месте. Завуч, Комаров Александр Кузьмич меня не спрашивал, что же произошло, сказал только: «Ростовцев, зайди после обеда за документами». После обеда я пришел, он сказал: «Вот, забери свои документы, и ты с сегодняшнего дня больше не учащийся нашей школы». Пришёл я домой очень расстроенный, думал, что сказать матери. Решил

сходить к соседу через дорогу, Николаю Лобастову, поделиться своей бедой. Пришел, смотрю – лежит на окне районная газета. Решил её почитать, на моё счастье там было объявление: «ФЗО № 13 производит набор учащихся». Я собрал документы и, не сказавшись матери, уехал туда. Лишь через месяц выслал фото и адрес. Мать была рада, что я нашёлся.

После окончания ФЗО, направили в леспромхоз на лесозаготовки. Мне не повезло – у меня нога соскользнула с хлыста, и её ударил топором. Нога опухла, пошёл в медсанчасть, а там решили, что ногу надо отнять. Но доктор – женщина, сказала, чтоб я посоветовался с родными. Я приехал домой, мать велела набрать сенной трухи и, заварив её кипятком, заставила поставить ногу в ведро. Когда нога размякла, а она уже была чёрно-багровая, вышло много гноя. Первую ночь я спал спокойно. В леспромхоз я больше не поехал, устроился в МТС, это был уже 1953 год.

Весной 1953 года объявили призыв на освоение целинных и залежных земель, я изъявил желание поехать. С нашего района было 13 человек. А осенью меня призвали в Армию, в парашютно – десантные войска. Служил командиром орудия БЗО, совершил 20 прыжков. В 1957 году, после 4-х месяцев Кременчугского госпиталя меня комиссовали. Приехал домой, год был на пенсии, после чего её сняли. Жил с матерью – пенсионеркой, которая получала 12 рублей. Двоим, конечно, тяжело жить на такую пенсию. Поехал я в Киров к сестре, говорю ей: «Надо мне или давиться или под поезд бросаться. Жить не на что». Она посоветовала поступить в школу бухгалтеров, которую я и закончил.

Работая в Оричевской ветлечебнице счетоводом кассиром, закончил заочно московский финансово-кредитный техникум, после чего по решению исполкома меня перевели в налоговую службу старшим экономистом госдоходов. Потом работал в ЛТП, в Оричевской районной больнице, в инспекции Госстраха, после чего пришел в Оричевский лесхоз, где был организован учебный пункт по подготовке лесных кадров. Проработал здесь 34 года, в аккурат до 80 лет, обучил более 2000 человек лесным специальностям.

Ростовцев А.И., 1935 г.р., пгт. Оричи

Ростовцев А. И. «Как я шпиона поймал»

Учился я в полковой школе города Шимановска. Подошла очередь идти в караул. Пришли в караульное помещение, и я стал чистить автомат Калашникова, тогда он ещё был засекречен. Ребята надо мной смеются, спрашивают: «Ты что, будешь в кого-то стрелять?» Я им отвечаю: «Оружие должно быть в хорошем боевом состоянии». Поставили меня на пост к магазину в 10 часов вечера, рядом с ним проход из города на железнодорожный вокзал. Днём по этому проходу разрешалось ходить, а с 21 ч. вечера и до 8 ч. утра запрещено. Пост у магазина ставили потому, что его два раза грабили, все продукты уничтожались, а завозили их из России. Магазин продолжительное время не работал, поэтому стали ставить военный пост. В 22 часа 30 минут, вижу, бежит офицер по этому переулку. Я ему кричу по уставу: «Стой, кто идет!». Он отвечает: «Свой». Я его предупреждаю второй раз, он снова: «Свой!» Я крикнул: «Ложись!», автомат на него наставил, поднял выше головы и нажал на спусковой крючок. Получился выстрел – три патрона сработали. Я почувствовал – кто-то есть сзади, оглянулся и увидел – в двух шагах от меня стоит мужчина в гражданском. Ему тоже скомандовал: «Ложись!»

Услышав выстрелы, из караульного помещения прибежал наряд с начальником караула. Спрашивают: «Что случилось?» Я показал на задержанных, караул их увёл. За этот поступок мне объявили 15 суток отпуска с выездом домой. Но подходил выпуск из полковой школы, поездку пришлось отложить. Задержанный подполковник оказался шпионом, его посадили под домашний арест. Он соорудил на кровати из поленьев спящего человека, а сам через форточку вылез и подался в бега. Через 2 дня бдительный солдат доложил, что в квартире никого нет. Вскрыли квартиру, а она на самом деле пустая. Поймали его уже во Владивостоке, когда поднимался на корабль. Про гражданского никаких сведений не было.

Ростовцев А.И., 1935 г.р., пгт. Орчи

Вохмянин А. С. «Его подвиг был тихим, внешне незаметным»

Вохмянин Алексей Сергеевич (13.02.1909-24.06.1991)

Алексей Сергеевич Вохмянин родился в деревне Желудки Верхотульского сельсовета Арбажского района Кировской области в зажиточной крестьянской семье. Отец, Сергей Васильевич Вохмянин, даже держал небольшую продуктовую лавку.

Будучи самым старшим в семье, Алексей с детства приучился быть самостоятельным и требовательным, а также рано начал помогать родителям в любой работе (пахал, сеял, убирал урожай наравне со взрослыми).

Несмотря на занятость в нелёгкой домашней работе, смыслённый деревенский мальчишка успешно закончил 4 класса приходской школы в селе Верхотулье. По тем временам человек с таким образованием считался достаточно грамотным и образованным.

В 1937 году в Сорвижи пришла коллективизация, которую 28-летний Алексей встретил с одобрением и поступил на работу в Сорвижский хлебоприёмный пункт в качестве технического руководителя.

Когда началась Великая Отечественная война, Алексей Сергеевич в свои 32 года был здоров и полон сил. Естественным являлось его стремление пойти на фронт. Неоднократные попытки товарища Вохмянина получить разрешение на отправку в ряды Советской Армии отклонялись. Алексей Сергеевич, недавно назначенный на должность директора Сорвижского хлебоприёмного пункта, считался руководителем стратегически важного в военное время предприятия, а поэтому получил бронь на весь период войны.

В Сорвижах мужчин практически не осталось. Алексею Сергеевичу, выполняя сложное задание по отправке определённого количества муки на фронт, приходилось руководить, по сути, «бабьим батальоном». Фронту нужно было давать хлеб. Для выполнения этой ответственной, жизненно важной задачи, приходилось работать, не покладая рук.

Для того, чтобы увеличить поставку муки на фронт, Алексей Сергеевич Вохмянин вместе с помощниками и зимой, и летом отправлялся на закупки зерна в отдалённые деревни, сёла. Порой приходилось пробираться с ружьём через глухие леса, где нешуточной опасностью были волки. Добывая лишние килограммы зерна

в 1958 году последовал перевод в город Халтурин также на должность директора хлебоприёмного предприятия.

С 1959 по 1969 год, вплоть до самой пенсии, Алексей Сергеевич продолжал свою трудовую деятельность в должности директора базы хлебопродуктов уже в посёлке Оричи и одновременно продолжал руководить халтуринским филиалом.

В послевоенное время Алексей Сергеевич Вохмянин за свой труд получил ещё две медали «За доблестный труд».

После выхода на заслуженный отдых, он не сидел без дела. Был и плотником, и помощником пчеловода на пасеке, и сопровождающим вагоны с племенным истобенским скотом в Сибирь. А как то, не научившись за свою жизнь безделью, был одновременно дворником и сторожем в детском саду, на месте которого сейчас стоит часовня.

Вот таков жизненный путь Вохмянина Алексея Сергеевича, простого, скромного, очень трудолюбивого человека, в жизнь которого также вторглась война и навсегда оставила свой горький след в виде несостоявшейся мечты пойти на фронт и громить ненавистного врага, а, может, совершить подвиг и навсегда войти в историю героем. Его подвиг был тихим, внешне незаметным. Подвиг самоотверженного труда во имя Победы и, в конечном итоге, во имя счастливого будущего своих внуков и правнуков. Низкий поклон ему за это!

Тогушова Л.А, дочь, пгт. Оричи

Товарищ Вохмянин

*Посвящается памяти гвардии старшего лейтенанта
Ефима Дмитриевича Вохмянина, героически погибшего
в годы Великой Отечественной войны за 3 месяца до Победы*

Ой, дядя Ефим, ты такой молодец!
Нам фото на память оставил!
Ещё до войны ты был муж и отец.
А дочки без мамы остались:
Проклятая ведьма, злодейка-война,
Анюту-жену погубила.
Старлеем гордится родная страна,
И бьёт он врага, что есть силы!
Вот снова в атаку он первым пошёл,
Но пуля его подкосила!
Прочь, тёмная сила! Ты - сила врага!
А, значит, ты подлая сила!
Геройски погиб он, но память жива.
А орден посмертно вручили.
И пусть погребён он в германской земле,
Дочки отца не забыли.
Взрослели, учились, как он мечтал –
Многого в жизни добились!

Тогушова Людмила Алексеевна, 1941 г.р. пгт. Оричи

Зыкова В. М. «Расти большая, моя крошечка»

Кропачев М.М.
Справа, 1941 г.

Родилась я 15 октября 1940 года в деревне Сидоры Смирновского сельсовета. Через 10 месяцев началась война и уже 6 июля папа, Кропачев Михаил Михайлович, ушёл на фронт. Мама рассказывала, прощаясь, папа поднял меня высоко и сказал: «Расти большая, моя крошечка», поцеловал и ушёл, не оглядываясь.

В семье остались одни женщины. Мама работала в колхозе с утра дотемна, а папина сестра, моя крёстная, на ферме дояркой. Моё же детство прошло с бабушкой. Эти три женщины, как могли, баловали меня и любили. Мы с бабушкой часто ходили в церковь, так как дома меня оставить было не с кем. Рассказывали, что я молилась усердно, чему научила меня бабушка, а я, видимо, была послушной.

Все военные годы моя мама, Надежда Алексеевна, как и другие солдатки, проводившие мужей на фронт, трудилась не покладая рук. Поскольку, дома была бабушка, Анастасия Ивановна, а это значит, было с кем оставить ребёнка, меня, её посылали на торфоразработки, на Гадовское болото (п. Торфяной) и на лесозаготовки в Афонасьевский район, станция Бисерово. Работать было очень тяжело, голодно, а зимы были с трескучими морозами, одеться же потеплей было не во что. Там она застудила ноги, после чего очень болезненным стало передвижение. А работать надо было всё равно. Бабушка обматывала колени тряпками, и она на коленках ползла на работу в поле – такое было в то время самосознание у народа, никто не посылал, и пусть немогучи, но человек всё равно шёл, чтобы приблизить победу. А вечером бабушка кипятила воду и заваривала в большой кадке какую-то траву и берёзу, после чего мама залазила в эту кадку и парила ноги. И вылечила ведь! Примерно, через 1 месяц ей стало легче, а потом всю жизнь ходила и даже не хромала до самой смерти.

В Смирновскую начальную школу пошла, когда исполнилось почти 9 лет, окончив которую, в 5 класс перешла уже в Оричевскую среднюю, которую и окончила в 1958 году.

Где-то после 25 лет я стала задумываться, а где же захоронен мой папа, мама говорила: «Пропал без вести», а сама втихомолку плакала и продолжала ждать. Теперь уже я начала поиск, дважды делала запрос в военкомат, ответом было всё то же: «Пропал без вести». Однажды я встретила Шукову Фаину Вениаминовну, она была из деревни рядом с нашей и работала в военкомате. Я её попросила посикать в архиве и уточнить эти данные. Буквально через три дня она позвонила мне: «Записывай – Кропачев Михаил Михайлович погиб 13. 02. 1943 года при обороне Ленинграда, захоронен в посёлке Красный Бор. Далее я выясняю, что таких посёлков в Ленинградской области три: в Бокситогорском, Тосненском и Колпинском районе. Я написала во все три. Из Бокситогорска и Тосно ответили отрицательно, что на их территории захоронений нет. Из Колпино вскоре пришёл положительный ответ: «Такой красноармеец, Кропачев М.М., рядовой, водитель

Зыкова
(Кропачева) В.М.,
примерно 1942 год

танка, стрелок 131 гвардейского стрелкового полка 45 гвардейской стрелковой дивизии, захоронен в братской могиле на станции Поповка». А так же там было написано где это и как доехать.

Это был 1980 год. С тех пор до 1988 года мы каждый год посещали могилу отца. Ездил я с детьми, а в 1988 году свозила маму на могилу мужа. Я опасалась за её здоровье, ночевать с нею было негде, и я написала письмо начальнику Московского железнодорожного вокзала с просьбой устроить на одну ночь вдову погибшего воина, которую я привезу на могилу мужа в посёлок Поповка (устроить в комнату для транзитных пассажиров). Не надеясь ни на что, я получила такое тёплое письмо – к кому обратиться по приезду и нас устроили с таким комфортом... (это был последний раз, когда я была на могиле отца) Радости моей не было предела. Вернулись мы от папы, нас встретили сын и зять и поехали в больницу – оказывается, пока мы ездили, родился внук Антон у дочери Наташи.

Сейчас на могиле у папы ежегодно в майские праздники живые цветы, их приносит моя племянница – дочь двоюродного брата Светлана, которая живёт и работает в Колпино. Она врач по профессии и по призванию, очень серьёзная и ответственная, с портретом моего папы она шла в рядах «Бессмертного полка» в 2018 году, я очень благодарна её за помощь.

За мемориалом бескорыстно ухаживает дядечка, он живёт рядом в память о друзьях, которые тут захоронены. Он не местный, тут воевал, был в госпитале, подлечился и остался в Поповке, построил небольшой домишко рядом с обелиском и поклонился друзьям – однополчанам ухаживать за могилой, пока жив. Каждый раз встречает родственников, приезжающих на могилу, поможет, если кому это нужно. Сказал (когда мы приезжали): «Умру, и тоже рядом с друзьями меня захоронят».

Вот почему мой самый любимый город Санкт-Петербург.

Зыкова В.М., 1940 г.р., пгт. Оричи

Лучинина А. А. (Жданова) «Бегаем босиком по проталинкам...»

Родилась я, Лучинина Алевтина Александровна, в декабре 1936 года в деревне Лезгины Халтуринского (ныне Орловского) района Кировской области, это в 15 км. от районного центра. Деревенька была небольшая, но уютная, огороженная забором. А рядышком из земли бил ключ с чистой водой, который спасал нас в летний зной. В километре примерно, протекала река Вятка.

Слева направо брат Володя, мама, на руках у неё брат Витя, крайняя справа я, 1943 год.

Мама пришла с улицы, раскраснелась, думала, что румяной выйдет...

Первое восприятие мира довоенное – папа работал в Ленинграде на военном заводе им. С.М. Кирова (бывший путиловский), а мама, чтобы сжать 40 соток ячменя, пригласила «помочь» (в деревне собирались большинство жителей, и шли помогать кому-то одному, кому это требовалось на данный момент). А чтобы накрыть потом стол, и накормить помогавших односельчан, так было заведено, она пустила в дом вечерку. Вот все пляшут внизу, а я с полатей выглядываю, молодой парень, родственник наш Володя (погиб на фронте потом), подошёл, попросил частушку спеть, я и запела:

Баба сеяла муку – толоконницу,

Посадила ... на окольничу.

Все плясали, а как я спела, засмеялись и убежали. Я не сразу и поняла, что пропела тогда взрослое слово, которое не все говорят.

Долго бегала с соском – коровий сосок был надет на коровий же рог и я из него сосала. Отберут его у меня, выбросят, а я всё равно найду, даже в крапиву несколько раз лазила.

Помню, папа из Ленинграда привёз два платья: красное крепдешиновое и синее в горошек, так мама отдала их потом Зойке в д. Боярщину за 2 пуда муки, когда она замуж выходила. Как я потом жалела эти платья! Хотел папа перед войной нас забрать в Ленинград, мы с мамой заревели в голос, не поехали. Может потому и живы остались, а то ведь вон как голодали люди там в блокаду.

Как война началась, не помню, помню только, что завешивали окна, чтобы свет не проникал. Пароходы по реке ходили только ночью. В войну-то особо не голодали, после Победы уже чуть с голоду не опухли...

Папа работал председателем колхоза, и у него была «бронь» (не забирали на фронт). Но после того, как он помог сбежать мальчишкам 12 – 15 лет со строительства аэродрома в Победилово – пожалел деревенскую ребятню, «бронь» сняли и отправили на войну. Провожала его беременная мама, и мы вдвоём с братом Володей, 1941 года рождения. А брат Витя родился в сентябре 1943 года, я была повитухой. Мама залезла на печь, а я самовар ставила, тряпки подавала... там она и родила, пуповину сама перегрызла. Про печь вообще разговор особый: еду готовили на ней, спали всей семьёй, а как согревала она в зимнюю стужу! Вот только клопов и тараканов в то время было много, и у них это тоже было излюбленным местом. Как ни пытались, вытравить их совсем не получалось. Клопов выжигали спичками, а тараканы, когда мы спали, порой выедали кожу от волос до бровей.

Так вот, папа ушел на фронт, а вместо него председателем был назначен сосед Афоня, к которому очень быстро прилипла деревенская кличка – Гитлер. Жену свою кроткую, да смирную, Глашу, жестоко избивал, она ревела громко, я возьму кирпичи и бросаю в дверь. Председатель грозился, что поймает и крапивой отхлещет. Я орала в ответ: «Не поймаешь ты меня, Афоня - Гитлер!»

Гулял он по-страшному, к деревенским бабам приставал и к маме подъезжал, да только не связалась она с ним, так он всячески ущемлять нас стал. В 3 классе я написала папе на фронт письмо: «Живём плохо – Гитлер обижает, то лошадь хромую даст, то кусачую и то в последнюю очередь. Огород пахать не знаем как. Мы очень плохо живём, очень плохо...» Он переслал моё письмо в Халтуринский райком партии, где председателя хорошо пропесочили, после чего стали в первую очередь давать лошадь и любую, на выбор.

Тогда писали письма счастья с молитвами – оберег по-современному. Помню одну строчку: «Найдено оно было в Киево-Печерской Лавре...» Я переписала его, выслала папе, он всю войну и носил в кармане гимнастёрки. А после войны уже повели в баню, снял гимнастёрку, сразу не забрал его, вспомнил, вернулся, очень много одежды перебрал, но так и не нашёл.

*Брат Володя и я,
военные годы*

В 1944 году все пошли в школу, и я побежала. Годовалого Витю в зыбке оставила на трёхлетнего Вовку. Дело было не 1 сентября, а позже и землю снежком слегка припорошило. Пришла мама на обед, а следочки-то видно, ох и попало мне тогда!

Помню, хочется гулять, укладываю Вовку, а он никак не спит, говорит, что о моих «воспитательных» мерах потом маме расскажет. Выйдем с ним вдвоём, постоим у крылечка – и домой. Мама придёт, ругается. А весной мама дом снаружи закрывала, чтобы мы не выходили – обуви не было, а босиком холодно. Так мы окно откроем и выскочим. И бегаем босиком по проталинкам. А ноги-то всё равно мёрзнут...

Женька – подружка, как красиво пела! Красивая была – волосы густые, чёрные. Заболела дифтерией в 4 классе, вовремя не отвезли в больницу. А когда повезли, я забежала – она рукой мне махнула с полатей. И всё. В больнице умерла. Я её всю жизнь помню и голосок её чистый, мне кажется, до сих пор звучит.

Детство моё выпало на лихие военные годы: мы, 6-7 – летние дети, обутые в лапти, осенью собирали колоски на поле и сдавали государству. Припрятать же их было нельзя, могли засудить, карманы проверяли. Особенно плохо было зимой и ближе к весне, дождаться не могли, когда появятся спасительные песты, кисленка и лебеда. Тогда наедались до отвала, а потом страдали животами... Чтобы яичко заработать (настоящий праздник!), целый день коров пастушили.

Однажды весной, собираясь пахать колхозную землю, мама поставила меня погонять быка, иначе он просто ложился в борозду. Та борозда была в аккурат мне по пояс, и деревенские бабы осуждающе говорили: «Пожалей, Манька, ребёнка, ведь задавит её бык!» Но наша мама, Жданова Мария Павловна, была сильная, работающая и правильная женщина. Так трудились многие в военное время, не только мы.

Когда подросла, училась в средней школе и в сельхозтехникуме, в Халтурине. Часто ходила пешком домой и из дома возвращалась обратно, каждый раз папочка провожал меня, уйду уже далеко, оглянусь, а он всё стоит и мне спокойней бежится. Я боялась очень, всякие неприятности тогда случались – кого избьют, ограбят, а кого изнасилуют. Меня не трогали. Я в Николая Чудотворца верила с малых лет, наверное, он спасал.

Позднее закончила Слободское педучилище и всю жизнь проработала воспитателем в детском саду, многих своих воспитанников помню, хоть и немало воды утекло с тех пор. В жизни всё сложилось: муж, дети, внуки. Правнуки народились. Радуюсь каждому дню.

Лучинина А.А. (Жданова), 1936 г.р., п. Зенгино

Мартьянова Н. М. «Только поезд отъехал от станции, ее разбомбили немцы»

Я, Мартьянова Надежда Михайловна родилась 24 октября 1931 года в г. Ленинград. Мне не было еще и десяти лет, когда началась война. В июньский летний день я по просьбе мамы пошла за керосином (готовили на примусе), все было как обычно, а идя обратно домой, через площадь я увидела, что собралось много народа, и объявили о том, что началась война. Отца забрали в первый же

день войны. Он не вернулся. Уже потом, из детского дома я писала очень много писем, но ответа не было.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Мы остались в городе. Мама, братья и я. Братья пошли работать на завод, мама копала окопы, чтоб немцы не прошли в город. На мне было хозяйство. Получить хлеб по карточкам, да найти то место где дадут вперед, поэтому из дома приходилось уходить ночью. Получив заветные граммы хлеба, я прятала их, и как могла, бежала домой. Однажды хлеб отнял какой-то парень, и я рыдала навзрыд. Брат потом нашел его, да что толку, хлеба было все равно не вернуть.

Город бомбили прицельно с четырех сторон, даже ночью. В бомбежки мы бежали в бомбоубежище, которое находилось в школе, где до войны я училась. К концу осени стало совсем плохо, не было электричества, не работал водопровод, в квартирах стоял жуткий холод. Буржуйки топили чем придется, лишь бы получить тепло и хотя бы нагреть немного воды чтоб согреться. Люди двигались по инерции, на эмоции уже не было сил. Брат Коля умер от голода, утром мама попросила его разбудить, я подошла к нему и поняла, что он уже холодный. Павлик топил печку оставшейся мебелью, одежда вспыхнула, он получил ожоги, а ослабленный до предела организм не смог справиться и он умер... Вслед за ними умерла мама. Меня нашли в квартире одну, и привели в школу, где расположился детский дом. Очнулась я от запаха манной каши и какао. Этот вкус и запах я запомнила на всю жизнь.

В 1942 году наш детский дом эвакуировали по Ладожскому озеру. Было страшно. Машина с детьми, шедшая впереди нас провалилась под лед и все утонули. Нас привезли на станцию. И погрузили в «телячьи» вагоны, в которых на пол была настелена солома, а посередине была печка. Так на соломе мы и ехали до Краснодарского края, село Родниковское. Всю дорогу нас сопровождала Черных Вера Ивановна, директор школы в которой я училась. С нами же ехали и двое ее детей, но она никогда не делала различий между нами.

Станичники очень нас жалели и все старались подкормить. Всегда давали молоко. В Краснодарском крае мы пробыли недолго. Началось наступление немцев, и в последний момент Вера Ивановна с мужчинами станичниками погрузили нас в грузовики и увезли на ближайшую станцию, и погрузили на угольные платформы. Это спасло нас. Только поезд отъехал от станции, ее разбомбили немцы. Не раз на пути мы останавливались и разбегались от бомбежек по кустам. А после налета Вера Ивановна бегала и собирала нас, как она нас узнавала, я не могу понять до сих пор. От угля мы были все черные, одинаковые.

*Справа
Надежда Мартьянова*

Поезд привез нас в Киргизскую АССР, в село Сару, на озере Иссык-Куль. Сдав нас на руки воспитателям детского дома, забрав своих детей, Вера Ивановна поехала за следующей партией. Мы все очень плакали. В этом детском доме, в Киргизии, мы и пробыли до конца войны. Места было очень мало, спали вдвоем на кровати. Учились в школе все вместе и киргизы и русские. Но даже в такое нелегкое страшное время мы были детьми - проказничали и играли. Помню в классе на уроке, сидевшей позади меня мальчик киргиз говорит мне «Надя, Надя, поуши шевелями». Я так рассмеялась, что

учительница поставила мне двойку за смех. Конечно, за двойку меня наказали и оставили без обеда. Надо сказать, что училась я хорошо, но была очень своенравная. Нас кормили, был и завтрак, и обед, и ужин, но есть хотелось всегда. А я подружилась с поварихой и она меня иногда подкармливала. На полях росла пшеница и мак, так мы нашелушим их и жарим зерна на костре. Еще шили небольшие куклы из старых наволочек и меняли их у киргизов на урюк. Девочек учили шить, вязать, прясть. Однажды нам дали клубок шерсти и нам не хватило на носочки, так мальчишки поймали чьего-то барана и остригли его. Воспитателям мы, конечно, ничего не сказали.

И вот наступил 1945 год, добавив нам возраста по году, для того чтоб взяли на работу, нас отправили назад, в Ленинград. И в сентябре, мне было 14 лет, я уже работала на фабрике «Возрождение», прядильщицей. Жили мы в общежитии, комнаты были большие, жило и до сорока человек в одной. Но как, ни удивительно, мы не ругались. Нас кормили, плата за комнату была небольшой, да и после детдома казалось все просто замечательно. Зарплата на фабрике была приличной, появились новые нарядные платья, одежда, обувь.

Там же, в Ленинграде и встретила своего будущего мужа. Вышла замуж. Жили сначала в общежитии, в комнате на две семьи. Мне, как детдомовской, была положена жилплощадь в Ленинграде, сначала не давали, а потом нам дали прекрасную комнату. Но.... мужа потянуло на родину и в 1969 году мы вместе с маленьким сыном переехали в Киров. Работала на заводе «Красный инструментальщик». Потом переехала в Оричи. Но всегда вспоминаю свой родной город, мой неповторимый Ленинград. И пусть все страшное было именно в нем, но это мой город! И он навсегда останется в моем сердце гордый и непобедимый!

Мартьянова Н.М., 1931 г.р., Ленинград – Киров - Оричи

Юрьев Ф. И. Из воспоминаний о Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

Деревня, в которой я родился, находилась в 7 км от районного центра. (Деревня Большой Мыс бывшего Кичминского, ныне Советского района).

Это был ноябрь 1933 года. Об электричестве и радио люди в то время могли только мечтать. Единственным средством информации было так называемое «сарафанное радио».

Поэтому о начале войны жители деревни узнали от местных властей при мобилизации мужчин призывного возраста о явке в военкомат для отправки на фронт.

Юрьев
Финоген Иванович

Мой отец, Иван Сергеевич, 1908 года рождения, оказался в числе первых призывников.

Я, семилетний мальчишка, вместе с матерью поехал на лошади в районный центр провожать отца на войну. По приезде на место мы увидели возле военкомата на прилегающих улицах толпы людей, оглушенных горем случившегося, горький плач женщин и детей; звуки гармошки и песни подвыпивших призывников. Эта картина проводов солдат на фронт осталась в моей памяти на всю жизнь.

Наша семья из 6 человек осталась впятером без главного хозяина, защитника и кормильца. Вся тяжесть работ, забот и утешений легла на плечи моей матери,

которой к тому времени исполнилось 28 лет. Состав семьи, кроме матери: бабушка (мать отца) 60-ти лет, 3 сына – старшему 7 лет, младшему 1,5 года.

В этих условиях необходимо было перераспределить обязанности. Мама – главный кормилец, бабушка – все посильные работы по дому, я, как старший «мужчина» присматривал за братьями, помогал бабушке кормить кур, охранять сад, следить за порядком в хозяйстве, летом пропалывать грядки и др.

Самым сложным и трудоемким в это время была заготовка топлива на зимний период. С осени в ближайших перелесках собирали с бабушкой валежник (сучья), еловые и сосновые шишки, серпами жали полынь на заросших полях, вязали ее в снопики, после подсушенную привозили домой. Зимы военного периода были сердитые, злые и очень снежные в нашей местности, а ночи, как и теперь, длинные, темные. Единственным источником света в то время была керосиновая лампа и фонарь, который мы называли «Летучая мышь», а при скромных расходах керосина – самодельная коптилка, иногда деревянные щепки на листе железа с подставкой.

Из-за отсутствия дров в холодное время года вынуждены были отказываться от бани, мылись в русской печке поочередно. В этих антисанитарных условиях нас атаковали паразиты разных мастей: клопы, вши, тараканы и прочая тварь, в том числе и чесотка.

В 1941 году мне исполнилось 8 лет, пора в школу, а она в 3-х километрах от дома по бездорожью. Одеты, обуты плохо. И таких ребят в деревне было более 10 человек. Спасибо Советской власти, которая нашла возможность арендовать в деревне приличный крестьянский жилой дом и открыла в нем двухклассную школу, где я и проучился 2 года.

Если первые 2 года войны крестьянские хозяйства использовали довоенные запасы хлеба, то последние годы хлебный вопрос был сложнейшим. Почему? Колхоз не прекращал выращивать зерно, которое кроме семян полностью отправлялось государству на нужды фронта, колхозникам оставались пустые трудодни, в том числе и общественный скот (лошади, овцы, крупный рогатый скот) содержались без фуража. В связи с этим больше половины лошадей погибли, ликвидировали овец и КРС.

Единственным источником продовольствия оставались приусадебные участки, на которых выращивали ячмень, картофель («второй хлеб») и овощи, благо, что земельные участки были большие по 0,4 гектара.

В картофель тертый подмешивали сухие измельченные головки красного клевера, семена лебеды, горсточку ячменной муки и получался «вкуснейший» хлеб. Домашний скот помогал людям выживать, особенно детям, правда, не все хозяйства имели скот из-за отсутствия кормов, где дети умирали от голода.

Нам, детворе, рано пришлось работать в колхозе. Летом пасли лошадей, домашний и общественный скот, помогали на сенокосе, весной во времена посевной, боронили на лошадях посева, теребили лен и т. д. И все эти военные годы люди жили с ощущением беды, нужды, голода и холода,

И, наконец, 9 мая 1945 года, будучи в школе во время урока, мы узнали от учительницы, что закончилась война. Советский Союз, его армия, разгромила ненавистного врага. В этот день занятия в школе прекратили, мы с радостью отправились по домам праздновать Победу.

Юрьев Ф.И., 1933 г.р., пгт. Оричи

Кислицына А. Д. «Детства, можно сказать, мы не видели»

*После войны.
Я с родителями и
сестрами.
2-я в верхнем ряду*

Нас в семье было четверо детей, девочки. Брат умер в младенчестве.

Мы перед войной уехали в д. Кишкиль (Верхошижемский район, Алешинский сельсовет). Туда вербовали на заготовку древесины. Мама работала на «ледянке» (ледяная дорога для перевозки леса), но дорога не потребовалась. Женщины остались без работы.

Папин брат, дядя Лёня, забрал нашу семью из леса и перевез в Средне-Ивкино. Он был секретарем райкома партии, во время войны занимал должность директора МТС. На войну его не призвали.

Из Кишкиля выезжали на лошадях, так как дорог не было, на машине не проехать. При переезде, на ночлеге, умер мой брат Коля, ему было 10 месяцев.

В Средне-Ивкино мы жили в деревянном доме, точнее, в его части, 9 квадратных метров. Остальную площадь дома занимала нефтебаза. Когда освободилась ставка техслужащей в школе, мама перешла туда работать и получила жильё. Мы стали жить в деревне Леденцы.

Детства, можно сказать, мы не видели. Времени на развлечения не хватало. Работали, помогали маме колоть дрова, топить печь в школе. Я была младшая в семье. Сестра Валентина была 1926 года рождения, Анна – 1928, а я с 1930 года. Дядя Лёня устроил нас на работу. Валентину – учеником в бухгалтерию МТС, Анну – учётчиком тракторной бригады, а меня – весовщиком. Я учитывала продукцию, полученную тракторной бригадой (зерно, картофель, сено). В первый класс я пошла в 11 лет. Летом работала, зимой училась. Писали мы на газетах и книгах. Чернил не было, наводили сажу. Учебник давали один на 3-4 человек. В школе я и узнала о начале войны. И все сразу поверили, начали плакать. Начался призыв, уходили отцы, братья. Все мирные предприятия перевели в оборонные.

Моего отца, Малышева Дмитрия Васильевича, 1905 г. р., забрали в армию еще до начала войны. Служил он в Ленинградской области. Участвовал в боях за Ленинград, получил 2 ранения. Доставлял питание в блокадный город через Ладожское озеро. Награжден Орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и юбилейной медалью «30 лет Советской Армии и Флота». Прожил 67 лет.

*Отец в военные
годы*

С 12 лет я работала учётчиком женской тракторной бригады. Наша бригада обеспечивала 5 хозяйств. А зимой продолжала

учиться в школе. Весной приходилось договариваться со школой о заочной сдаче экзаменов, так как приходилось совмещать школу и работу. Я закончила 7 классов.

Питались во время войны очень плохо. Ели хлеб, испеченный из клеверного пыжа. За ним маме приходилось далеко ходить. Он не склеивался, поэтому собирали гнилую картошку, чтобы склеивать тесто. Самым желанным лакомством для нас была хорошая картошка, которая очень редко попадалась среди гнилой!

Собирали горох по горошинкам. Однажды на гороховом поле нашли ядовитые семена белены. Попробовали – вкусно. Мы не знали, что это, и наелись досыта. Вечером пришли родители с работы, а с нами творится странное: кто на стенку пытается залезть, а кто в подполье прячется. Повезли нас в больницу, в село Вехошижемье, что в 5 км от нашей деревни Леденцы, а мы набрались силы, выскакиваем из саней, взрослые с нами еле справились.

Во время войны самым тревожным было время, когда немцы хотели захватить Москву. После войны жили очень плохо, ходили в лог, родители косили сено, а мы собирали землянику и песты, их было очень много. Еще собирали щавель, не разбирая, какой. Готовили обед: растирали ягоды с семенами щавеля. Этим кормили родителей.

Я мечтала стать медиком. Но медицинский техникум был в г. Кирове. Меня зачислили, но не было общежития для студентов, жить было негде. Послали учиться в двухгодичной школе в Фаленках (сейчас – селекционная станция) на агротехника. Для меня это было радостью. Ученикам давали 400 г хлеба. Платили немного денег. В нашей группе было 30 человек: половина девочек, половина мальчиков. Я была самой младшей.

В училище была производственная практика, нам выделяли делянки, которые мы должны были выкосить или сжать. Нам помогали мальчишки. Первая настоящая работа – агротехник. Один на несколько хозяйств. Руководителей - мужчин не хватало, и меня назначили председателем в колхоз «Сталинец». В 22 года. Я отказалась. У меня был маленький ребенок, к тому же я была молодая и неопытная. Какой из меня председатель? Осталась работать агротехником. Поступила в Галичский техникум, в Костромской области. Я была беременна, было тяжело ездить на учебу. После окончания техникума работала в с. Вехошижемье председателем райплана, была членом и депутатом районного совета. Меня назначили в г. Ленинград на шестимесячные курсы в Ленинградский финансовый экономический институт. От этой поездки у меня остались яркие воспоминания. Пока я там училась, поступила на заочное отделение на экономический факультет.

1952 год. С мужем.

1953-54 годы – самый тяжелый период в моей жизни. Я ходила домой в выходной день пешком за 30 км. Лишь позже появился мотоцикл.

С 1959 года я живу в Оричах. Тогда Вехошижемский и Оричевский районы объединили. Когда произошло разъединение, мне предлагали вернуться в Вехошижемье. Но я осталась в Оричах. Живя здесь, в 1964 году перевелась заочно в Кировский сельскохозяйственный институт, закончила факультет агрономии.

Работала начальником семенной инспекции, которая тогда находилась в арендованном у «Сельхозтехники» помещении в одной комнате. Места для работы было мало, пришлось заняться строительством нового здания. Так выстроила здание семенной инспекции, в котором организация и находится до сих пор.

В 1982 году была переведена в Управление сельским хозяйством экономистом по планированию сельхозпроизводства.

На пенсию вышла в 1985 году, но продолжала работать до 1998 года, но уже на других работах.

Мой муж, Кислицын Леонид Дмитриевич, в боях не участвовал, был в учебке. Служил 7 лет в армии с 1944 по 1951 год. Вернулся в 1951 году, начал работу в органах МВД, а с объединением районов его перевели в Оричи, где он и проработал до пенсии. Его не стало в 2002 году. О том, что с 1995 года числился участником войны, он так и не узнал. Я об этом узнала намного позже.

Кислицына А.Д., 1930 г.р., пгт. Оричи

Жидков А. И. «Работали все, старый и малый»

Я, пишущий эти строки, родился и вырос в деревне Бурлаки, которая входила в состав колхоза «Доброволец» Шалеговского с/с.

Родился 15 ноября 1936 года и начало войны дословно описать не могу.

Помню, как провожали отца на фронт. Всех призывников колхоза собрали в центре колхоза в д. Сергачи. Мы всей семьёй пошли на проводы своего отца. После расставаний призывники уехали в Шалегово. Туда уехала и мать, а мы все трое: старший Гена, которому было шесть с половиной лет, мне, среднему - пять с половиной, младшему Толе - три года, пошли домой. Впереди шла бабушка. Она всю дорогу плакала, отправив единственного сына на войну. Мы шли за бабушкой, как осиротелые. Так началась другая жизнь. Мать работала дояркой на колхозной ферме. На работу уходила рано, а приходила поздно, мы оставались на попечении бабушки.

Ушедших на фронт мужчин заменяли женщины, а работу полегче выполняли старики и дети. Вскоре и я стал приобщаться к работам в колхозе. Первая моя работа была пасти телят. Для фронта от сельского хозяйства требовались овощи. Каждому колхозу было дано задание сдать государству определённое количество овощей. Как и во всех хозяйствах, в «Добровольце» был огород, где выращивали капусту, лук, морковь, свеклу и другие овощи, а школьники ходили туда полоть грядки, убирать урожай.

На всю жизнь мне запомнился случай, когда мы убирали лук. Набрав кучу лука, мы, в основном дети со старшим бригадиром, усевшись вокруг кучи, обрезали

Жидков
Иван Степанович

перо. Инструмент для работы был скудный, у меня был обломок от косы-горбуши, вместо рукоятки намотана тряпка. Я взял луковицу в ладонь и с размаху отрубил перо. Не рассчитав немного траектории, задел за сгиб пальца. Пошла кровь. При виде крови все дети плачут, и я под смех своих сверстников громко плакал. И надо же было угадать, в такой момент пришла учительница из школы, успокоила меня и сказала, что завтра

первое сентября и мне надо прийти в школу в первый класс. Это было 31 августа 1943 года.

Затем нам стали доверять лошадей. Первой работой на лошади было боронование. Запрягать лошадей мы ещё не могли, помогал конюх. Возили навоз на поля, возили сено на волокушах. Пасли лошадей в ночном, а утром снова на работу. Работали весь световой день. Помню, был распространён лозунг, который относился и к нам, подросткам: «Комсомольцы и комсомолки, Родина и фронт дают вам наказ - работать от зари до зари, убрать весь военный урожай своевременно и без потерь».

Работали все, старый и малый. Был призыв: «Всё для фронта, всё для победы!». Моя мать, Анфиса Алексеевна, была награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны». Каких-то сведений о других награждённых у меня нет, но хорошо помню, как ученик нашего четвёртого класса Лёня Лысов из деревни Мармышане пришёл с медалью «За доблестный труд».

После окончания четвёртого класса мне и другим подросткам доверили летнюю вспашку.

Для защиты Ленинграда советскому командованию потребовалось большое количество войск Красной Армии. В этом наборе военнослужащих и был призван мой отец Жидков Иван Степанович. Он отправился на фронт в августе 1941 года, а в декабре погиб, защищая Ленинград. С фронта пришло всего три письма. Дома всё изменилось. Мама овдовела, дети осиротели, бабушку парализовало. Так круто изменилась жизнь не только у нас, но и у многих семей по всему Советскому Союзу.

Тяжелое было послевоенное время. Особенно трудно пришлось в 1946-1947 годы, ели песты, собирали шавель, клеверные головки. В колхозе давали муку примерно 250 грамм на человека. По деревням ходили нищие (дети, старухи), но местное население не сбирало. В колхозе работали за трудодни, выходных не было. Одежда была портяная, зимой ходили в валенках. Лапти наше поколение не носило. Мылись щелоком. В дефиците был керосин. Керосиновые лампы зажигали, когда ужинали или что-то делали по дому. Налоги в деревне платили молоком, яйцами. Платили налог на землю. Все плодовые деревья и кустарники на участке были описаны. Собранный урожай сдавали государству.

В школу ходили через лес с факелами. Школа была в селе Шалегово. В школе учились в две смены, потому что классы были переполнены. Приходили учиться ребята и девочки из оричевской начальной школы, деревни Залесье, Смирновы, частично из деревни Огородники. На класс давали 2 керосиновые лампы. Одна лампа стояла у доски, а другая посередине класса. В школе не хватало тетрадей, учебников, художественной литературы. Писали чернилами на старых книгах между строк. Новые тетради давали только на «чистописание».

После 7 классов пешком пошёл поступать в Халтуринский с/х техникум. В Оричах переночевал у брата. И утром отправился дальше в путь. Дорога от Зенгино до Халтурина проходила через лес. Когда я шёл по лесу, меня догнала грузовая машина, и шофёр предложил подвести. Я сел в кузов, а в кузове было три бочки с повидлом. Одна бочка была разбита. Шофёр сказал, что можно есть повидло и отломил от своей буханки кусок хлеба. Я наелся этого повидла на всю жизнь. Только после выхода на пенсию решил его снова попробовать.

Во время войны и послевоенное время я не видел военнопленных немцев, но

брат Гена их видел в Оричах, когда они очищали улицы от снега и сгружали его на сани, а затем куда-то вывозили.

Жидков А.И., 1936 г.р., пгт. Оричи

Жаворонков И. С. «Остались очень тяжелые воспоминания о страшных лишениях...»

*Жаворонков Иван Степанович
04.09.1914 – 11.03.1988*

Родился и вырос в дер. Помаскины Оричевского районана. Его отец Степан Семенович был участником I Мировой войны. В 1922 г. он умер от брюшного тифа в 33-летнем возрасте. Сыну Ивану было всего 8 лет, а жене Александре Яковлевне лишь 29 лет.

Немного повзрослев, лет с 14, Ваня начал подрабатывать, помогая оричевскому киномеханику. Кинопередвижку с большой радостью ждали люди от мала до велика во всех окрестных деревнях, ведь кино — это «окно» в большой мир! А для юного Вани это еще и «свои университеты».

С малых лет мальчик увлечен ещё и рисованием. Только вот получить образование ему не довелось. Он единственный сын у матери, и появившаяся возможность обучения в Ленинграде (1930г.) была отвергнута - а кто пахать будет? Да и верно: без мужских рук вдове управляться с хозяйством, и в колхозе, и дома, было почти невысказано. Мечта отступила. Зато возможность заниматься любимым делом всё-таки появилась: в 1935 году Иван начинает работать художником-оформителем в Оричевском Доме культуры. А так как природа наделила Ивана еще и артистическим даром, то он с большим интересом участвует во всех постановках драматического кружка (ныне народный театр Оричевского РЦКД). В ту пору, в 1935 году, постановщиком спектаклей была Бауман Матильда Яковлевна, в прошлом актриса драматического театра. С благодарностью и восхищением вспоминал Иван Степанович режиссера М.Я.Бауман, ведь опыт игры в спектаклях был также хорошей школой саморазвития.

*Семья Вылегжаниных
слева направо: Иван
Степанович, дочь
Людмила, Валентина
Михайловна*

Война... В памяти Ивана Степановича остались очень тяжелые воспоминания о страшных лишениях и голодных смертях людей в глубоком тылу, т.к. в 1942 г. он был мобилизован в трудовую армию г.Курган Пермской обл. по состоянию здоровья. Но, благодаря отчасти своей востребованной для того времени профессии, ему

посчастливилось вернуться живым в родные Оричи. С лета 1944 по 1949 г.г. он снова работает в ДК художником. Из них полтора года на должности директора.

В 1947 г. женится на учительнице начальной школы из деревни Помаскины В.М. Вылегжаниной. В 1948 родилась дочь Людмила.

С 1951 по 1958 г.г. семья проживает в пос. Чепецкий Зуевского р-на. Иван Степанович заведующий и художник местного клуба. В памяти жителей поселка

остались благодарные воспоминания об интересной и разнообразной работе клубных кружков и особенно постановках драмкружка, где Иван Степанович был постановщиком спектаклей и исполнителем разноплановых ролей. В репертуаре были и русская классика, и пьесы современных авторов. Зрителями бывали жители и других населенных пунктов.

По семейным обстоятельствам в 1958г. переезд в г. Нововятск. Иван Степанович — директор вновь открывшегося Дома культуры «Россия» лыжного комбината, а с 1960 г. - художник-оформитель. Свои непосредственные обязанности он вновь совмещает с организацией репетиций и участием в драмкружке. Дом культуры тех лет был центром культурной жизни небольшого городка, отличался разнообразием кружков и сильной художественной самодеятельностью

Вклад Ивана Степановича в работу Д.К. - это его художественное оформление и снаружи, и внутри, всегда красочно и изобретательно решенное. Удивительно оформленная декорациями сцена нередко встречалась аплодисментами зрителей. Фасад же сверкал яркой иллюминацией и мастерски исполненными большими панно. В 1975 г. он завершил работу в Д.К. «Россия».

Несомненно, Жаворонков И.С. - это яркий самородок оричевской земли, И если бы не времена, тяжелые и мятежные, мальчик Ваня достиг бы ещё больших вершин художественного мастерства.

Жаворонкова Л.И, с. Спас – Талица – г. Киров

Зубарева (Головина) И. «Гордимся тем, что мы - их частичка»

Время летит быстро, и сейчас уже мы достигли возраста наших бабушек. Хочется оглянуться назад, в шестидесятые, где каждое лето мы проводили в с. Спасо - Талице в семье Вылегжаниных, наших бабушки и дедушки. Но мы, послевоенные дети, тогда и не задумывались о том, как жили наши родные в любимом селе в ту грозную пору войны.

*Анфиса Даниловна,
1919 год*

В семье Михаила Григорьевича и Анфисы Даниловны, людей уважаемых, добрых, честных, трудолюбивых, было две дочери: Валентина, сельская учительница, и Нина, ещё школьница; а также невестка Пелагея Ивановна с дочкой Тоней тринадцати лет и взрослым сыном Сашей. Вскоре к ним переехала, после гибели мужа, и родная сестра бабушки Анфисы Анна Даниловна Митькиных. В годы войны она работала в школе с. Спасо - Талица, а в мирное время трудилась в Оричевской МИС. Саша погиб в первый год войны. Летом 1942 г. дочь Валентина была мобилизована на

Балтийский флот, где с честью служила радисткой до мая 1946 г. Нина, окончив школу, работала в Оричах на почте. После войны на юной красавице женился офицер Иван Головин, и молодая семья моих родителей уехала в город. Тоня окончила 10 классов в Оричах. Писать тогда приходилось на старых книгах, а возвращаться в Спасо - Талицу после третьей учебной смены около полуночи. Но

*Анна Даниловна,
40-е годы*

рвение к учёбе не ослабевало, и Тоня продолжила учительскую линию семьи.

В тревожное время начала войны семья Вылегжаниных, как и весь народ, трудилась не покладая рук, чтобы обеспечить страну и фронт всем необходимым. Все тяготы легли на женские и детские плечи. Анфиса, Пелагея и Анна брались за самую тяжёлую работы, и дочери-школьницы были незаменимыми помощницами. В пору сенокоса Анфиса в лугах кормила всю бригаду. И в этом она была мастерица. Михаил Григорьевич в составе бригады охотников обеспечивал население села мясом, рыбой, дровами. Был он характера сурового, но пользовался уважением: его опыт, ум и крестьянская смекалка часто выручали в решении насущных проблем села.

Вот на таких людях держалась страна.

Мы с сёстрами и нашими детьми с болью в сердце вспоминаем о тяжёлых судьбах родных и гордимся тем, что мы - их частичка. Мирное небо над нами – это заслуга в том числе и большой семьи Вылегжаниных.

Зубарева (Головина) Изольда, г. Киров.

Хохлов Н. «Великая Отечественная война в памяти моей семьи»

Совсем немного времени осталось до всенародного «праздника со слезами на глазах» - юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Мы, не жившие в ту суровую пору, узнаём о ней из книг, с уроков истории, из воспоминаний очевидцев. Дорогой ценой оплачена эта Победа. В ту войну только по официальным данным погибло около 20 миллионов, а на самом деле - гораздо больше. Но, так или иначе, нет в России (как и на Украине, и в Белоруссии) ни одной семьи, не заплатившей невосполнимой данью за общую Победу.

И нашу семью эта жестокая война не обошла стороной.

Папа рассказывал, как воевал его дед, Афанасий Николаевич Хохлов. До революции мой прадед учился в гимназии, имел каллиграфический почерк. В 1942 году, будучи уже зрелым мужчиной, он был призван на фронт. Очень красивый почерк сыграл важную роль в военной судьбе Афанасия Николаевича: служить его определили в штабе, в должности писаря. Работы было очень много, он часто засиживался до поздней ночи. Не смотря на то, что штаб находился в тылу наших войск, там часто были и бомбёжки, и артиллерийские обстрелы. На глазах у прадеда гибли люди, часто он видел и тяжёлые ранения. Однако он верил, что с ним ничего не случится - просто не должно, ведь дома его ждала любимая жена Мария Петровна и девять детей.

В конце лета немцы прорвали фронт и напали на деревню, где находился штаб полка. Прадед рассказывал: «Когда началась стрельба, мы выскочили из штаба и побежали огородами к лесу. Когда я перепрыгивал через плетень, в ногу ударило, как будто кто-то стукнул тяжёлым железным ломом. Я упал, но сразу же вскочил. Преодолевая жуткую боль, доковылял до леса. Там меня подхватили двое товарищей, и мы быстро скрылись в лесу. Всю ночь мы блуждали, моя нога горела огнём. Ранним утром наткнулись на своих. Меня отвезли в госпиталь, сделали операцию и отправили в тыл».

Прадед провёл в госпиталях больше года, но нога никак не заживала. Его комиссовали и отправили домой, в деревню. Семья жила тяжело: голодали и взрослые, и дети. Их мать работала на торфоразработках, грузила торф в вагоны.

Дети (старшему было 17 лет) сами управлялись с хозяйством, собирали грибы и ягоды, работали в огороде, ухаживали за коровой.

В конце 1943 года старшего сына, Александра, забрали в армию. Дядя моего отца, Александр Афанасьевич Хохлов, отлично учился в школе, свободно владел немецким языком, был сильным и ловким. После курсов в разведшколе его направили в дивизионную разведку переводчиком. Часто ходил он в тыл врага. Весной 1944 года группа разведчиков, где был и Саша, наткнулась на засаду. Это случилось недалеко от г. Пыталово, что рядом с границей Латвии. 27 марта 1944 года весь отряд разведчиков был разбит врагом. На месте этого боя находится братская могила с обелиском, на котором золотыми буквами начертаны имена павших смертью храбрых. Есть там и имя Хохлова Александра Афанасьевича. Его отец дожил до 80 лет. Каждые пять лет ездят на могилу к Александру его сестры и братья.

У моей прабабушки по маминой линии было одиннадцать детей. Самой старшей из них была моя бабушка, Бажина Александра Фёдоровна, нынешней осенью ей будет уже 85 лет. Незадолго до войны окончила она Кировское медицинское училище, начала осваиваться с работой участкового фельдшера в городе Белая Холуница. Здесь и застала война молодую девушку. 10 апреля 1942 года была призвана на фронт. Вместе с ней в вагонах, направлявшихся на войну, ехало много её ровесниц. Часто вспоминает она, как молоденьких девушек облачили в военное, непривычное для них, обмундирование.

Служила Александра Фёдоровна младшим лейтенантом под Москвой, в войсках, обеспечивающих противовоздушную безопасность столицы.

Трудно было девушкам в военных условиях: жили в землянках, недоедали, зимами мёрзли. Часто немцы бомбили, но, к счастью, в тот городок, где находилась их часть, ни одна бомба не попала. Восьмой прожекторный батальон, где служила моя бабушка, следил за небом над Москвой, не пропуская вражеские самолёты. Позиции прожектористов стояли вдоль Калужского шоссе до самого Подольска.

Моя бабушка Шура лечила военных, следила за санитарным состоянием в пищеблоке. Часто она вспоминает, как возила в госпиталь Москвы командира взвода, лейтенанта Кальченко. У него произошёл нервный срыв, пошатнулось психическое здоровье. Когда они уже были в столице, он сбежал из машины и скрылся в толпе. Бабушка проявила находчивость и смекалку: она всё-таки выследила Кальченко в толпе, и его преследовала. Почти целый день ходили они по городу. Когда она пыталась звонить в свою часть, лейтенант не подпускал её к телефону. Наконец, ей удалось связаться со своими. Медицинская машина не заставила себя ждать. Начальство за проявленную находчивость и смелость выразило свою благодарность бабушке.

Об окончании войны узнала Александра Фёдоровна от своего комсорга, Гудимовой Надежды, с которой жила в одной землянке. Надя была родом из Минска. Отец её всю войну был в партизанском отряде, мать зверски убили немцы, сестра была увезена фашистами в Германию. Надя очень тяжело переживала потерю родных. Когда услышала крик из соседней землянки, что война кончилась, то даже не поверила своим ушам. Потом она разрыдалась от счастья. В землянке после этого начался переполох. Такой буйной радости бабушка не припомнит за всю жизнь. Она рассказывает: «Что творилось! Кто плакал, кто смеялся, кто подпрыгивал от избытка чувств на полу, на кроватях, к потолку летели подушки, все целовались, обнимались». Потом командиры приказали всем собраться на

площади на митинг, где торжественно объявили об окончании войны.

Бабушкина дивизия была направлена на Ленинские горы для проведения салюта. Этот победный салют был настолько красив, что трудно описать словами. После этого над Кремлём поднялись самолёты, из горящих лампочек на их бортах высвечивалось слово «Сталин».

Через несколько дней началась демобилизация. Александру Фёдоровну оставили на службе как офицера. Только в июле 1946 года она вернулась домой, к родным.

Дедушка по маминой линии, Вылегжанин Пётр Григорьевич, был призван на войну в 1942 году, когда ему было 30 лет. Он сражался на Волховском фронте, где шли очень жестокие бои. Пётр Григорьевич был связистом на передовой. Наша армия в то время была оснащена намного хуже немецкой. Он рассказывал, как иногда после боя наши солдаты разували убитых немцев и забирали их сапоги. Дедушка говорил, что в бою страх придавал невиданные силы. Воевал он всего пять месяцев, потому что был тяжело ранен в левую ногу. Долго лечился в военном госпитале, потом, до самого конца войны, находился дома в деревне, где его мать ухаживала за ним, меняла повязки, промывала раны. Дедушка остался инвалидом, но дожил почти до восьмидесяти лет.

Бабушкин брат, Бажин Павел Фёдорович, был совсем молодым девятнадцатилетним пареньком, когда, после окончания танкового училища попал на Сталинградский фронт. Ему недолго пришлось воевать: через несколько дней Павел погиб, сгорев в своём танке. Он похоронен в братской могиле на балке Взрубной под Волгоградом. Моего старшего брата назвали в честь погибшего дяди Павлом.

Из всех моих воевавших родственников я знаю только бабушку. Она дожила до великой даты в её жизни, а также и в жизнях миллионов других людей, шестидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне.

Память о погибших в те годы всегда будет жить в наших сердцах. Мы все - дети той далёкой войны, вне зависимости от возраста. Всё-таки, Великая Отечественная в истории России была особенной войной: даже трудно представить, что было бы со всем миром, если бы не было в истории этой даты - 9 мая 1945 года.

Хохлов Н., записано в 2005 году, п. Лёвинцы

Широнина А. М. «Женщины работали на износ»

Наша мама Буторина Софья Васильевна родилась в 1901 году. Ее девичья фамилия Стойлова. Ее мама Стойлова Анна Кузьмовна и ее брат Стойлов Иван Кузьмич, тот самый, что вывел истобенскую породу коров. Это был эрудированный в животноводстве человек, работал главным зоотехником, к людям относился с уважением. Это наша бабушка и ее брат. Я родилась 5 июля 1938 года. Моя сестра Лия старше меня на 2,5 года. Мама работала в Истобенске сначала библиотекарем, а потом учителем начальных классов. Отец, Буторин Михаил Александрович, был заведующим школой. Оба вели уроки в начальной школе, но не в Истобенске, а в Засижемье и Мякишах. Был еще брат Юра, который умер 2-х лет от роду. Отец умер, когда мне было всего полгода, он был сердечник.

Аля и Лия с папой
Буториным М.А.

Мама осталась одна с нами: Лией и мной. Мы жили в большом доме, (13 окон было) 2 половины, капитальной стены не было, были заборочки. Дом большой, надо было топить печь весь день. А где взять дрова? Мама, по состоянию здоровья, не могла из-за реки на санках притащить столько дров. И вот начались наши мытарства. Летом мы жили дома, а на зиму уходили куда-нибудь жить (к жителям села). Мама расплачивалась всем, что могла сделать: вязала, шила, дрова приобретала и работала у них. А когда мы стали взрослее, тоже делали все, чтобы выжить. Убирали в полях урожай. Каждое хозяйство должно было в поле убрать свой участок - сжать хлеб. Жали серпами, складывали в снопы, мама потом их завязывала. Зарабатывали и тем, что дежурили на пожарной каланче. Каждое хозяйство должно было отдежурить 6 часов. Каланча была высокая. Но не все могли туда забраться: кто болел, а кто старый. Мы нанимались с Лией и мамой, бывало, дежурили по 24 часа сразу. Спать было нельзя, да и негде, надо все время было стоять и смотреть. Ночью на высоте, в кромешной тьме – страшно. А еще было введено дежурство на улице (о порядке); дежурили с 10 до 4 часов утра. Караульную доску переносили от дома к дому. В сельсовете было введено дежурство. Телефонов тогда у людей не было – а надо было кому-то что-то сообщить. Вот этот дежурный и носил кому надо записку из сельсовета. Мы с сестрой тоже там были и помогали.

Мама вязала кружева, салфетки, носки и другое, кому надо покупали, были заказы от людей. Помню случай. У мамы не было денег, чтобы купить хлеба, пошли одалживать у женщины, Валентины на 4-й улице. Лия бежала впереди, я за ней, а мама сзади. Прошли каменный дом, и тут я упала и рассекла коленку. Плачу, кровь появилась на коленке. Мама наклонилась, стала искать листок подорожника, чтобы приложить. Протянула руку, а тут бумажка зелененькая. А это 5 рублей, деньги. Надо же так! Что это? «Девки, мы живем! Кто же это потерял, наверное, плачет, переживает, кому отдавать? Пойду куплю хлеба и похлебку сварим». Я упала именно тут, у денег, а не где-то в другом месте. Лия ведь пробежала и не видела. Я еще была очень мала тогда. Это Бог дал. Опять можно жить. У нас уже тогда и картошки-то не было. Ходили, собирали мерзлую в поле и ели. Варили зерно целое в воде, так и ели. Иногда пропускали через мясорубку, и получалась каша. Варили кашу завариху: заваривали муку в горячей воде, получался клейстер. Сдабривали это все рыбьим жиром. А те 5 рублей лежали на расстоянии вытянутой руки. Не странно ли это? Но это было так. В этот год мы жили у себя дома. Мамапустила к нам людей, нуждающихся в жилье. Жило 5 человек взрослых и 8 детей, всего 13 человек. Мама ни с кого ничего не брала. Просто помогали дровами, чтоб было тепло.

В стране была разруха, всего мало. Все мужики на войне. Женщины работали на износ. Зерна было мало, отправляли на фронт. Хлеб распределяли по карточкам, не помню, по сколько грамм на человека. Кто не выкупил сегодня, на другой день уже не было права получить. И вот, однажды, мама принесла этот кусочек. Буханку разделила на 3 части: себе поменьше, а нам побольше. А я захотела подольше протянуть удовольствие. Лия съела сразу эту кроху. А у нас была одна курочка. Она ножку отморозила, прыгала на одной ноге в комнате. Мама ее принесла, чтоб

не погибла. Она сообразила скорей меня. Я сидела на табуретке у буржуйки (печки) и руку с хлебом опустила. А курочка не будь дура, подскочила и «хоп» у меня этот кусочек. Мы бегать за ней, а она от нас под стулья. Когда поймали. То хлеба у нее уже не было - съела.

Летом мы нанимались на работу: пололи борозды, поливали грядки, копали картошку и очень бережно ее клали в ведро, как «яичко». Помню, как чистили огуречную яму под горой. Это была яма родителей Эльвиры Николаевны Мосуновой. Воду из ямы вычерпывали ведрами на веревках, а когда воду вычерпали, то мама из ямы осадок в ведра лопатой складывала, а мы принимали, вытаскивали, выливали. Тяжело очень. Хозяева наняли нас чистить эту яму. В яме родники бьют. Вода сочится снова. Мы ее отливаем, а она снова набирается.

Помню, как пилили дрова для чайной, т.е. буфета, который был на площади в помещении пожарки. Бревна лежали на снегу. Мама и я, закутанная в большую шаль, завязанную впереди на пузе узлом, стоя на коленках, дергали двуручную пилу, т.е. «дружбу». Какая у меня была сила тогда? Я дерг, дерг, а пила гнется и не движется. Но как-то домаяли. Распилили все же. Так она и колола ведь.

Всю работу черновую по дому у бабушки и дяди Вани выполняла мама и мы. Вся посадка, прополка, уборка. Дядя Ваня был занят своей работой на ферме по выведению породы скота «истобенка». Его дома практически не было. Мы снимали огурцы, солили в бочки, а потом на тележке везли эти бочки под гору. В огуречную яму. А бочек было много, по 30 штук за сезон.

Мама всю свою жизнь за существование билась как рыба об лед. Бралась за любую работу. Она была грамотная. У нас было много книг, читали их, из библиотеки приносили. Читали вслух, по очереди. У нас была балалайка. Мама хорошо на ней играла и пела романсы. Было так хорошо. Мы часто друг друга веселили, хохотали, обсуждали книги. И жизнь казалась хорошей. Мама сочиняла стихи, частушки. Мы тоже что-то сочиняли. У мамы было «Евангелие». Она его читала и нам рассказывала.

Летом ходили в лес за грибами и ягодами. Было холодно и голодно. Но мы хохотали, друг друга веселили, смеялись, иногда, сами над собой.

Всю жизнь я проработала в детском саду. Сначала в Истобенске, потом, будучи уже замужем, уехали в Москву, и там тоже работала воспитателем в детском саду. В настоящее время живу в деревне Ярыгины, Истобенского сельского поселения.

Широнина Алевтина Михайловна, 1938 г.р., д. Ярыгины

Мошкина Р. В. «9 мая 1945 года шел дождь. Это был плач небес»

В семье было 5 человек: отец, мать и трое детей: две девочки и один мальчик. Жили только на кухне, чтобы не топить весь дом. Спали вповалку на полатах, на соломенных матрасах. Свет - лампочка небольшая, светила только под носом. Когда началась война, отца взяли в трудовую армию, так как у него был порок сердца. Мне было 7 лет, а сестре - 4. Когда отца провожали, ее унесли к соседке – Анне Петровне.

Вскоре к нам пришла жить старушка тетя Люба, так как она была старенькая и одна уже жить не могла. Был налог на молоко и яйца. Тетя Люба налог не заплатила, она никого не держала, у нее ничего не было. Ее засудили. Мама увезла

ее в Киров на суд, ее осудили и посадили в тюрьму. Там ее полностью раздели, даже с лаптей сняли шнурки. Через некоторое время пришли представители и к нам, чтобы описывать имущество, которого не было. Мы молоко сдали, так как у нас была корова, а яйца нет. Так сказали, что будут судить. Мы с сестрой Ниной сидели за печкой и плакали. Мама где-то заняла яиц и заплатила налог и судить не стали. Летом работали в огороде, корову гоняли, выращивали табак. Была специальная машинка, которой его резали. Ходили и меняли его на деньги или кто чего даст.

Картошки досыта не было. Ели суп гороховый с подсолнечным маслом. Иногда кушать ходили к тете в Суричи, там могли картошки поесть досыта. Варили раков, ловили рыбу, мальков и ели.

Когда учились в школе, тетрадей не было, и писали на газетах и книгах. Было старенькое собрание сочинений Салтыкова – Щедрина (рвали его).

Мама работала в школе техслужащей. Мы ходили к ней на работу – помогали мыть пол. Техслужащие сами заготовливали дрова: пилили, кололи, складывали.

Появилось кино. Денег сходить не было, а так хотелось! И вот киномеханик Синцов Николай, дал нам две синенькие бумажки (билетики) и пригласил нас. Когда мы проходили, то так боялись и стыдились. Но все обошлось!

В село приехали ленинградские дети. Они учились с нами. Мы не знали чем им помочь, и каждый день носили им лук, и они его ели.

Вся работа легла на женские плечи. Они плавали на лодках и ловили бревна, которые плыли по реке, собирали их на дрова. Косили, за это давали сено на зиму, это спасало (кормить корову). Жили очень дружно, объединялись все вместе. Любили, когда соберутся у кого – нибудь в доме петь тоскливые песни, гадали на блюдечке.

Игрушек не было, одежды тоже. Мама перешивала старые платья, распускала старые кофты и вязала носки.

Первые, кого взяли на войну, почти все погибли. Приходили частенько похоронки.

9 мая 1945 года шел дождь. Это был плач небес. После войны вернулся домой отец. Я запомнила: сидит на пороге амбара скелет и зовет нас с сестрой, а мы боимся к нему подходить. О том, что отец пришел, нам сказали, и мы прибежали из школы. Отец рассказывал о том, как люди на заводах умирали.

Мошкина Римма Владимировна, 1934 г.р., имеет высшее образование, она врач-терапевт. Работала в г. Кирове, поликлинике №1. В настоящее время живет на родине, в селе Истобенск.

Смирнова Н. Н. «Отец так и не вернулся домой, погиб...»

Я, Смирнова Нина Николаевна, родилась 18 июня 1942 года в деревне Цепели, Спас-Талицкого сельсовета. Когда отец уходил на войну, меня ещё не было, старшая сестра была маленькой, она с 1940 года. Папа несколько раз приезжал домой по ранению, потому я и родилась. Мама была совсем безграмотная, ни дня не училась в школе, от отца приходили письма, так соседка читала. Она же и ответы писала под диктовку, а мама иногда несколько слов печатными буквами приписывала.

Отец так и не вернулся домой, погиб на фронте. В марте 1945-го ещё от него было письмо, последнее. Когда война закончилась некоторые из соседей пришли домой, немногие правда, а нам позднее пришла похоронка. Похоронен он в Польше, в братской могиле. Съездить поклониться туда мы не смогли, так как мама неграмотная, надо было с нею кому-то ехать, а денег-то и на жизнь едва хватало. Тогда работали за трудодни, на которые выплачивали копейки и те уходили на налоги, на питание ничего не оставалось, приходилось и травку есть. Наберём пестовника, мама наскребёт крохи муки, испечёт каких-то лепешек, они чёрные и разломить их невозможно.

А работать я начала с 10 лет. Работали всё вручную, да на лошадях: косили, жали серпом, картошку выпашут лошадьё, а мы её потом лопатами вырываем и собираем. В школу ходила в обносках после сестры и с портяной сумкой. Если есть хлеб, дадут кусочек с собой, ела с удовольствием на перемене. До школы надо было преодолеть путь в 3 километра, а морозы тогда были под 40. И снегу наметало по пояс, трудно было порой добираться.

Когда подросла, закончив 7 классов, хотела в Киров поступить учиться, но бригадир не дал справку на получение паспорта, раньше очень сложно было его получить, а без него не принимали на работу. В школу я уже опоздала подать документы, так и пришлось в колхозе остаться работать. Не считались тогда, сколько тебе лет, посылали и на тяжёлые работы, и мешки таскать по 50 – 70 килограмм, и на лошади работать. Днём на работе, а вечером ходила училась. С горем пополам закончила вечернюю школу, потом вышла замуж.

Некоторое время жила в Богородске, работала кладовщиком и в СЭС (санэпидстанция) там и выучилась на младшего медика, после чего вернулась обратно домой и уже здесь продолжила работать в СЭС. Вышла на пенсию в 1997, общий трудовой стаж у меня 43 года.

Смирнова Н.Н., 1942 г.р., пгт. Оричи

Татарина З. Н. «Подошва обуви была привязана веревками»

Когда началась война, наша семья жила в городе Боровичи, Новгородской области, а я была совсем маленькой, поэтому, как всё было, не помню. Но вот о жизни после войны уже кое-что знаю. Когда рассказывала внукам о своём детстве, они всё просили рассказать сказку о том, как мы жили раньше.

Семья наша была 6 человек. Отец – инвалид 2 группы, мама – инвалид 2 группы и четверо детей. Отец работал мастером по пошиву мужской одежды в ателье. Мама была домохозяйкой, так как последний ребёнок был инвалидом детства. Во время войны в школе у нас был госпиталь, учиться я пошла в 1951 году. А вот сестре, она с 1935 года, пришлось учиться. Из рассказов мамы помню, что она ходила в школу и подошва обуви была привязана веревками. Жили мы бедно, не всегда могли купить хлеба, творог разводили водой. Иногда мама сварит 10 блюд овсяного киселя, а так как молоко было не всегда, то ели и с растительным маслом. За сахаром были очереди, мама с вечера занимала очередь у магазина, нас всех утром поднимет в 6 часов и отправит. Давали по 1 кг. на человека. Купим, по куску дадут и, довольные, бежим в школу.

Денег систематически не хватало, ходили занимали у соседей и всегда во время отдавали. Если подойдёт срок отдачи, а денег нет, то занимаем, у кого не

брали и отдаём тем, которым должны. И за нашу честность нам никогда не отказывали.

В 1951 году умер единственный наш кормилец – отец, маме дали пенсию 22 рубля. Надо как-то выживать. В ателье взяли сестру, выучили на швею, потом, благодаря добрым людям, устроили брата на электрика, дома жили квартиранты – в одной комнате две чужие семьи. И друг другу не мешали. Первое пальто мне сшили в 16 лет, а до этого носила обноски – кто что даст. Потом мама научилась шить самоучкой.

После окончания 7 классов я поступила в Боровичский горно-керамический техникум на специальность техник-технолог силикатной промышленности. Иногда придя из техникума, если нечего было есть, ела тюрю – в воде мочили хлеб, добавляли луковицу и растительное масло. В то время люди были добрее друг к другу и старались помогать, кто чем может, а маму слушались с первого раза.

По распределению попала на Стрижевский силикатный завод, вначале была лаборантом, потом мастером. Сейчас вроде бы живём по сравнению с тем временем лучше, но не хватает общения. И если бы были деньги, я бы ещё попутешествовала.

Татарина З.Н., 1944 г.р., пгт. Орчи

Ковалёва Н. Я. «Воспоминания из далекого прошлого»

Я, Ковалева Нина Яковлевна родилась 17 января 1937 года, в деревне Аверинцы, в 10 километрах от города Кирова, тогда это был Кирово-Чепецкий район. Сейчас это черта города Кирова, Октябрьский район.

Родилась я в простой крестьянской семье, была пятым ребенком. Мама Матрена Дмитриевна была безграмотной, папа Яков Лаврентьевич имел образование 2 класса церковно-приходской школы. Старшая сестра Таисия 1923 года рождения, брат Филипп 1925 года рождения, брат Иван 1928 года рождения, сестра Маргарита 1932 года рождения и я, самая младшая (в 1942 родилась еще сестра) Все кто постарше работали в колхозе.

Я хорошо помню день, когда Филипп уходил в армию, зимой 1942 года, это было в январе. В то время застолий никаких не делали, но пришло много его друзей провожать. Был в компании гармонист – Василий, он хорошо играл на гармошке, а брат плясал и пел частушки. Я никогда не видела, чтоб он так плясал. А все сидели, плакали: и друзья и соседи. Я была на большой русской печи и тоже плакала. После посиделок молодежь уехала кататься по деревням, так было принято. Председатель выделил лошадь. Как только молодежь уехала, к маме пришла соседка и стала ругаться: «Зачем взяли мою лошадь? Вот Филипп идет на войну, так пусть первая пуля будет ему в лоб». Лошади были закреплены за теми, кто на них работал. Мама бросилась на колени, заплакала: «Степаня, побойся Бога, что ты говоришь! Ведь твои-то тоже воюют». Но соседка, хлопнув дверью, убежала. Ребята вернулись, а мама все плакала и молила Бога, чтоб он вернулся.

Филипп прошел всю войну, до 1945 года. Когда объявили об окончании войны, он потом рассказывал, их стали переключкой проверять. Потом погрузили в товарные вагоны, конечно, все думали, что поедут домой. А оказалась их повезли на Дальний Восток, на войну с Японией. Брат вернулся домой только в 1949 году. Он служил на подводном катере. Когда он вернулся домой, мама упала ему в ноги и благодарила Бога, за то, что он вернулся.

Про отца я помню совсем немного. Знаю, что он воевал, получил ранение, был комиссован и работал председателем сельсовета. Потом отец уехал работать в город Киров, мама осталась в деревне. Не смогла расстаться с коровой. Я жила с отцом и училась в городе до четвертого класса. Мама никак не хотела переезжать в город, и отец вернулся в деревню, занимался столярным делом, работал в колхозе.

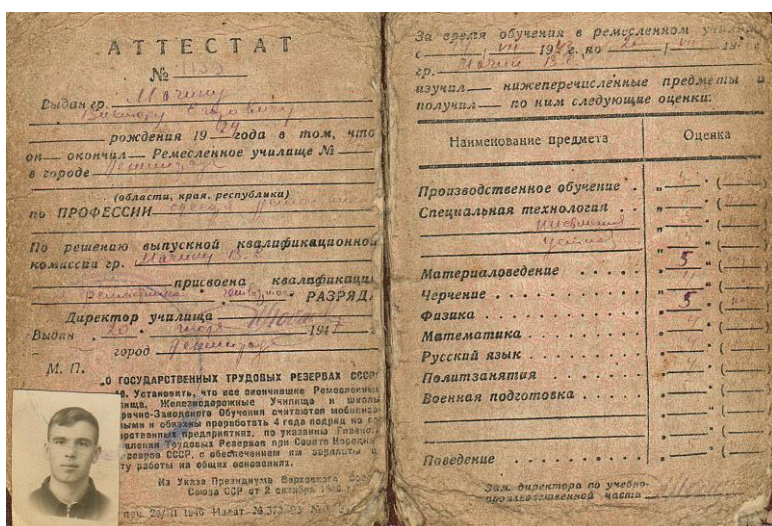
Мы все выросли. Нашу семью война пощадила, все остались живы. Но родственников погибло очень много.

Ковалёва Н.Я., 1937 г.р., п. Лёвинцы

Мачин В. Е. «Возил немцев на машине ЗИС-5»

Когда началась война, наша семья жила в Тамбовской области, в городе Кирсанове. Папу сразу призвали на фронт, я учился в школе. Было очень голодно, и зачастую нас спасала похлёбка «Хряп», которая состояла из мёрзлой картошки и Kochерыжек.

После окончания 7 классов, в мае 1943 года, меня, 13-летнего, мобилизовали и

отправили в Ленинград. В городе дома были разрушены, на стенах уцелевших написано: «Осторожно, улицы подвергаются миномётному обстрелу». Жил в общежитии на Васильевском острове, на 8 линии, в трёхэтажном здании, половина окон в котором была забита фанерой, очень холодно было. В выходные собирали за городом овощи, искали патроны, оружие, сдав которые в ДОСААФ, получали

в награду сладкое суфле.

Учился в ремесленном училище, делали подставки – заливали основание под токарный станок, вкалывали за взрослых. Еду выдавали по карточкам. При училище был оркестр, в котором я играл на альте. В составе этого оркестра маршировали по Дворцовой площади, когда отмечали праздник. А праздником было освобождение войсками Красной армии какого-нибудь города.

Поехали из Ленинграда в сторону Петродворца, по дороге увидели - грузовик забуксовал, наехал на мину, взорвался, шофёр погиб. Там был ДОСААФ - Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту, здесь нам предложили поучиться, готовили саперов. А потом выучился на шофера.

В 1947 году поступил на второй Ленинградский завод слесарем, а в 1948 году перевели стажёром в транспортный отдел. Когда перевели, там были пленные немцы, мне поручили возить их на работу и с работы. Возил их на машине ЗИС-5. Они жили в бывшей больнице.

Ушёл в армию в 1949 году, служил до 1953, четыре с половиной года. Закончил школу младших специалистов, направили служить в Латвию, в город Тукумс на военный аэродром. На ночь оставался за старшего, отвечал за людей и технику. На вооружении тогда были реактивные самолёты ЯК-40. В качестве

пассажира один раз даже летал на нём. Работал на прожекторе – выезжали на машинах, освещали полосу. Она была грунтовая, ставили решётки, чтобы самолеты не вдавливались в землю. Запомнилось – когда умер Сталин, нас построили на аэродроме и объявили.

После армии вернулся в Кирсанов, там жили мама и сестра. Работал слесарем, а потом переехал в Горький, в 1958 году, по совету сестры, прошел конкурс и поступил в Горьковский мединститут. Распределили в Нолинск, а с 1964 года – в Оричах, врач – рентгенолог.

Мачин В.Е., 1929 г.р., пгт. Оричи

Даровских С. К. «У кормушки уснём вместе с коровой»

Наша семья жила мы в деревне Н. Ярыгино Истобенского сельсовета, в ней было четверо детей и я, младшая. Тятя попрощался и ушёл на фронт, служил в кавалерии, вскоре пришла похоронка.

Жили мы очень трудно, спасибо председателю А.М. Зыкову, выручал, подкидывал зерно. Возили его в Истобенск молотье. Помню, носила документы из конторы, колоски собирали, пололи морковь, свёклу. Старшие работали тяжело. Вся семья на ферме работала: и мама, и сестра, и братья. На работу ходили в лаптях. Помню, как из ямы доставали гнилую картошку в колхозе, ходили за пестами. Мама коров доит, мы придём к ней. У кормушки и уснём вместе с коровой.

Даровских Софья Кузьмовна, 1935 г.р., д. Целищевы – пгт. Оричи

Анисимова Т. А. «Ничто не изгладит из памяти близких и родных этот ужас войны»

*Кузнецов А.Д.
со своей мамой*

Что бы ни говорили, а мы живём всё-таки в прекрасное время. Но большинство из нас, живущих и пользующихся всеми благами цивилизации, порой даже не задумываются, какой ценой было оплачено всё это благополучие.

С одной стороны – каждый убеждён в своей полной невинности перед павшими на полях Великой Отечественной войны. А с другой – в

душе каждого временами пробивается росток покаянного ощущения. И тут мы сталкиваемся с далеко скрытым чувством неутраченной со временем боли.

Война – это большая беда для любого человека. Это сплывающая народ в единое целое всеобщая беда. Люди вынуждены были забыть о своих личных делах, проблемах и обидах. Откуда-то находили силы и объединялись, делая всё для победы над врагом.

Началась всеобщая мобилизация. В 1941 году Шарьинским РВК был призван

и мой дед, Кузнецов Александр Дмитриевич, 1911 года рождения. Пройдя через многочисленные испытания первых дней и месяцев войны, был тяжело ранен и попал в Красноярский госпиталь на лечение, после чего был дан отпуск домой по ранению, повидать и обнять свою семью: маму, жену и троих детей Диму (7 лет), Алексея (4 года) и Лиду (1,5 года). И, как ни трудна была его доля – дом, семья, работа на земле, дети, о которых надо заботиться, но он твёрдо знал своё назначение.

Вернувшись на фронт, защищал свою Родину, «заслоняясь от смерти чёрной только собственной спиной...» Дедушка Александр, переходя на новые позиции, ночуя в окопах или прямо на земле в любую погоду, в результате неудачно спланированной большой операции, попал в окружение. Шли непрерывные бои с фашистами, Красная армия несла колоссальные потери, в 3 раза погибло наших бойцов больше, чем немцев в этих боях...

И вот моя мама, Лидия Александровна Кузнецова (Соломко) осталась без отца, который погиб 15.02.1943 года. Сейчас на месте братской могилы, в селе Залучье Старорусского района Новгородской области возведён Холм Славы.

Ничто не изгладит из памяти близких и родных этот ужас войны, на долгое время застывший в глазах моей бабушки, Кузнецовой Александры Васильевны, 1915 года. Она до последних дней бережно хранила те немногие письма мужа с фронта, которые ей были очень дороги.

А вот другой мой дед, Соломко Николай Иванович, 1907 года рождения, был призван на фронт 25 июля 1941 года Миякинским РВК. Лишь выписка о его смерти пришла бабушке, Соломко Ульяне Никоновне, что «с февраля 1942 можно считать пропавшим без вести...»

Всем приходилось очень плохо, но жили и трудились не ради славы, а ради жизни других людей, будущих поколений.

Анисимова Т.А., пгт. Оричи

Коротких С. Н. «Шли треугольнички, в которых коротко: «Жив, здоров»

В годы войны я жила в деревне Вальково, Вальковского сельсовета, Кировской обл. В семье было 6 человек: папа, мама, 2 брата и я, а ещё бабушка. Все работали в колхозе. В деревне был сельсовет, поэтому мы сразу узнали о начале войны – позвонили. Все плакали.

На фронт провожали ночью, стоял горький плач и в то же время, с горя что ли, играла гармошка. Брата моего проводили из 9 класса, ему было всего 16 лет. Письма писали редко, шли треугольнички и открытки, в которых коротко: «Жив, здоров». Очень скоро стали приходиться похороны и извещения на без вести пропавших.

Мой муж, Коротких И.Г., прошёл всю войну и после войны попал на Западную Украину, там вылавливал «бандеровцев», был контужен, ноги обморожены.

Папин брат, Смирнов Д.Н., был лейтенантом, сначала призвали на сборы в Москву, а потом сразу на фронт. И погиб он в первых боях под Москвой, пришло извещение: «Без вести пропал».

В войну мне было 12 лет, я и мои ровесники работали за взрослых, ездили на лошадях и быках, пахали, возили навоз в поле, боронили, молотили вручную, жали,

косили. Ели гнилую картошку, траву: клевер, лебеду и песты, чистого хлеба всю войну не было. Одевались плохо, ходили в лаптях, носили холщёвое.

После окончания семилетки, пошла учиться в г. Халтурин, стипендию носила родителям на налоги. Денег у них не было, шла на учёбу и несла в руках трёхлитровый бидон молока и хлеб в мешке. 15 километров ходила пешком каждую неделю, а дома в выходной день надо баню истопить, прибраться, выстирать и снова в путь. Первую зарплату получила и отдала родителям, работала агрономом за 80 км. от железной дороги. Поехала на работу, пальто сшили из шинели.

Коротких С.Н., 1928 г.р., п. Юбилейный

Фуфачева А. В. «...Увязла в грязи на этом поле так, что меня еле нашли»

Когда началась война, мы жили в деревне Подборные, Кировский район. Родители работали в колхозе. Семья: папа, мама, бабушка, сестра. Я родилась зимой, война уже шла. Когда мне было 5 месяцев, папу взяли на фронт, мама была беременна, сестра родилась 14 января 1942 года. Так мы и жили мама, бабушка да нас трое... Я была маленькой, ничего не помню, но по рассказам мамы, знаю, что было очень тяжело. Ели траву. Мама пекла лепешки из картошки, а вместо муки была сушеная трава подорожник. Когда подросли, собирали колосья в поле и отдавали в колхоз. Ходили в лес за грибами, собирали картошку после зимы в поле, то, что осталось с осени. Это я уже помню, потому что увязла в грязи на этом поле так, что меня еле нашли. В школу ходили в деревню Студенец. Одежды особой не было, так и бегали кто в чем.

Папа пришел с войны в 1946 году, он был еще на войне с Японией, лишился пальцев на одной руке. У него было много медалей и Орден, мы, дети, играли ими. После смерти отца (1980 год) все ордена и медали забрал сосед, мама отдала просто так, а он их носил. После войны у моих родителей родилось еще двое детей. Все выросли и разъехались кто куда.

Фуфачева Алевтина Владимировна, родилась 15 февраля 1941 года, п. Юбилейный

Ведрова А. В. «Молитесь Богу! Война закончилась!»

Я, Ведрова (Косолапова) Антонина Васильевна, родилась 30 декабря 1937 года в деревне Тихошины Шестаковского района (ныне Слободской). Семья была из 5 человек. Мама, Дарья Егоровна работала телятницей, папа Василий Фёдорович до войны работал конюхом. Старший брат Виктор родился в 1928 году. Во время войны его забрали на сплав леса. Сплавливал лес по реке Вятка недалеко от села Шестаково. Второй брат Николай родился в 1931 году. В городе Слободском закончил ФЗО по специальности «скорняк».

Когда началась война, мне было 4 года. Мужчин на фронт провожали всей деревней. Папу на фронт пошли провожать бабушка и я. Он нёс меня на руках по деревне до ворот. На трёх подводах мужчины доехали до Слободского, где их и

расформировали. Папу отправили работать в лес. В течение шести месяцев папа работал в лесу, жег уголь в яме. Уголь отправляли на фронт. Через полгода папа вернулся домой, забрал коня Орлика и уехал на фронт в киевском направлении. На фронте в звании рядового подвозил снаряды. В 1943 году папу ранили, Орлик погиб. После госпиталя отправили на восстановление ДнепроГЭС. Домой папа вернулся в 1946 году.

Для солдат на фронт добровольно вязали носки, шили кисеты. Кисеты набивали сушеным табаком и отправляли на фронт. Весточки с фронта ждали всей деревней. Приходило письмо, вся деревня радовалась, а похоронка придёт – ревели всей деревней. С войны домой не вернулось 16 мужчин.

Об окончании войны узнала 9 мая 1945 года. В этот день шёл снег с дождём. Из деревни Рязань Слободского района прискакал всадник. Собрал всех жителей деревни у конторы и крикнул: «Молитесь Богу! Война закончилась!». Все в голос завывали и стали молиться.

Послевоенные годы были очень трудные. Из-за тяжёлого материального положения я ушла жить к дяде (папин брат) с тётей Степану Фёдоровичу и Марии Яковлевне Косолаповым в село Шестаково. У родственников жила с 1946 по 1953 г.г. У дяди жила хорошо, не голодала. Кормилицей в семье была корова. Была возможность покупать в магазине хлеб. Норма на семью составляла 400 грамм. Позднее норма увеличилась до буханки, но всё равно было голодно. Собирали песты, перетирали на жерновах и пекли лепёшки.

Работать начала в поле с 8 лет. Теревили лён. В поле собирали колоски и сдавали в колхоз.

Во время войны и в послевоенное время выручал огород. Выращивали капусту, картошку, свеклу, репу, морковь. В печке парили репу, сушили морковь. Из сушеной моркови заваривали чай. Репа нам заменяла конфеты.

Колхозные поля и часть домашней усадьбы под картошку пахали на колхозных лошадях, а остальное копали вручную. В период сенокоса женщины в деревне работали с 4 утра до 12 ночи.

В колхозе работали за трудодни, зарплату не платили до 60-х годов XX века. Чтобы заработать денег, мама продавала яйца. Ежедневно сдавали государству молоко (налог). Молоко возили на маслозавод в Совье. Излишки молока мама перерабатывала в масло и продавала. На вырученные деньги покупала спички, соль, керосин. Яйца и масло мама ходила продавать в Слободской. В Пижанку мама ходила пешком, чтобы обменять материал на зерно. Дорога занимала больше недели туда и обратно. Привезёт пуд зерна (16 кг) домой, намелет муки, перемешает с гнилой картошкой и напечёт блинов.

Электричество в деревню провели только в 60-х годах, а до этого жгли лучину, а позднее появились керосиновые семилинейные лампы. Одежду носили портяную, нам её шила бабушка. Летом ходили босиком, осенью в резиновых сапогах. Зимой носили валенки. Валенки катали местные пимокаты. Лапти не носили. Регулярно топили баню. Мылись щелоком. Одежду стирали дома, а полоскать ходили на ключ.

Несмотря на тяжелое послевоенное время, ходили на вечерки в соседнее село Совье. Танцевали вальс, краковяк, падеспань. Всей деревней отмечали праздники: Троицу, Ильин день и другие. Окончание уборочной страды отмечали общим ужином в колхозной конторе.

В 1949 г. семья переехала в Коминтерн. В этом же году родился брат Юрий. В 1953 г. я закончила школу. Поступила в Кировский с\х техникум, в деревне Сапожнята. С 1957-1960 г.г. работала в МТС в Среднеивкино, в Верхошижемье. Заочно закончила Халтуринский с\х техникум по специальности «экономист». В 1960-м году переехали в Оричи, работала в ДОКе экономистом, с 1981 года главным бухгалтером. В 1994 г. вышла на пенсию.

Ведрова А.В., 1937 г.р., пгт. Оричи

Столбова Е. Г. «Не было усталости, хотя работали не покладая рук»

Труженики тыла... Как много в этом смысла! – трудиться по 20 часов каждый день, выстоять, зная, что муж на фронте и дочке всего 2 годика. Верить в Победу и ждать конца войны, чтобы снова быть счастливой.

Лимонова Е.В.
1941 год

Моя мама, Лимонова Ефросинья Васильевна, 1919 года рождения, рассказывала, как жилось в глубоком тылу в годы войны. Она бригадир – овощевод в совхозе «Ардашевский», ответственная должность. А бригадире всего 21 год. Все поля были засеяны табаком, лето заканчивается, табак вырос хороший. Для фронта он был так же необходим, как и хлеб. Погода прояснилась и мама организовала жатву табака. Председатель увидел, говорит: «Что творишь, под суд захотела?» А мама сказала, что заморозок будет, всё погибнет. И правда, ночью случился сильнейший заморозок, и часть посева погибла, а тем, что успели сжать, хватило выполнить поставки табака, за что

потом председатель повинился. Такая вот интуиция в работе была у мамочки.

А ещё в полях работали сосланные репрессированные. Жили они в бараках, кормили их очень плохо. И мама, рискуя сама, сказала своим работницам при уборке корнеплодов турнепса, репы, свёклы, чтобы складывали их к дороге. И когда их вели под конвоем, они могли схватить эти корнеплоды, из которых потом в бараке варили похлёбку. И многие, уезжая после окончания срока, говорили маме: «Спасибо. Ты, Васильевна, нам жизнь спасла».

Ездили на станцию Ардаши с урожаем. Поезд придет, стоит 20 минут, к этому времени подводы на лошадях, груженные овощами подвозят и быстро грузят. И это всё бабы, парни-подростки. Но мама говорила, что не было усталости, хотя работали не покладая рук, потому что на фронте были мужья, сыновья, братья, отцы.

Мама награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Вторая слева
Лимонова Миля,
военные годы.

Киверин Г. Н. «Любимым занятием у нас была ловля раков»

Шла война, наша семья жила в деревне Теремешки Тужинского района, Кировской области. Люди голодали, многие подростки вынуждены были ходить по населённым пунктам и просить «милостину», но нам с братом было стыдно это делать и мы довольствовались, как говорится, «чем Бог подаст». Собирали ягоды, грибы, ловили на реке Немдеж раков, рыбу. Рыбачили небольшим бредешком: его соткала на домашнем станке наша мама. Ткань была частая и поэтому было трудно двигать бредень, особенно против течения воды... Однажды большая стрелевая щука, почуяв, что мы её гоним к берегу, не стала ждать своего пленения, а прямо из воды выбросилась на песчаный берег. Мы, бросив бредень, пытались ухватить щуку за жабры, но не тут-то было: она больно укусила брата за палец. Вдвоём мы все-таки заставили щуку угомониться. Радости не было предела, так как ни до, ни после такого трофея нам больше не довелось ловить в Немдеже. Щука была в длину около метра. Подвесив её на ремень за жабры, мы пошли домой. Брат нес щуку на плече и её хвост бил его по мальчишеским пяткам. Всё это бесспорно привлекало внимание односельчан, вселяло в нас гордость: «Мол, знай наших!»

Другим любимым занятием у нас была ловля раков, которых в то время в Немдеже было огромное количество: часть из них находилась в норах, часть ползала по дну реки. В норах раки сидят клешнями вперёд, поэтому не всегда удавалось их поймать за обе лапы, чтобы не поранить руки острыми кончиками. Иногда в рачьих норах попадались налимы. Из-за скользкой кожи их было трудно вытащить, не ухватив за жабры с обеих сторон.

Часто для утоления голода приходилось есть цветки клевера, щавель, песты. Каждую весну собирали на колхозных полях оставшуюся на зиму, не выкопанную картошку. В первые дни она была нормальной, потом от лучей солнца крахмал зеленел и картошка превращалась в отраву. Однажды брат, поев такой картошки, чуть не умер. В моём присутствии его начало тошнить, боли в животе были такие, что он с рёвом катался по земле и просил помощи. Я глядел на это, но ничем не мог помочь. Позднее, на нашу радость, боль отступила.

Моя мама, Киверина Таисья Петровна (в девичестве Лобанова), трудилась в колхозе, непокладая рук. За свою честную работу в годы войны маму наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Такой медалью в колхозе имени Ворошилова наградили только двух колхозниц. Позднее маме дали удостоверение «Труженик тыла», но мама так и не воспользовалась положенными льготами.

Киверин Г.Н, 1937 г.р., пгт. Оричи